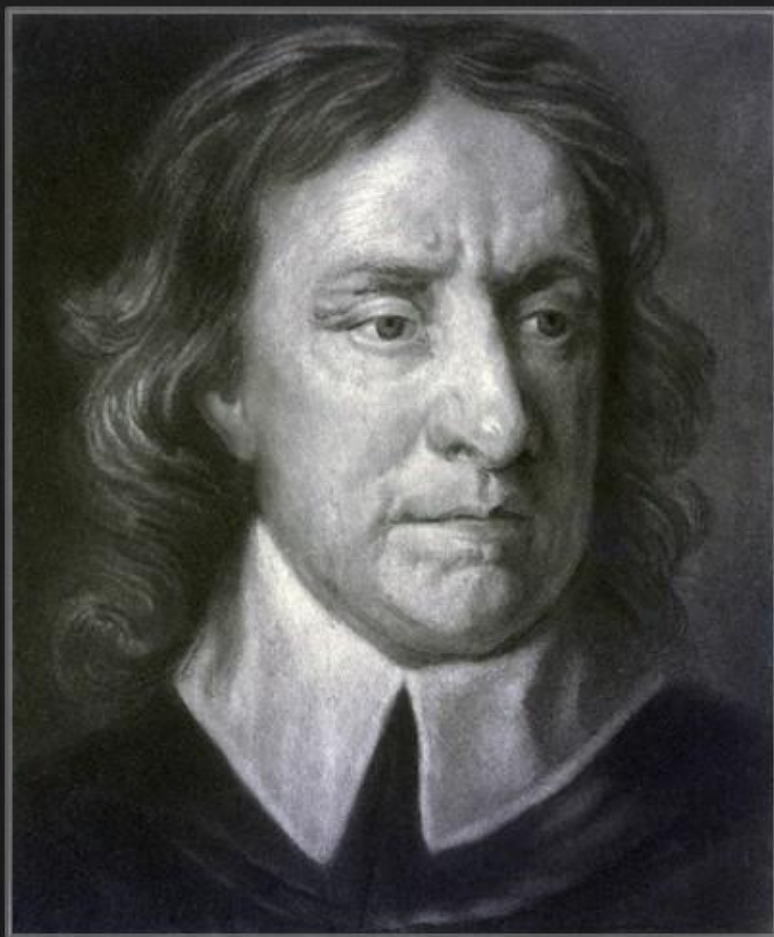

Оливер Кромвель

Сэмюэл Роусон Гардинер

OLIVER CROMWELL

Samuel Rawson Gardiner

1909

pgdp.net

The Project Gutenberg eBook of Oliver Cromwell.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Оливер Кромвель

Автор: Сэмюэл Роусон Гардинер

Дата выхода: 25 февраля 2014 [eBook #45010]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Чарли Ховардом и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", Оливер Кромвель, автор Сэмюэл Роусон Гардинер

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. [См.
https://archive.org/details/gardiner Crom00garduoft](https://archive.org/details/gardiner Crom00garduoft)

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ САМУЭЛЯ РОУСОНА ГАРДИНЕРА

ИСТОРИЯ АНГЛИИ, от воцарения Якова I до начала гражданской войны, 1603-1642. 10 vols. crown 8vo, 5s. net each.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, 1642-1649. 4 тома. crown 8vo, 5s. net каждый.

ИСТОРИЯ СОДРУЖЕСТВА И ПРОТЕКТОРАТА. 1649-1660. 4 vols. crown 8vo, 5s. net each.

A STUDENT'S HISTORY OF ENGLAND. С древнейших времен до 1885 года.

Том I. 55 г. до н. э. - 1509 г. н. э. Со 173 иллюстрациями. Crown 8vo, 4s.

Том II. 1509-1689. С 96 иллюстрациями. Crown 8vo, 4s.

Том III. 1689-1901. Со 109 иллюстрациями. Crown 8vo, 4s.

*** Полное собрание сочинений в одном томе, с 378 иллюстрациями. Crown 8vo, 12s.*

ШКОЛЬНЫЙ АТЛАС АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ. Под редакцией Сэмюэля Роусона Гардинера, доктора философии, доктора права. С 66 цветными картами и 22 планами сражений и осад. Fcp. 4to, 5s.

МЕСТО КРОМВЕЛЯ В ИСТОРИИ. Основано на шести лекциях, прочитанных в Оксфорде. Crown 8vo, 3s. 6d.

OLIVER CROMWELL. С фронтисписом. Crown 8vo, 5s. net.

WHAT GUNPOWDER PLOT WAS: a Reply to Father Gerard. С 8 иллюстрациями и планами. Crown 8vo, 5s.

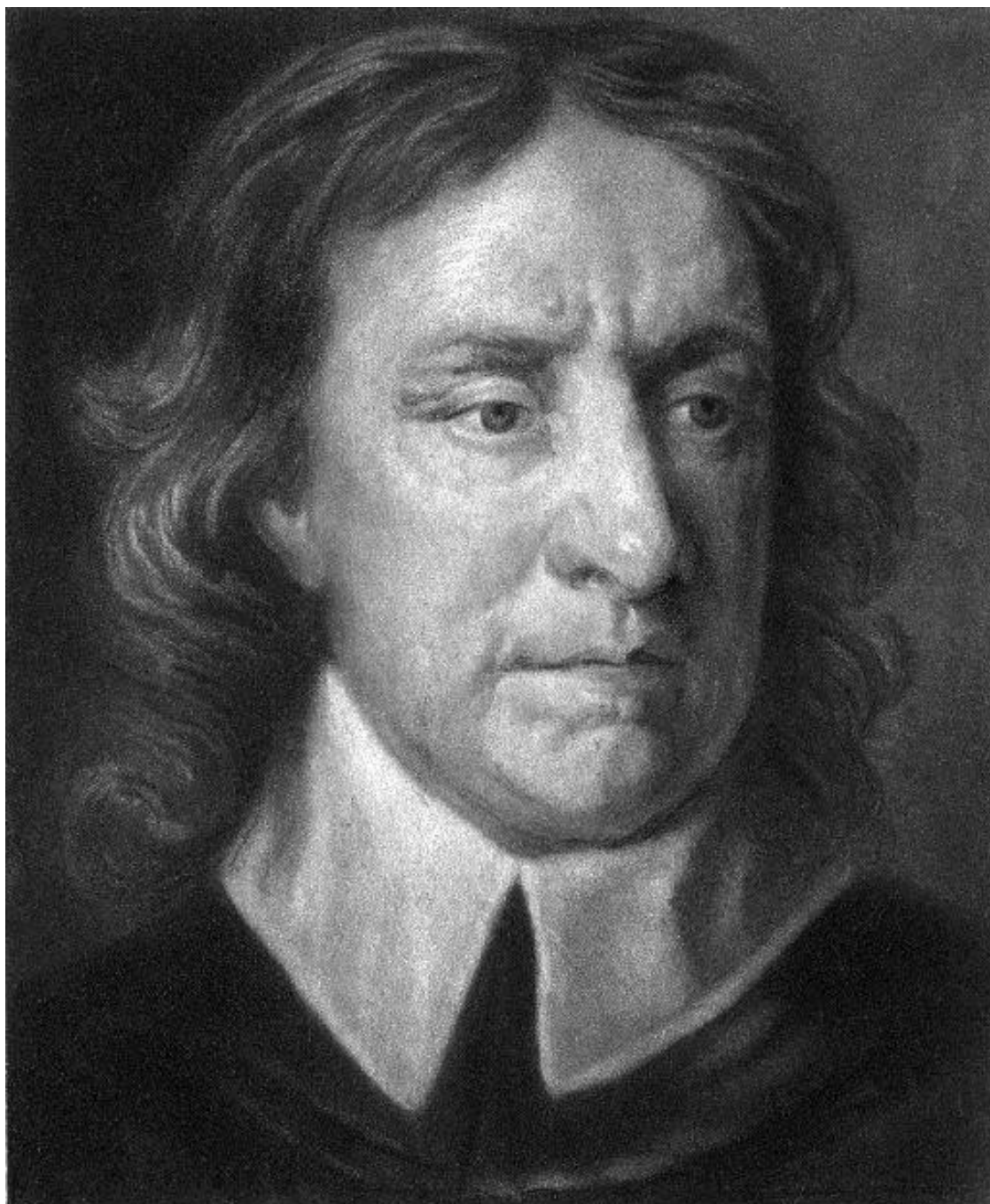
ПЕРВЫЕ ДВА СТЮАРТА И ПУРИТАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, 1603-1660. 4 карты. Fcp. 8vo, 2s. 6d.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА, 1618-1648. С картой. Fcp. 8vo, 2s. 6d.

ОЧЕРК АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ, 55 Г. ДО Н. Э. - 1901 Г. С 67 гравюрами на дереве и 17 картами. Fcp. 8vo, 2s. 6d.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, 1789-1795. By Mrs. S. R. Gardiner. С 7 картами. Fcp. 8vo, 2s. 6d.

LONGMANS, GREEN, AND CO.
39 PATERNOSTER ROW, LONDON
Нью-Йорк, Бомбей и Калькутта

Printed in Paris.

OLIVER CROMWELL

*From the Original Panel by Samuel Cooper
at Sidney Sussex College, Cambridge.*

Отпечатано в Париже

Оливер Кромвель

С оригинала, выполненного Сэмюэлем Купером
в колледже Сидни Сассекс, Кембридж.

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

САМУЭЛЬ РОУСОН ГАРДИНЕР, М.А.

ЧЕСТЬ. Д.К.Л. ОКСФОРД: Л.Д. КЕМБРИДЖ: Л.Д. ЭДИНБУРГ: Ф.Д. ГЕТТИНГЕН
ПОКОЙНЫЙ СТИПЕНДИАТ МЕРТОНСКОГО КОЛЛЕДЖА: ПОЧЕТНЫЙ СТУДЕНТ ЦЕРКВИ
ХРИСТА
СТИПЕНДИАТ КОРОЛЕВСКОГО КОЛЛЕДЖА, ЛОНДОН

С ФРОНТИСПИСОМ

НОВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ЛОНГМАНС, ГРИН И КО.
39 PATERNOSTER ROW, LONDON
НЬЮ-ЙОРК, БОМБЕЙ И КАЛЬКУТТА
1909

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I.

КОРОЛЬ И ПАРЛАМЕНТ. 1

ГЛАВА II.

АРМИЯ НОВОГО ОБРАЗЦА И ПРЕСВИТЕРИАНЕ. 56

ГЛАВА III.

АРМИЯ НОВОГО ОБРАЗЦА И КОРОЛЬ. 101

ГЛАВА IV.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА. 166

ГЛАВА V.

НОМИНИРОВАННЫЙ ПАРЛАМЕНТ И ПРОТЕКТОРАТ. 213

ГЛАВА VI.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ. 264

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В данной работе в сжатые сроки излагается история Оливера Кромвеля с биографической точки зрения. Текст пересмотрен автором, но в остальном это то же самое в более дешевой форме, что и то, что было опубликовано господами Гупиль с иллюстрациями в их Иллюстрированной серии исторических томов.

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ.

ГЛАВА I. КОРОЛЬ И ПАРЛАМЕНТ.

Оливер Кромвель, будущий лорд-протектор Английского Содружества, родился в Хантингдоне 25 апреля 1599 года, получив крестильное имя от своего дяди, сэра Оливера Кромвеля из Хинчингбрука, поместья в окрестностях маленького городка. Именно в Хантингдоне обосновался отец младенца, Роберт Кромвель, который занимался земледелием и, возможно, пополнял свой доход от пивоварни, которой управляла его жена, Элизабет - потомок норфолкской семьи Стюардов, первоначально Стивардов, которая, что бы ни говорили авторитетные авторы, никак не была связана с королевским домом Шотландии.

"Я был, - говорил Кромвель в одной из своих поздних речей, - по происхождению джентльменом, не достигшим ни значительного роста, ни безвестности. Я был призван к нескольким обязанностям в государстве, и, чтобы не быть излишне навязчивым, я старался исполнять долг честного человека в этих службах Богу, интересам Его народа и Содружества". В этих словах изложена открытая тайна государственной жизни Кромвеля: его цель - во-первых, быть честным человеком, во-вторых, служить Богу и Божьему народу, в-третьих, выполнять свой долг перед Содружеством. Именно в таком порядке, и ни в каком другом, представляли перед его глазами его обязательства перед ближними. Для предстоящей ему работы не могло быть иначе, как полезным то, что его жизненное положение приводило его в соприкосновение со всеми слоями общества.

Какие способности и возможности этот младенец - да и любой другой младенец - мог получить от того или иного предка - тайна, слишком глубокая для человеческого познания; но, по крайней мере, можно отметить, что происхождение Кромвелей от сэра Ричарда Уильямса, племянника Томаса Кромвеля, деспотичного министра Генриха VIII, привнесло в семью валлийские черты, которые могли проявиться в пылом идеализме, освещавшем суровое практическое чувство воина и государственного деятеля.

Об отце Оливера известно немного; но его портрет свидетельствует, что он был человеком трезвого пуританства, не склонным ни к каким формам духовного энтузиазма - совсем не так, как его старший брат, сэр Оливер, который унаследовал не только поместье, но и великолепные пути своего отца, сэра Генри Кромвеля - Золотого рыцаря, и который, после того как промотал свое имущество, был вынужден продать свои земли и уйти в более безвестное положение. Когда маленький Оливер подрос, перед его глазами предстали типы будущих кавалеров и круглоголовых в его собственной семье. Насколько влияние родителей могло решить вопрос, настолько и не было сомнений в том, на чью сторону встанет юный Оливер. Его образование проходило в городской бесплатной школе под руководством доктора Бирда, автора книги *"Театр Божьих судов"*, в которой вера в постоянное вмешательство Провидения в наказание преступников излагалась на многочисленных примерах бедствий нечестивцев. Хотя впоследствии Оливер научился изменять грубость этого учения, доктрина о том, что успех или неудача свидетельствуют о Божественной благосклонности или неблагосклонности, никогда не покидала его, и в дни своего величия он мог без колебаний указывать на результаты Нейсби и Вустера как на свидетельство того, что Бог сам одобряет дело победителя.

В 1616 году Кромвель поступил в колледж Сидни Сассекс в Кембридже, где его портрет сегодня украшает стены зала колледжа. Пробыв там не более года, он покинул университет,

вероятно, поскольку в том же году умер его отец, чтобы заботиться о своей овдовевшей матери и пяти сестрах, оставшихся единственными в живых. Говорят, что вскоре после этого он поселился в Лондоне, чтобы изучать право, и хотя для этого утверждения нет достаточных оснований, оно получает поддержку из того факта, что он нашел себе жену в Лондоне, женившись в 1620 году, в возрасте двадцати одного года, на Элизабет Бурсье, дочери торговца из Сити. Молчание современников показывает, что в эпоху, когда многие женщины принимали активное участие в политике, она ограничилась сферой домашнего влияния. Единственное сохранившееся ее письмо свидетельствует не только о ее привязанности, но и о том, что она была полезна, напоминая своему великому мужу о необходимости выполнения тех маленьких актов вежливости, которыми мужчины, занятые большими делами, иногда склонны пренебрегать. Она, несомненно, была образцом женского совершенства в соответствии с перикловскими стандартами.

О ранней жизни Кромвеля в течение нескольких лет после его женитьбы у нас мало положительных сведений. Его общественная карьера началась с избрания в 1628 году депутатом от Хантингдона в парламенте, который настоял на принятии Петиции о праве. Хотя его дядя к тому времени уже покинул Хинчингбрук и, следовательно, не мог оказать прямого влияния на выборщиков, вполне вероятно, что выбор его сограждан в значительной степени был обусловлен их желанием продемонстрировать свою привязанность к семье, с которой они давно поддерживали дружеские отношения.

Однако даже в этом случае в высшей степени маловероятно, чтобы Кромвель был выбран своими соседями, которым были открыты все события его жизни, если бы у них не было оснований доверять его моральным достоинствам, а также его способностям к государственным делам. Однако именно в этот период своей жизни, если верить памфлетистам роялистов, Кромвель погряз в отвратительной расточительности, и это обвинение, похоже, находит некоторую поддержку в его собственных словах в последующем письме к своей кузине, миссис Сент-Джон: "Вы знаете, - писал он, - каков был мой образ жизни. О! Я жил в темноте, любил ее и ненавидел свет. Я был вождем - вождем грешников. Это правда, я ненавидел благочестие, но Бог смиростивился надо мной". Однако никогда не было разумным воспринимать выражения обращенного кающегося буквально, и достаточно предположить, что Кромвель, по крайней мере во время учебы в Кембридже, был жизнерадостным, нерассуждающим юношей, любящим прогулки на свежем воздухе; хотя, с другой стороны, хотя он никогда не достигал мастерства как ученый, он ни в коем случае не пренебрегал разрешенными занятиями в этом месте. Как бы ни расходились мнения по всем остальным пунктам его характера, никогда не возникало сомнений в его любви к лошадям и желании поощрять ученых людей. Можно с полным основанием утверждать, что его вкусы в обоих направлениях были приобретены в юности.

Против Кромвеля действительно было выдвинуто одно доказательство. В реестре прихода Святого Иоанна в Хантингдоне есть две записи - одна датирована 1621 годом, а другая 1628-м - о том, что в те годы Кромвель подвергался церковному порицанию в той или иной форме. Формирование букв, отсутствие даты месяца или дня, а также состояние пергамента, на котором сделаны записи, не оставляют сомнений в том, что это дело рук фальсификатора. Из этого не следует, что фальсификатор не помнил о том, что нечто подобное произошло в пределах местной памяти, и если мы примем за возможное, что Кромвель был осужден за "свои деяния", какими бы они ни были, в 1621г, и что в 1628 году он добровольно признал себя виновным - формулировка поддельной записи дает некоторое основание для такого вывода, - то нельзя ли отметить совпадение даты между второй записью и записью в дневнике сэра Теодора Майерна, модного врача того времени, который отмечает, что

Оливер Кромвель, посетивший его в сентябре того же года, был *valde melancholicus*. Даже если не обращать внимания на реестр Святого Иоанна, заявление Майерна позволяет нам приблизительно датировать то время душевной борьбы, которое он пережил в эти годы и которое наконец завершилось, когда созерцание собственного недостойнства уступило уверенности в любви Спасителя. "Кто еще, - писал он спустя много лет своей дочери Бриджит, - вкусил, что Господь милостив, без некоторого чувства собственного достоинства, тщеславия и скверны?" Это был кризис в его жизни, который, если бы он родился в римском причастии, вероятно, отправил бы его, как отправил Лютера, в монастырь. Будучи англичанином-пуританином, он твердо решил упорно делать свое дело в этом мире и помогать другим в мирских делах, как ему самому помогали в духовных.

Английское пуританство, как и другие широко распространенные влияния, было сложным по своей природе и приводило к разным результатам у разных людей. Интеллектуально он основывался на кальвинистском богословии, и многих он привел к жесточайшей нетерпимости ко всем системам мысли и практики, которые не соответствовали ему. Натура Кромвеля была слишком велика, а характер слишком силен, чтобы он мог долго ассоциировать себя с фанатиками своего века. Его пуританство - пусть и не столь всеобъемлющее, как хотелось бы современному философу, - было скорее моральным, чем интеллектуальным. Несомненно, он был нетерпим к внешним формам, в которых религиозная преданность таких современников, как Джордж Герберт и Крэшоу, находила должную подпитку, но в то же время он удерживал его от того, чтобы склониться перед идолом людей его собственной партии - требованием точного соответствия кальвинистскому стандарту веры. Ему было достаточно, если он и его единомышленники находили вдохновение в чувстве личной зависимости от Бога, проявляющейся в добрых и благодетельных делах.

Когда в 1628 году Кромвель занял свое место в Палате общин, он был уверен в хорошем приеме как двоюродный брат Хэмпдена. Однако нет ничего удивительного в его молчании во время бурных дебатов по Петиции о праве. Он не был оратором по натуре, хотя и умел убедительно выражать свои мысли, когда глубоко переживал, а в это время, да и на протяжении всей своей жизни, он переживал больше по религиозным, чем по политическим вопросам. На второй сессии палаты, состоявшейся в 1629 году, большую часть времени занимали религиозные вопросы, и именно тогда Кромвель произнес свою первую речь, если такое короткое высказывание может быть достойно этого названия. "Доктор Бирд, - сообщил он палате представителей, - рассказал ему, что некий доктор Алабластер проповедовал в Шпитале догматы папизма, и Бирд должен был повторить то же самое, тогда нынешний епископ Винтонский, а тогда епископ Линкольнский, послал за доктором Бирдом. Бирда и поручил ему, как своему епарху, не проповедовать никакого учения, противоречащего тому, что произнес Алабластер, и когда Бирд, по совету епископа Фелтона, проповедовал против проповеди и личности доктора Алабластера, доктор Нейл, ныне епископ Уинтона, порицал его, упомянутого Бирда, за это".

Обстоятельства того времени придают особое биографическое значение открытию этого окна в сознание Кромвеля. Противостояние между пуританским духовенством и придворными прелатами достигло своего апогея. Последние, стремясь обеспечить дисциплину и соблюдение внешних обрядов, которые, хотя и предписывались Молитвенником, во многих частях страны игнорировались, в то же время выступали за более широкое религиозное учение, чем то, которое представляла логика Кальвина; но, зная, что они находятся в сравнительно небольшом меньшинстве, они, возможно, не без основания, опирались на защиту короля, который в церковных делах полностью находился под

влиянием Лауда. Результатом консультаций Карла с теми епископами, которые были под рукой, стал выпуск Декларации, которая была приложена к новому изданию статей и до сих пор встречается в Молитвенниках. Средством решения споров в Церкви о предопределении и подобных вопросах было навязывание молчания обеим сторонам, и именно с учетом этой политики Кромвель поднял старую историю, чтобы показать, как по крайней мере за двенадцать лет до этого его старому школьному учителю, доктору Бирду, было запрещено проповедовать любую доктрину, кроме той, которую член парламента от Хантингдона заклеил как попскую, и это сделал прелат, который теперь стремился менее прямым способом навязать молчание пуританским священникам. Другие члены парламента пытались противостоять епископату двора, нетерпимо утверждая, что проповедовать следует только кальвинизм. Кромвель не сделал ничего подобного. Он даже не сказал, что тех, кто отстаивает то, что он назвал "догматами папизма", следует заставить замолчать. Он просто попросил, чтобы те, кто возражает против них, могли свободно высказывать свое мнение публично. Здесь есть зародыш его будущей либеральной политики в качестве лорда-протектора - зародыш также большого расхождения во мнениях с теми, с кем он в это время действовал заодно.^А

^А Мой аргумент, очевидно, не выдержит критики, если остальная часть речи, напечатанная в Рашуорте, будет признана подлинной. Однако есть все основания полагать, что это не так (*Hist. of Eng.*, 1603-1642, vii., 56, примечание).

Как бы мало мы ни знали о действиях Кромвеля в течение одиннадцати лет, когда парламент не заседал, это немного имеет значение. Его вмешательство в мирские дела неизменно было на стороне бедных. В 1630 году Хантингдону была дарована новая хартия, по которой управление городом возлагалось на мэра и двенадцать олдерменов, назначаемых пожизненно. Кромвель не возражал против этого, не испытывая особого восторга от представительных учреждений, но он протестовал против такой части хартии, которая, позволяя новой корпорации по своему усмотрению распоряжаться общим имуществом города, оставляла владельцев пастбищ на произвол судьбы; и, подогреваемый чувством несправедливости по отношению к своим более бедным соседям, он гневно высказался по этому поводу Барнарду, новому мэру. Кромвель был вызван в совет, в результате чего граф Манчестер, назначенный третейским судьей, поддержал его возражения, а Кромвель, получив свою точку зрения, извинился за грубость своей речи. Не исключено, что именно из-за этих разногласий с новыми правителями города он вскоре после этого продал свою собственность и переехал в Сент-Айвс, где обосновался в качестве фермера, занимающегося пастбищами. О духовном благополучии своих соседей он заботился не меньше, чем о мирском. В это время многие пуритане пытались уменьшить влияние духовенства, которое во многих местах было настроено против них, собирая суммы на оплату лекторов, которые читали бы пуританские проповеди, не будучи обязанными читать перед ними молитвы. Самое раннее из сохранившихся писем Кромвеля было написано в 1636 году торговцу из Сити с просьбой продолжить подписку на содержание некоего доктора Уэллса, "человека доброго, деятельного и способного на всякое доброе дело". "Вы знаете, мистер Стори, - добавляет он, - что отказ от платы означает отказ от лекции, а кто пойдет на войну за свой счет?"

В 1636 году Кромвель переехал в Эли, где обрабатывал соборную десятину в наследство от своего дяди по материнской линии, сэра Томаса Стюарда. Вскоре после того, как он обосновался в новом доме, в болотистой местности, которую граф Бедфорд и его помощники пытались осушить, начались волнения. Сославшись на то, что работа уже завершена, новые владельцы приказали согнать скот с пастбищ, разбросанных среди воды. Владельцы,

подстрекаемые по крайней мере одним из соседних дворян, оказали бурное сопротивление попытке лишить их права на общее владение. Нам также сообщают, что "простолюдины, живущие на упомянутых болотах и прилегающих к ним болотах, сообщают, что мистер Кромвель, из Эли, взял на себя обязательство - они платят ему по цене за каждую корову, которую имеют на общих землях, - удерживать осушителей в судебном порядке в течение пяти лет, и что в это время они должны пользоваться каждым футом своих земель". То, что Кромвель взялся за дело слабых и в то же время пытался служить им в судебном порядке, держась в стороне от их бунтарских действий, - верное свидетельство характера этого человека. Неудивительно, что его популярность росла, и в 1640 году он был избран от округа Кембридж в оба парламента, которые собрались в том году.

В коротком парламенте Кромвель заседал, насколько нам известно, в качестве молчаливого члена. О его появлении в Длинном парламенте у нас есть часто цитируемое описание его личной внешности от молодого придворного. "Однажды утром я вошел в палату, - писал сэр Филипп Уорик, - хорошо одетый, и увидел джентльмена, которого я не знал, очень обыденно одетого, поскольку это был костюм из простой ткани, который, казалось, был сшит плохим деревенским портным; его белье было простым и не очень чистым, и я помню пятнышко или два крови на его маленькой ленте, которая была не больше его воротника. Его шляпа была без ленты. Роста он был немалого; шпага торчала у него на боку; лицо опухло и покраснело, голос был резким и нестройным, а красноречие полным пыла, ибо предмет речи не терпел рассуждений: выступал в защиту слуги мистера Принна, который распускал пасквили на королеву за ее танцы и подобные им невинные и придворные виды спорта; И он усугубил заключение этого человека в тюрьму за столом совета до такой степени, что можно было поверить, будто само правительство подверглось большой опасности из-за этого. Я искренне признаюсь, что это сильно уменьшило мое почтение к этому великому совету, ибо к нему очень прислушивались; и все же я дождался до того времени, когда увидел этого самого джентльмена, который, благодаря множеству удачных побегов и реальной, но узурпированной власти, имея лучшего портного и больше общаясь в хорошей компании, предстал в величественном и величественном виде и с приятной внешностью". Любопытно, что так называемый слуга Прайна - на самом деле он вообще никогда не состоял на службе у Прайна - был не кто иной, как Джон Лилберн, который в последующие годы стал для Кромвеля занозой в плоти. Взявшись защищать человека, приговоренного к бичеванию и тюремному заключению за распространение книг, признанных Карлом и его министрами пасквилями, Кромвель объявил своим соратникам о своей собственной политической позиции. В жизни - и прежде всего в политической жизни - невозможно удовлетворить тех, кто ожидает, что действия любого человека будут абсолютно последовательными. Возможно, последующие поколения убедятся не только в том, что Карл искренне следовал курсу, который считал правильным, но и в том, что этот курс соответствовал определенным элементам человеческой натуры и, следовательно, не был простым проявлением его личного характера. Тем не менее остается фактом, что он был далеко не достаточно силен для того места, которое унаследовал от своих предшественников, и что, облачившись в одежды елизаветинской монархии, он слишком плохо осознавал работу, которую требовало от него новое поколение, - он был слишком готов заявить о правах Елизаветы, не имея ни капли того мастерства в искусстве управления, которое она черпала из своего близкого знакомства с народом, над которым была призвана править.

Неумелость Чарльза была тем губительнее, что он вступил на престол в период кризиса, когда мало кто смог бы сохранить престиж монархии. С одной стороны, особые полномочия, возложенные на государей Тюдоров, больше не требовались после успешного преодоления внутренних и внешних опасностей, которые занимали их царствование. С другой стороны,

между религиозными партиями возникли разногласия, которые требовали действий, сильно отличающихся от тех, что были предложены Елизавете. Отбросив власть Римского престола, Елизавета опиралась на национальный дух Англии, а в противостоянии притязаниям пресвитерианского духовенства ее поддерживало подавляющее большинство мирян. К концу своего правления ей удалось установить ту особую форму церковного правления, которой она отдавала предпочтение. И хотя духовенство перестало кричать о замене епископата пресвитерианской дисциплиной, большинство духовенства и верующих мирян оставались пуританами до мозга костей. На многое повлияла долгая борьба с Римом и Испанией и вызванное ею отвращение к любой форме веры, напоминающей Рим и Испанию. За двадцать два года правления миролюбивого Якова религиозная мысль перестала испытывать влияние чувства национальной опасности. Сначала один, а затем другой - Бэнкрофт, Эндрюс или Лауд, люди из колледжа или собора - начали думать по-своему, приветствовать более широкое толкование религиозных истин, чем то, которое давал институт Кальвина, и, прежде всего, не доверять внутреннему убеждению, которое может быть искажено страстью или корыстью, и останавливаться на ценности внешнего влияния ритуала и организации. Справедливое отношение к обеим этим школам мысли и практики во время воцарения Карла потребовало бы сил от любого человека, учитывая, насколько неподготовленной была Англия того времени, чтобы признать возможность веротерпимости. Жаль только, что Карл, со всеми его прекрасными чувствами и добросовестной честностью, оказался непригоден для этой задачи. Отдавшись сердцем и душой вновь поднявшейся волне религиозной мысли, его воображение было слишком слабым, чтобы позволить ему осознать силу пуританства, так что он направил свои силы не на то, чтобы обеспечить своим друзьям свободу выражения убеждений, а на подавление тех, на которых он смотрел как на врагов церкви и короны. При содействии Лауда он сделал все возможное, чтобы подавить пуританство, в результате чего пуританство стало еще сильнее, чем было до этого. Каждый независимый человек, восставший против мелочного вмешательства Лауда, по симпатии, если не по убеждению, становился в ряды пуритан.

Ни в правление Елизаветы, ни в правление Карла невозможно было отделить политику от религии. Парламент, недовольный тем, что Карл неэффективно руководил государством, был еще более недоволен его попыткой использовать свою власть над церковью в интересах непопулярной партии. Палата общин, представлявшая в основном ту часть населения, в которой пуританство было наиболее сильным, - деревенских джентльменов, связанных со средним классом в городах, - стремилась разрушить систему Лауда в церкви и помешать распространению королевской власти в государстве. Для этого необходимо было не только уменьшить власть короны, но и передать большую ее часть парламенту, который, по крайней мере в глазах его членов, был гораздо более способен разумно управлять Англией.

О том, что Кромвель искренне принял такое видение ситуации, свидетельствует то, что он был выбран для второго чтения законопроекта о возрождении ежегодных парламентов, который в результате последующего компромисса был преобразован в Трехгодичный акт, предписывающий, что никогда больше не должно быть перерыва в работе парламента более чем на три года. Тот факт, что в начале заседаний парламента его включили не менее чем в восемнадцать комитетов, показывает, что он занял положение, которого никогда не смог бы достичь только благодаря своему двоюродному родству с Хэмпденом и Сент-Джоном. То, что он участвовал в уничтожении специальных судов, которые укрепляли корону в эпоху Тюдоров, и в преследовании Страффорда, не нуждается в доказательствах. Это были действия всей палаты. Именно его участие в решении церковных вопросов, разделивших палату на две антагонистические партии, является наиболее значимым для его позиции в это время.

Как бы ни расходились мнения членов Палаты общин о будущем управлении Церковью, они все же были едины в том, что необходимо изменить систему, по которой она управлялась в последнее время. Можно было бы многое сказать в пользу епископата, осуществляющего умеренное влияние на духовенство и защищающего права меньшинств от деспотичных инстинктов клерикального большинства. На самом деле епископы Карла не были настроены подобным образом. Назначенные короной и избранные только из одной партии - партии меньшинства среди духовенства и религиозных мирян, - они воспользовались возможностью дать волю своим собственным практикам и всячески препятствовать практикам тех, кто выступал против них. Это был не пуританин, а Джереми Тейлор, ярый защитник монархии и епископата, который попал в самую точку. "Интересы епископов, - писал он, - связаны с процветанием короля, помимо интересов их собственной безопасности, благодаря обязательности светских преимуществ. Ибо те, кто имеет средства к существованию от короля и ожидает от него своего состояния, скорее будут платить дань, чем другие, чье состояние не находится в такой непосредственной зависимости от Его Величества. Это всего лишь обычное ожидание благодарности, что покровительствующий парамант будет получать больше помощи от своих бенефициаров в случае необходимости, чем те, кто не получает от него ничего, кроме общего влияния правительства".

Как обычно, легче было обозначить зло, чем найти адекватное средство его устранения. Партия, в рядах которой были Хайд и Фолкленд и которая впоследствии превратилась в партию парламентских роялистов, была встревожена тем, что за тираническим епископатом последует еще более тираническая пресвитерианская дисциплина, и поэтому стремилась заменить существующую систему какой-нибудь схемой модифицированного епископата, в которой епископы должны быть в какой-то мере ответственны перед клерикальными советами. Кромвель работал рука об руку с людьми, которые пытались решить эту проблему другим способом. Так называемый "Билль о корнях и ветвях", который, как говорят, был составлен Святым Иоанном, был внесен в Палату общин им самим и Вейном. От них он перешел к Хазлериггу, который, в свою очередь, передал его сэру Эдварду Дерингу, которым он и был внесен в палату. В том виде, в каком он был окончательно сформирован в комитете, этот законопроект, полностью упраздняя архиепископов, епископов, деканов и капелланов, передавал их церковную юрисдикцию органам комиссаров, которые должны были быть назначены самим парламентом. Очевидно, Кромвель не больше Фолкленда хотел создать в Англии церковные суды шотландской пресвитерианской системы.

Этот законопроект так и не прошел дальше стадии комитета. Вскоре его отодвинул на второй план вопрос о том, можно ли доверять Карлу или нет. Раскрытие заговоров, с помощью которых он пытался спасти жизнь Страффорда, и знание того, что сейчас он посещает Шотландию с намерением собрать шотландскую армию для выступления против парламента в Вестминстере, укрепили руки партии парламентского верховенства и лишили ее лидеров желания проводить церковную политику, пока они не решат политический вопрос в свою пользу. Как бы ни был важен для решения вопроса характер самого Карла с его любовью к переменам и уклонениям, не следует забывать, что кризис возник из-за обстоятельства, характерного для всех революций. Когда в правительстве нации происходят значительные перемены, то для того, чтобы в результате этого был достигнут упорядоченный прогресс, совершенно необходимо, чтобы сменились люди, стоящие у власти. Человеку или людям, которые поддерживали осужденную практику, нельзя доверять осуществление новой схемы, потому что они неизбежно должны рассматривать ее как губительную для нации. Успех революции 1688-89 годов был обусловлен главным образом тем, что Якова сменил Вильгельм; в 1641 году ни Карл не был склонен бежать на континент, ни настроения обеих партий в Палате представителей не были такими, чтобы предложить ему замену другим

принцем, даже если бы такой принц был найден. Все, что могли предложить его наиболее ярые противники, к числу которых можно отнести и Кромвеля, - это оставить ему видимость и пышность королевской власти, поставив его под парламентский контроль и делая от его имени все то, что он меньше всего хотел делать сам. Это было безнадежное положение, в которое его загнали, и все же, учитывая настроение того времени, трудно представить, что можно было найти какое-либо решение.

Перед тем как Карл вернулся из Шотландии, которую он посетил в тщетной надежде привести с собой армию, которая могла бы дать ему контроль над английским парламентом, произошло событие, которое высветило катастрофическую неразумность его противников, оставивших на троне человека, наиболее враждебного их идеям. Ирландское римско-католическое дворянство и аристократия, перешедшие в роялизм из-за страха перед господством пуритан, договорились с Чарльзом о захвате Дублина и использовании его в качестве базы для отправки ему военной помощи в борьбе с парламентом Англии. В октябре 1641 года, прежде чем они успели принять решение, произошла аграрная вспышка в Ольстере, где коренное население восстало против английских и шотландских колонистов, узурпировавших их земли. Восстание приняло форму возмущения и резни, рассчитанных на то, чтобы вызвать в Англии дух мести, даже если бы слухи не опередили правду - тем более, когда ужасная история была сильно преувеличена при переправке через море. Вскоре оба класса римско-католических ирландцев, кельтские крестьяне на севере и англо-ирландские дворяне на юге, объединились в вооруженном сопротивлении английскому правительству.

Попытка отвоевать Ирландию у Англии была предрешена. Кстати, цель сделать это ставила точку в борьбе за власть в Вестминстере. Если бы армия была направлена в Ирландию, то, как только ее непосредственная задача была бы выполнена, она могла бы нанести решающий удар по той или иной стороне. Поэтому для каждой стороны было крайне важно обеспечить назначение офицеров, на которых можно было бы положиться - в одном случае для удара по короне, в другом - для удара по общинам. Пим, который с непревзойденной ловкостью руководил своей партией в Палате представителей, воспользовался случаем и попросил не только о том, чтобы военные назначения подлежали парламентскому контролю, но и о том, чтобы королю было предложено брать только тех советников, которых одобрит парламент. Кромвель был настроен еще более решительно, чем Пим. Король назначил пять новых епископов вопреки большинству общин, и именно Кромвель потребовал созвать конференцию с лордами по этому вопросу, а через несколько дней - еще одну конференцию, на которой лордов попросили присоединиться к голосованию за предоставление графу Эссексу полномочий командовать обученными войсками к югу от Трента для обороны королевства, причем эти полномочия должны были определяться не по желанию короля, а до тех пор, пока парламент не примет новое решение.

Кромвель, очевидно, был сторонником решительных мер. Однако есть признаки того, что сейчас, как и в другие периоды своей жизни, он недооценивал противостоящие ему силы. Его союзники в общинах, во главе с Паймом и Хэмпденом, теперь стремились добиться согласия палаты на Великую Ремонстрацию, не столько как обращение к королю, сколько как манифест к нации. Длинный и подробный каталог проступков короля в прошлом не вызвал возражений. Хайд был готов принять его так же, как Пайм и Хэмпден. Основных требований в нем было два: во-первых, чтобы король нанял таких советников и министров, которым парламент мог бы доверять; и во-вторых, чтобы была предпринята попытка "ограничить в рамках ту непомерную власть, которую прелаты присвоили себе", сохраняя при этом "золотые бразды дисциплины" и требуя "общего синода из самых серьезных, благочестивых, ученых и рассудительных богов для рассмотрения всех вещей, необходимых

для мира и хорошего управления церковью". Кромвель был настолько убежден в том, что "Резолюция" будет в целом приемлема для палаты, что выразил удивление, когда Фолкленд высказал свое мнение о том, что она вызовет дебаты. Возможно, именно из-за того, что в "Ремонстранте" отказывались от позиции "Билля о корнях и ветвях" и говорили об ограничении епископата, а не о его отмене, Кромвелю показалось, что он найдет приверженцев с обеих сторон. Он забыл, как далеко зашли споры с тех летних месяцев, когда обсуждался законопроект о корнях и ветвях, и как люди, считавшие, что, если только Карла можно побудить к более благоразумным назначениям, интеллектуальная свобода будет в большей безопасности при епископах, чем при любой системе, которая может быть одобрена синодом благочестивых священнослужителей, теперь сплотились на стороне короля.

К этому времени как никогда остро стоял вопрос, можно ли доверять Карлу, и у Кромвеля и его союзников были гораздо более веские основания отрицать это, чем у их противников утверждать, что можно. В конце концов, церковная ссора никогда не могла быть окончательно решена без взаимной веротерпимости, а ни одна из сторон не была готова даже частично принять такое решение. Что касается самого Кромвеля, то он считал эти благопристойные формы, которые были символом более глубокой реальности даже для многих, кто восставал против педагогической суровости Лауда, просто лохмотьями папизма и суеверий, которые должны быть сметены без сожаления. С этим убеждением, давящим на его разум, неудивительно, что, когда поздно вечером закончились великие дебаты, после того как было принято решение о разделении, дающее большинство в одиннадцать голосов сторонникам Ремонстранта, он ответил на вопрос Фолкленда, были ли дебаты, следующим образом: "Я поверю вам на слово в другой раз. Если бы реконкиста была отвергнута, я бы продал все, что у меня было, на следующее утро и никогда больше не видел бы Англии; и я знаю, что многие другие честные люди придерживаются того же решения".

В сознании Кромвеля была способность признавать силу неблагоприятных фактов, которая привела его - есть основания [полагать](#) - к мысли об эмиграции в Америку в 1636 году, когда триумф Карла казался наиболее гарантированным, и которая теперь заставила его думать о том же способе бегства в более чистую атмосферу, если Карл, поддерживаемый парламентом, снова окажется на вершине власти. Ни в одном из этих двух случаев его полусформировавшееся решение не переросло в твердую цель, в первый раз потому, что по какой-то непонятной причине он ожесточил свое сердце, чтобы продержаться до наступления лучших времен; во второй раз потому, что ожидаемая опасность так и не наступила.

[В](#) См. аргументы в пользу вероятности традиционной истории, хотя обычно приводимые детали не могут быть достоверными, в книге мистера Фёрта *"Оливер Кромвель"*, 37.

В последовавшей за этим конституционной игре - вопросе о протесте епископов и сопротивлении покушению на пять членов - Кромвель не принял заметного участия, хотя его предложение обратиться к королю с просьбой исключить графа Бристоля из числа советников на том основании, что он ранее рекомендовал Карлу поднять северную армию на свою поддержку, показывает, в каком направлении двигались его мысли. Спор между парламентом и королем настолько углубился, что каждая сторона осуждала применение силы другой стороной, в то время как каждая сторона считала себя вправе вооружаться якобы для собственной защиты. Речь уже не шла о соблюдении конституции в той форме, в которой Тюдоры передали ее Стюартам. Эта конституция, опиравшаяся на подразумеваемую гармонию между королем и народом, безнадежно развалилась, когда Карл в течение одиннадцати лет правил без парламента. Вопрос заключался лишь в том, как

ее восстановить. Кромвель был не тем человеком, чтобы предаваться конституционным спекуляциям, но он ясно видел, что если религия - в том виде, в каком он ее понимал, - должна быть защищена, то это должно быть сделано с помощью вооруженной силы. Королю, для которого религия в таком виде была отвратительна, и который стремился подавить ее, призывая войска из любой иностранной страны, которую можно было склонить прийти к нему на помощь, больше нельзя было доверять власть.

Насколько нам известно, Кромвель не вмешивался в дебаты о контроле над ополчением. В основном он заботился о том, чтобы ополчение было в боеспособном состоянии для защиты парламента. Уже 14 января 1642 года, вскоре после того, как покушение на пятерых членов открыто показало враждебность Карла, по предложению Кромвеля был создан комитет, призванный привести королевство в состояние обороны, и это предложение было поддержано другими, с практической целью направить подавление в Ирландии или защиту в палаты в Вестминстере. Хотя он был далеко не богатым человеком, он внес 600 фунтов стерлингов на планируемую кампанию в Ирландии и еще 500 фунтов стерлингов на сбор войск в Англии. В основном благодаря его усилиям Кембридж оказался в состоянии защитить себя от нападения. Не дожидаясь голосования в парламенте, он отправил оружие на сумму 100 фунтов стерлингов. 15 июля он подал приказ "разрешить жителям города Кембриджа собрать две роты волонтеров и назначить над ними капитанов". Месяц спустя Палата представителей была проинформирована о том, что "мистер Кромвель в Кембриджшире захватил магазин в замке в Кембридже", то есть склад оружия - собственность графства - готового к выдаче ополченцам, когда их призовут на службу или обучение, "и препятствует вывозу пластин из университета, которые, как сообщалось, были на сумму 20 000 фунтов или около того". Очевидно, что в парламенте был один член, быстрый в принятии решений и решительный в воле, который обладал тем, что было так мало у его коллег - задатками великого солдата.

Когда Эссекс, наконец, получил приказ создать парламентскую армию, Кромвель принял поручение собрать отряд аркебузирова - легких лошадей того времени - в своем собственном графстве. Ему не составило труда найти рекрутов, тем более что его популярность в болотистой местности, по возможности, возросла благодаря его поведению в комитете, состоявшемся предыдущим летом, где он горько возмущался попыткой графа Манчестера огородить земли вопреки правам простолюдинов. Тем не менее, он был полон решимости отобрать необходимые ему шестьдесят человек. Мы вполне можем понять, что при выборе подчиненных он руководствовался инстинктивным желанием отметить в своих солдатах те качества, которые были сильно развиты в его собственном характере, где напряженная деятельность подкреплялась непоколебимой убежденностью и горячим душевным подъемом. Он мог выбирать лучших, потому что у него были соседи, друзья и родственники, из которых можно было выбирать. Квартермейстером его отряда был Джон Десборо, его шурин, а другой шурин, Валентин Вотон, хотя и не служил под началом Кромвеля, перешел на его сторону и стал капитаном другого отряда в парламентской армии. До конца своей карьеры Кромвель никогда не продвигал по службе родственников или друзей, если не был уверен в их эффективности, хотя никогда не уклонялся от продвижения родственников, которым, по его мнению, можно было доверять, чтобы снять с себя обвинения в кумовстве.

Трезвость суждений Кромвеля была полностью подтверждена как выбором кавалерии для себя, так и подбором подчиненных. Если исход предстоящей войны будет решаться превосходством в кавалерии, что, несомненно, произойдет, то все шансы были в пользу роялистского дворянства, само прозвище которого "кавалеры" предвещало победу, и которое не только само было знакомо с наездничеством с юности, но и имело в своем

распоряжении конюхов и егерей, состоявших у них на службе. "Ваши войска, - сказал он несколько недель спустя своему кузену Хэмпдену, после того как неудачи парламентской конницы стали очевидны, - в большинстве своем это старые обветшавшие слуги, тапстеры и тому подобные ребята; а их войска - сыновья джентльменов и знатные люди. Как вы думаете, смогут ли духи таких низких и подлых парней когда-нибудь столкнуться с джентльменами, в которых есть честь, мужество и решимость?... Вы должны получить людей духа, и, не примите мои слова всерьез - я знаю, что вы этого не сделаете, - духа, способного идти вперед до тех пор, пока джентльмены будут идти вперед, иначе вы будете побеждены". Важность хорошей кавалерии в те дни была относительно выше, чем сейчас. Пехота, состоящая примерно в равных пропорциях из пикинеров и мушкетеров, причем последние были вооружены тяжелым и громоздким оружием, стрелять из которого можно было только через значительные промежутки времени, а для устойчивости требовался отдых, должна была располагаться за изгородями, чтобы противостоять кавалерийскому натиску. Было общепризнанной аксиомой войны, что пешему полку, марширующему по открытой местности, необходима кавалерия в качестве конвоя для отражения разрушительных атак конного противника. Уступки пехоты были настолько неоспоримы, что если бы не удалось одолеть всадников, собравшихся вокруг штандарта Карла, когда он был выставлен на замковом холме в Ноттингеме, сопротивление парламентской армии вряд ли могло затянуться на долгие месяцы. То, что их удалось одолеть, было заслугой Кромвеля и только Кромвеля.

Дело в том, что Кромвель собрал вокруг себя шестьдесят богобоязненных людей. Более того, он не доверился, как это сделал бы простой фанатик, их неиспытанному рвению. Его новобранцы были подвергнуты железной дисциплине. Горячий огонь энтузиазма по отношению к делу, в которое они были призваны, горел в них с особой силой. Они выхватили свои мечи не ради конституционных гарантий, а ради служения Самому Богу, и Сам Бог, как они благочестиво верили, укроет Своих слуг в день битвы против нечестивцев, которые были не столько их врагами, сколько Его. Не было никаких оснований - так они узнали от своего капитана - отступать от любой предосторожности, рекомендованной самыми мирскими военными экспертами. Кромвель почти наверняка никогда не говорил своим солдатам в таких выражениях - уповать на Бога и держать порох сухим. И все же, как ни апокрифичен этот анекдот, он хорошо отражает дух, в котором отдавались приказы Кромвеля. Сама живость его представлений о сверхъестественном позволяла ему быстро и без всякого чувства несоответствия переходить от религиозных увещаний к практическому удовлетворению требований материального мира.

Когда 23 октября 1642 года при Эджхилле произошло первое сражение войны, отряд Кромвеля был одним из немногих, не сметенных с лица земли стремительной атакой Руперта, возможно, потому, что он поздно появился на поле боя и не присоединился к основной армии, пока роялистские конники не перестали беспокоить его. В любом случае, он принял участие в незаменимой службе, оказанной небольшим отрядом кавалерии, оставшимся в распоряжении Эссекса, когда в рядах противника кавалерии не было вовсе. Именно сотрудничество этих сил, атаковавших во фланг и тыл пешие полки короля, в то время как пехота разбивала их спереди, позволило парламентской армии одержать хотя бы сомнительную победу вместо разгрома, который постиг бы ее, если бы Руперт по возвращении застал пехоту своего господина в состоянии продолжать борьбу. Что бы еще ни узнал Кромвель из своего первого опыта реальных военных действий, он научился на примере неудач Руперта после первых успехов никогда не забывать о том, что одна лишь самоуверенная доблесть мало чего добьется и что хороший кавалерийский офицер должен

знать, когда следует сбавить ход, а когда - атаковать, и подчинять ведение атаки, в которой он лично участвует, потребностям всей армии.

Прошло много месяцев, прежде чем Кромвелю довелось помериться силами с Рупертом. Он оставался под началом Эссекса почти до конца года и присутствовал при Тернхэм-Грин, когда Эссекс увидел, как Карл, заняв позицию у Брентфорда в надежде пробиться к Лондону, ушел в Рединг и Оксфорд, не попытавшись нанести удар. К концу 1642 или в начале 1643 года Кромвель нашел для себя работу, которая в конечном итоге должна была вдохнуть новый дух в парламентскую армию. Как ни велико было преимущество, которое давала парламенту преданность Лондона, Лондон ни в коем случае не пользовался тем верховным влиянием, которым пользовался Париж во времена Французской революции. Поэтому обе партии приложили усилий для организации местных сил, но из всех местных организаций, которые были созданы, единственной полностью успешной была Восточная ассоциация, включавшая Эссекс, Саффолк, Норфолк, Кембридж и Гертс, и то главным образом потому, что Кромвель был под рукой, чтобы поддерживать ее на должном уровне. На службе ассоциации должен был находиться общий фонд, в то время как силы, собранные в нескольких графствах, из которых она состояла, должны были находиться в распоряжении общего комитета.

В целом первая половина 1643 года в Англии была временем беспорядочных боевых действий, чередовавшихся с попытками заключить мир без условий, которые могли бы приблизить мир. Не следовало ожидать ни того, что парламент примет Карла на его собственных условиях, ни того, что Карл склонится на любые условия, которые парламент мог предложить. Кромвель, по крайней мере, не принимал никакого участия в этих тщетных переговорах и делал все, что от него зависело, чтобы очистить графства Восточной ассоциации от роялистов и привести их в состояние обороны от вторжений роялистов. Некоторое время спустя после 23 января и до конца февраля он был произведен в полковники. В марте он занимался укреплением Кембриджа и настоятельно просил о пожертвованиях, которые позволили бы ему завершить эту работу. Снова мы видим, как он посылает арестовать роялистского шерифа, пытавшегося собрать солдат в Сент-Олбансе, а затем спешит в Лоустофт, чтобы подавить движение роялистов в городе. После этого больше не было слышно, чтобы роялизм поднимал голову в каком-либо уголке ассоциации, и до конца войны ни один роялист с оружием в руках больше не ступал в ее пределы. К концу мая к нему присоединился Хантингдоншир, графство, где родился Кромвель.

Избыток энергии Кромвеля был использован не только в борьбе с вооруженными людьми. Навязанное Лаудом требование хотя бы внешних знаков уважения к предметам, освященным для религиозного использования, вызвало реакцию, которая повлияла на пуританство с его наименее благородной стороны. Некий Даусинг оставил дневник, в котором рассказывает, как он посещал церкви Суффолка, срывая кресты, уничтожая картины и разрывая латунь с надписью *Orate pro animâ*, обычным выражением средневекового благочестия по отношению к мертвым. В Кембридже сам Кромвель, встретив противодействие среди тех, кто имел власть в университете, отправил трех глав домов под стражей в Вестминстер, а холодной мартовской ночью запер вице-канцлера и других высокопоставленных лиц в публичных школах до полуночи без еды и пищи, потому что они отказались платить налоги, введенные парламентом.

Кромвелю и тем, кто ему симпатизировал, приходилось иметь дело не только с открытыми врагами. Из всех форм войны гражданская - самая отвратительная, и неудивительно, что руки многих, кто вступил в нее с надеждой, что нескольких месяцев или даже недель будет достаточно, чтобы сокрушить короля, теперь ослабли. Не лучше ли, спрашивали они,

заключить соглашение с Карлом, чем продолжать борьбу, которая обещала затянуться на годы? Переговоры, начавшиеся весной в Оксфорде, действительно не привели к миру, поскольку ни одна из сторон не была настроена на компромисс, но они сопровождались или сопровождались дезертирством из рядов парламента людей, которые в самом начале мужественно противостояли королю, таких как сэр Хью Чолмли, водрузивший королевские знамена над замком Скарборо, который был доверен ему Палатами; и Хотемы, отец и сын, которые, номинально продолжая служить парламенту, искали возможности выгодно дезертировать. Подобные тенденции поощрялись энергичными действиями королевских армий и успехами, которых они добились в начале лета. 16 мая парламентский генерал, граф Стэмфорд, был разбит при Страттоне, в результате чего сэр Ральф Хоптон смог во главе роялистских войск обойти западные графства, и хотя был разбит при Лансдауне сэром Уильямом Уоллером, ему помогла армия роялистов, которая 13 июля разбила армию Уоллера при Раундвей Даун; 26 июля Бристоль был взят Рупертом, и все южные графства оказались открыты для нападений партизан короля. Дальше на восток, хотя Эссексу удалось захватить Рединг, его армия растаяла перед болезнями и бесхозяйственностью. 18 июня Хэмпден был смертельно ранен на Чалгровом поле. Лорд Фэрфакс и его сын, сэр Томас Фэрфакс, с трудом удерживали свои позиции в Западном Райдинге Йоркшира против роялистских войск под командованием графа Ньюкасла. К середине года парламентским армиям угрожало разорение практически со всех сторон.

Единственным заметным исключением из этих рассказов о катастрофах были новости из Восточной ассоциации, где Кромвель поддерживал боеспособность. Однако Кромвель не испытывал особых трудностей. Когда к концу апреля он очистил от враждебных сил все графства ассоциации, он пробрался в Линкольншир и призвал соседних военачальников своей партии присоединиться к нему в атаке на роялистский гарнизон в Ньюарке, из которого вышли отряды, чтобы нанести поражение и опустошение парламентариям в окрестностях. Те, к кому он обратился, - сэр Джон Гелл из Ноттингема, линкольнширские дворяне и сын Стэмфорда, лорд Грей из Гроби в Лестершире, - командовали местными силами и ставили интересы своей местности выше общего блага. Поместье Стэмфорда в Бродгейтсе, расположенное неподалеку от Лестера, подверглось нападению роялистского гарнизона в Эшби-де-ла-Зуч, и поэтому лорд Грей воздержался от участия в предприятии, которое оставило бы Лестер на милость врага, и его примеру последовали в других кварталах. "Поверьте, - гневно писал Кромвель, - лучше, по моему скудному мнению, чтобы Лестера не было, чем чтобы не было немедленного захвата поля нашими силами для достижения общих целей". Подчинение местных интересов "общим целям" было таким же условием успеха Кромвеля, как и дисциплина, под которую он привел разгоряченные войска под своим командованием.

Результат этой дисциплины должен был вскоре проявиться. 13 мая он столкнулся под Грэнтэмом с кавалерией из Ньюарка, значительно превосходящей его собственную. Взяв урок у Руперта, который научил его в Эджилле, что лошадь, а не пистолет, является истинным оружием конного всадника, он бросился на врага, который слабо остановился, чтобы принять атаку, и в результате был основательно разбит. Кромвель, как обычно, благочестиво приписал свой успех Божественному вмешательству. "С этой горстью, - писал он, - Богу было угодно бросить чашу весов".

Успех конницы Кромвеля стал еще одной причиной для оказания финансовой поддержки ее командиру. Добровольные пожертвования все еще составляли основу ресурсов парламента, хотя постепенно создавалась система принудительных выплат. "Не стоит, - писал Кромвель мэру Колчестера, - слишком много возлагать на спину бедного джентльмена, который

желает без лишнего шума положить свою жизнь и пролить кровь до последней капли, чтобы служить делу и Богу. Я не прошу денег для себя; я хочу отказать себе, но другие не будут удовлетворены".

Кромвель еще раз призвал местных командиров собрать свои силы, но не для нападения на Ньюарк, а для похода в Йоркшир на помощь Фэрфаксам. В начале июня в Ноттингеме собралось около 6 000 человек. И снова усилия ни к чему не привели. Командиры отказались от похода, сославшись на то, что Фэрфаксы не нуждаются в их помощи. Один из них, младший Хотэм, был уличен в интриге с врагом. В основном благодаря энергии Кромвеля он был схвачен и в конце концов вместе с отцом отправлен в Лондон, где их обоих казнили как предателей. В Йоркшире ситуация складывалась против Фэрфаксов. 30 июня они потерпели поражение у Адуолтон-Мура. Весь Вест-Райдинг был потерян, а полководцы вынуждены были укрыться в Халле. Вскоре о Ньюкасле с его победоносной армией узнали в Линкольншире, где лорд Уиллоуби из Парэма недавно захватил Гейнсборо для парламента. Среди войск, которым было приказано удерживать эту передовую позицию, был полк Кромвеля, и 28 июля этот полк разбил сильный конный отряд роялистов возле Гейнсборо. Позже в тот же день пришло известие, что с севера приближаются силы противника. Кромвель, чья кавалерия была поддержана пешим отрядом, вышел навстречу, но оказался лицом к лицу со всей армией Ньюкасла. Хотя парламентская пехота сразу же обратилась в бегство, конные отступили частями, показав смелый фронт и вернув себе город, потеряв всего двух человек. Эта кавалерия, сочетавшая в себе лихость Грэнтэма и дисциплину Гейнсборо, предвещала победу для парламентской стороны.

Однако на данный момент перспективы были достаточно мрачными. 30 июля Гейнсборо капитулировал, и, если только силы Кромвеля не пополнятся, между армией Ньюкасла и Лондоном мало что могло встать. "Спорить больше не о чем, - писал Кромвель комитету в Кембридже, - немедленно выходите все, что можете. Почти все наши пешие ушли из Стэмфорда; врагу нечем помешать, кроме наших конных, которых немало. Вы должны действовать энергично. Делайте это, не отвлекаясь. Не пренебрегайте никакими средствами".

Кромвель понимал, что для сплочения сил, необходимых в этот отчаянный момент, требуется нечто большее, чем его собственное имя. По его распоряжению парламент назначил нового графа Манчестера, который, будучи лордом Кимболтоном, был единственным членом палаты лордов, отмеченным королем для импичмента вместе с пятью членами палаты общин, командующим Восточной ассоциацией и приказал собрать в ее пределах армию в 10 000 человек. В то время как на юге Эссекс поднял осаду Глостера и добился успеха при Ньюбери, чтобы успешно отступить в Лондон, новая армия Манчестера, в которой Кромвель командовал конницей, разбила отряд роялистов при Уинсби, заставила Ньюкасла поднять осаду Халла и вновь захватила Линкольн, попавший в руки врага. Теперь Линкольншир был присоединен к Восточной ассоциации - единственной части Англии, на которую с полным удовлетворением смотрели парламентские вожди.

Рано или поздно Кромвелю придется столкнуться с другими вопросами, кроме вопросов военной эффективности. Когда Пим и его сторонники составляли Великий рескрипт, они не предполагали введения какого-либо принципа религиозной свободы. Церковь должна была быть исключительно пуританской, по некоему плану, который должен был утвердить парламент по совету Ассамблеи богов. Ассамблея собралась 1 июля 1643 года и, будь она предоставлена сама себе, вероятно, рекомендовала бы принять какую-нибудь не епископальную систему церковного управления; в то время как парламент, верный традициям английских правительств, позаботился бы о том, чтобы духовенство было

поставлено под какую-нибудь форму светского правления, исходящего от самого парламента. Летом 1643 года было невозможно отделить вопросы церковной организации от тех, которые вытекали из политических потребностей времени. На сайте было известно, что Карл стремится заручиться поддержкой Ирландии и Шотландии, и если парламент не должен был перечить, необходимо было встретить его на той же территории. В Ирландии Чарльз был довольно успешен. 15 сентября его лорд-лейтенант добился от католиков-конфедератов, выступавших против его правительства, прекращения военных действий, что позволило ему направить часть собственных войск на защиту дела короля в Англии; в конечном итоге, как он надеялся, за этим последует армия, собранная среди ирландских католиков. Попытка Карла привлечь на свою сторону Шотландию оказалась менее успешной. В Эдинбурге преобладала партия, возглавляемая маркизом Аргайлом, который пришел к власти с помощью пресвитерианской организации церкви и справедливо рассчитывал, что, если Карл добьется своего в Англии, вес его победоносного меча будет брошен на чашу весов партии, возглавляемой герцогом Гамильтоном. Однако эта партия, включавшая в себя большую часть шотландского дворянства, не только быстро справилась бы с политической диктатурой Аргайла, но и позаботилась бы о том, чтобы пресвитерианское духовенство тем или иным способом было поставлено в зависимость от мирян. Поэтому, когда английские парламентские комиссары прибыли в Эдинбург с просьбой о военной помощи, они столкнулись с требованием принять документ, известный как "Торжественная лига и ковенант", обязывающий Англию принять полную шотландскую пресвитерианскую систему с ее церковными судами, претендующими по Божественному праву на решение всех церковных вопросов без вмешательства светского правительства. Правда, это требование было несколько завуалировано обязательством реформировать религию в Церкви Англии "по примеру лучших реформированных Церквей", чтобы привести Церкви обеих наций к ближайшему соединению и единообразию. Однако ведущий английский комиссар, молодой сэр Генри Вейн, был одним из немногих англичан, которые в это время отстаивали систему религиозной свободы, и теперь ему удалось сохранить дверь открытой, предложив добавить несколько слов, объявив, что религия должна быть реформирована в Англии в соответствии со Словом Божьим, а также по примеру лучших реформированных церквей. В таком виде Ковенант был возвращен в Вестминстер, и в этом виде его присягнули члены парламента, а также потребовали, чтобы в нем поклялись все англичане старше восемнадцати лет. Лишь немногие из членов парламента с готовностью подставили свои шеи под это ярмо. Это была цена, заплаченная за вооруженную помощь Шотландии, просто потому, что эту помощь нельзя было получить на других условиях. Союз с шотландцами стал последним делом Пима, который умер до того, как шотландская армия, помощь которой он так дорого купил, пересекла границу с Англией.

Против шотландской системы пресвитерианства с божественным правом существовало два пути: старый - королей Тюдоров и Стюартов, ставивший церковь под контроль мирян; и новый, провозглашавший право отдельных людей на религиозную свободу, который отстаивал Вейн, а в течение следующих нескольких месяцев - горстка независимых священников в Ассамблее богов и такие писатели, как Роджер Уильямс и Генри Робинсон, в прессе. Как и все новые доктрины, она пробивала себе дорогу медленно и долгое время казалась подавляющему большинству англичан привкусом анархии. Свобода от ограничений, которую приносит каждая революция, а также привычка смотреть на Библию как на устное вдохновение привели к росту сект, отстаивающих доктрины, некоторые из которых вызвали обоснованное недовольство у людей с развитым интеллектом и побуждали их искать средство против репрессивных действий государства. С другой стороны, небольшое число людей, большинство из которых принадлежали к независимым или баптистским организациям, полностью принимали принцип религиозной свободы, по

крайней мере в рамках пуританства. В настоящее время этот вопрос был чисто парламентским; но его можно было легко перенести в сферу военного влияния, и было немаловажно, что, хотя Эссекс и Уоллер, сравнительно неудачные генералы, были на стороне пресвитерианских репрессий, Кромвель, который показал себя самым успешным солдатом в Англии, объявил себя на стороне свободы. В сектантском смысле Кромвель никогда не примыкал ни к Независимым, ни к каким-либо другим религиозным организациям. Твердо придерживаясь великой доктрины веротерпимости, распространившейся за границей от индепендентов или от баптистов, которые были всего лишь индепендентами с особой доктриной, добавленной к их догматам, Кромвель был самым передовым индепендентом того времени.

Не то чтобы Кромвель, как и Роджер Уильямс, пришел к своим выводам, руководствуясь светом чистого разума. Обряды, предписанные в "Молитвеннике", были для него насмешкой над Богом. 10 января 1644 года он приказал священнослужителю, упорно продолжавшему использовать старую службу в соборе Эли, оставить свои дурачества и сойти со своего места. Но ему не нравился Ковенант, и он избегал обязательств по нему до начала февраля 1644 года, когда он присягнул ему при назначении на должность генерал-лейтенанта в армии Манчестера, несомненно, делая особый упор на лазейку, предложенную поправкой Вейна. Дело религиозной свободы привлекало его с практической точки зрения. Как он мог сражаться с врагом, если не мог выбирать офицеров по их военной эффективности, а не по их пресвитерианским взглядам? Генерал-майор манчестерской армии Кроуфорд, шотландец самого узкого пресвитерианского толка, возражал против продвижения по службе офицера по имени Пакер, который был анабаптистом. "Согласитесь, - написал Кромвель в ответ, - разве это делает его неспособным служить обществу?... Сэр, государство, выбирая людей для службы, не обращает внимания на их мнения. Если они готовы верно служить ему, это их устраивает. Остерегайтесь быть резкими или слишком легко острыми по отношению к тем, против кого вы можете возразить лишь то, что они не совпадают с вами во всех мнениях, касающихся вопросов религии".

Возможно, в долгосрочной перспективе религиозная свобода пострадает больше, чем выиграет от военной поддержки, подобно тому как принципы Эндрюса и Лауда пострадали больше, чем выиграли от поддержки Карла. Уже сейчас полки под командованием Кромвеля кишат энтузиастами, которые проводят свой досуг в проповедях и спорах по самым заумным вопросам богословия, не соглашаясь ни в чем, кроме того, что на аргументы нужно отвечать одними аргументами. Их железная дисциплина и преданность делу давали свободу, которая в армиях, набранных по более мирской системе, была бы просто распущена. По мере того как Кромвель все более решительно выступал на фронт, его отстаивание религиозной свободы становилось практически неотразимым.

19 января 1644 года шотландская армия под командованием графа Левена переправилась через Твид. Ньюкасл был оттеснен в Йорк, где его осадили объединенные силы Левена и Фэрфаксов. 6 мая Линкольн, отвоеванный роялистами, был вновь захвачен Манчестером, который вместе с Кромвелем двинулся дальше, чтобы присоединиться к осаде Йорка. Однако Руперт, посланный Карлом на север, сумел снять осаду; 2 июля на Марстон-Муре произошло сражение, в котором роялистская армия, поначалу успешная, была полностью разгромлена мастерством Кромвеля. Разбив коня Руперта, он затащил уздечку и поспешил на помощь шотландской пехоте, которая держалась против подавляющего числа врагов. Пешие полки короля были разбиты или уничтожены его стремительной атакой. Кромвель восстановил силы после того, как три генерала, Левен, Манчестер и старший Фэрфакс,

бежали от катастрофы, которую они считали полной. Вскоре весь север Англии, за исключением нескольких отдаленных крепостей, был потерян для короля.

На юге дела у парламента шли плохо. Армия Уоллера, остановленная у моста Кропреди, дезертировала, а Эссекса, пытавшегося вторгнуться в Корнуолл, преследовал король. Самому Эссексу и его кавалерии удалось бежать, но 2 сентября вся его пехота сдалась Карлу в Лоствители. Если бы Манчестер не пришел на помощь, предотвратить катастрофу было бы невозможно. Однако Манчестера было трудно сдвинуть с места. Между ним и его генерал-лейтенантом уже не было того взаимопонимания, которое было необходимо для успешных действий. Манчестер, жаждавший мира на основе пресвитерианского урегулирования в церкви, не мог понять, что, независимо от того, желательно ли такое окончание войны или нет, оно никогда не может быть получено от Карла. Кромвель же стремился к религиозной терпимости для сект и к безопасности, которая, как подсказывала ему его практическая натура, достигалась только путем разрушения военной обороны, на которую уповал Карл. В том, что эти оборонительные сооружения были валами города разрушения, он не сомневался ни на мгновение. Когда он писал в самом серьезном настроении сразу после победы при Марстон-Муре отцу юноши, получившего там смертельную рану, перед его мысленным взором встали его собственные потери. Из четырех его сыновей двое уже ушли из жизни: Роберт, оставивший после себя память о необыкновенном благочестии, умер в школьные годы; а Оливер, который сражался и бежал при Эджхилле, недавно скончался от оспы в гарнизоне Ньюпорт-Пагнелла. Однако не только пример собственного горя служил Кромвелю бальзамом на душу при тяжелой утрате отца. "Сэр, - писал он, - вы знаете о моих собственных испытаниях на этом пути, но Господь поддержал меня тем, что забрал его в счастье, о котором мы все мечтаем и ради которого живем. Ваше драгоценное дитя полно славы, оно никогда больше не будет знать греха и печали. Перед смертью он был настолько полон утешения, что Фрэнк Рассел и я не могли выразить его, "оно было настолько сильнее его боли". Это он сказал нам - действительно, это было восхитительно. Немного погодя он сказал, что у него на душе лежит одна вещь. Я спросил его, что это? Он сказал мне, что "Бог не допустил, чтобы он был больше палачом своих врагов"". Между Кромвелем, жаждущим уничтожить врагов Бога, и Манчестером, стремящимся заключить мир с этими врагами, не могло быть взаимопонимания, тем более что в глазах манчестерцев затягивание войны означало усиление того сектантского фанатизма, на который Кромвель смотрел как на свидетельство активной духовной жизни.

В Манчестере стремление к миру проявлялось в нежелании воевать. Кромвель напрасно гневался на шотландцев и их стремление навязать Англии свое пресвитерианство. "При том, как они сейчас себя ведут, - говорил он Манчестеру, - давя на свою дисциплину, я бы с таким же успехом мог орудовать мечом против них, как и против любого в армии короля". "Он хотел бы, - добавил он в другой раз, - чтобы в его армии не было никого, кто не придерживался бы независимого мнения, чтобы, если будут предложены условия мира, которые не будут соответствовать целям, к которым должны стремиться честные люди, эта армия могла бы предотвратить такое несчастье". Эта атака на шотландцев привела к атаке на английское дворянство, среди которого сектанты не находили поддержки. Он надеялся, говорил он в словах, которые впоследствии долго вспоминали о нем, "дожить до и не увидеть ни одного дворянина в Англии". Сообщается даже, что он заверил Манчестера, что никогда не будет хорошо, пока он не станет известен как простой мистер Монтегю. Манчестер упорно ничего не предпринимал, пока не получил четкий приказ отправиться на защиту Лондона, который теперь был открыт из-за неудачи Эссекса.

Нежелание Манчестера участвовать в военных действиях, вероятно, было подкреплено знанием того, что Вейн, который после смерти Пима зимой 1643 года был самым видным деятелем среди военной партии в Вестминстере, во время осады спустился в Йорк, чтобы убедить генералов, и не мог не подозревать, что прибытие 30 августа Карла Людовика, курфюрста Палатина, старшего сына сестры Карла Елизаветы, имело отношение к замыслу посадить его на трон своего дяди. Этот замысел, если он действительно существовал, ни к чему не привел, вероятно, потому, что осуществить его в зубах генералов было безнадежно. Лишь с огромным трудом удалось преодолеть нерешительность Манчестера и склонить его к тому, чтобы встретиться с армией Карла в Ньюбери. Сражение, состоявшееся там 27 октября, было затяжным. То, что оно не закончилось победой парламентариев, объясняется главным образом нерешительностью Манчестера. Когда через несколько дней король вновь появился на сцене, ему было позволено освободить замок Доннингтон, расположенный в непосредственной близости от Ньюбери, и не было предпринято никаких попыток помешать его действиям. В последовавшем за этим споре Манчестер дошел до самой сути дела, заявив: "Если мы побьем короля девятью раз, он все равно будет королем, и его потомство будет после него; но если король побьет нас один раз, мы все будем повешены, а наше потомство станет рабами". "Милорд, - ответил Кромвель, - если это так, то зачем мы вообще взялись за оружие? Это против того, чтобы воевать впредь. Если так, то давайте заключим мир, пусть он никогда не будет таким простым". Каждый из этих двух людей придерживался одной стороны проблемы, которую должна была решить Англия. Манчестер был потрясен политическими трудностями. Королевская власть, которую принимало поколение за поколением, была ограждена гарантиями закона и обычаев и, вероятно, в той или иной форме будет приниматься последующими поколениями. Одна-единственная решительная победа, одержанная Карлом, не только подвергла бы тех, кто осмелился начать с ним войну, страшным наказаниям по закону об измене, но и позволила бы ему оценить условия подчинения по собственному усмотрению. Если бы Манчестер обладал способностью заглядывать в будущее, он бы утверждал, что никакие военные успехи - даже отмена монархии и казнь монарха - не смогут отсрочить восстановление наследника Карла более чем на некоторое время.

Ответ Кромвеля даже не претендовал на то, чтобы ответить на эту трудность. Не в его власти было прогнозировать перспективы королевской власти в Англии или ломать голову над последствиями проблематичной победы роялистов. Ему достаточно было понять реальную ситуацию. Правда, в это время он еще не вышел за рамки позиции, с которой вся парламентская партия начинала войну, - позиции, согласно которой война должна быть закончена договором между королем и парламентом. Поэтому для Кромвеля, чье сердце было занято освобождением тех, кто в его глазах был народом Божьим, и ниспровержением церемоний, неотложной обязанностью момента было обеспечить, чтобы, когда наступит время переговоров, правая сторона обладала достаточной военной силой, позволяющей ей диктовать условия мира. Его задачей было не думать о том, что может сделать король в случае победы, а позаботиться о том, чтобы он потерпел значительное поражение. Как ни странно, глупость пресвитерианской партии - сильной в обеих палатах и поддерживающей шотландскую армию - сыграла на руку Кромвелю. 20 ноября, через десять дней после стычки Кромвеля с Манчестером, парламент направил в Оксфорд условия мира, настолько суровые, что их принятие было за гранью возможного. Королевская власть должна была быть сведена к шифру, а такая форма религии, которая могла быть согласована палатами в соответствии с Ковенантом, должна была навязана всем англичанам, без поблажек ни для сект, которым благоволил Кромвель, ни для церкви Эндрюса и Лауда, которая нашла в лице Карла одного из своих самых горячих и совестливых сторонников. Каждый человек в трех королевствах, включая самого короля, должен был поклясться в соблюдении Завета. Такое требование,

естественно, встретило суровое сопротивление. "Есть три вещи, - ответил Карл, - с которыми я не расстанусь: Церковь, моя корона и мои друзья; и вам придется немало потрудиться, чтобы отнять их у меня". Кромвелю не потребовалось предпринимать никаких действий, чтобы обеспечить провал таких переговоров, и, насколько нам известно, из его уст не вылетело ни одного публичного слова на эту тему.

25 ноября Кромвель явился в парламент, чтобы настоять на единственной вещи, которая была необходима немедленно, - на создании инструмента, с помощью которого король мог бы быть уничтожен в полевых условиях. Существовавшая военная система, при которой отдельные армии, в значительной степени состоявшие из местных сил и потому неспособные подчинить местные цели национальным, были поставлены под командование командиров, отобранных по их политическому или социальному положению, полностью разрушилась. Это было настолько хорошо осознано, что за два дня до прибытия Кромвеля в Вестминстер без сопротивления был назначен комитет для "рассмотрения рамок или модели всего ополчения". Возможно, именно для того, чтобы помочь комитету прийти к правильному выводу, Кромвель по прибытии в Вестминстер возмущенно обрушился на Манчестер как на виновника всех ошибок, которые привели к плачевному результату в Ньюбери. Манчестер не замедлил свалить всю вину на Кромвеля, и казалось, что самые серьезные политические вопросы должны были быть отодвинуты на второй план личной перепалкой. Шотландские члены Комитета обоих королевств - органа, недавно назначенного для руководства передвижением армий, - были настолько разгневаны, что убедили пресвитерианских лидеров, Эссекса и Холлеса, положительно отнестись к плану выдвижения обвинения против Кромвеля как поджигателя войны, который делает все возможное, чтобы разделить короля и его народ, а одно из королевств - с другим. На встрече в Эссекс-Хаусе шотландский граф Лаудун спросил присутствующих английских юристов, является ли поджигатель, наказуемый по закону Шотландии, наказуемым и по закону Англии. Английские юристы выплеснули ушат холодной воды на эту схему: Уайтлок попросил предоставить ему доказательства, на которых основывается обвинение, а Мейнард заявил, что "генерал-лейтенант Кромвель - человек, пользующийся большой популярностью и интересом в Палате общин, а также у некоторых пэров, и поэтому против него должны быть доказательства, причем самые ясные и очевидные, чтобы парламент мог признать его поджигателем". Ни Уайтлок, ни Мейнард не горели желанием набрасываться на кота.

В ответ Кромвель вновь обрушился на неэффективность генералитета Манчестера. Однако не в характере человека, который остановил стремительный натиск своих эскадр у Марстон-Мура, было позволить, чтобы великое государственное дело потерпело крушение из-за личных обвинений. 9 декабря Зоуч Тейт, сам убежденный пресвитерианин, доложил комитету, назначенному для рассмотрения спорных вопросов между двумя генералами, что "главными причинами нашего разделения являются гордость и стяжательство". Неважно, договорился ли Тейт с Кромвелем о том, чтобы погасить огонь разногласий, грозивший расколоть парламентскую партию на враждующие фракции. Важным было то, что Кромвель признал, что если война не будет быстро завершена, королевство устанет от парламента. "Ибо что, - добавил он, - говорят враги? А что говорят многие, кто был другом в начале работы парламента? А то, что члены обеих палат получили в свои руки большие должности, командование и меч и, что по интересам парламента, что по власти в армии, будут вечно пребывать в величии и не допустят скорого окончания войны, чтобы их собственная власть не определилась вместе с ней. То, что я говорю здесь нам в лицо, другие произносят за нашими спинами". Затем, призвав к более энергичному ведению войны и посоветовав снять

все обвинения с отдельных командиров, он выразил надежду, что ни один из членов обеих палат не побрезгует отказаться от своих частных интересов ради общественного блага. Позже в тот же день Тейт воплотил в жизнь предложение Кромвеля, предложив, чтобы до тех пор, пока длится война, ни один из членов обеих палат не занимал ни одного поста, ни военного, ни гражданского, присвоенного ему парламентом. Идея прижилась. Она удовлетворила тех, кто сомневался в Эссексе и Манчестере, а также тех, кто сомневался в Кромвеле. То, что Кромвель был серьезен, предлагая исключить себя, очевидно. Большинство в обеих палатах было пресвитерианским, и если бы так называемый ордонанс о самоотречении, принятый для реализации предложения Тейта путем отказа членам обеих палат в праве занимать командные посты в армии или должности в государстве, был принят в том виде, в котором он был составлен, то ничто, кроме отмены этого ордонанса, не позволило бы ему командовать даже одним отрядом.

В том, что дверь осталась открытой, полностью виновата Палата лордов, отклонившая этот ордонанс 13 января 1645 года. К этому времени обе партии в общинах были единодушны в том, чтобы продвигать ордонанс о новой модели армии, из которой было бы легко исключить пэров, независимо от того, был бы принят ордонанс о самоотречении или нет. 21 января на сайте Коммонс назначил Фэрфакса генералом, а Скиппона - генерал-майором новой армии. Должность генерал-лейтенанта, которая предусматривала командование конницей, была оставлена открытой. Теперь никакие законы не преграждали путь к назначению Кромвеля, но Палата сочла желательным поставить свои действия в этом вопросе в зависимость от того, какую линию в итоге займут лорды. 15 февраля лорды приняли Новый модельный ордонанс. Через несколько дней переговоры с королем, известные как Уксбриджский договор, подошли к концу, и теперь парламент был намерен встретить Карла в поле с армией, которой командовали профессиональные солдаты и которая была отстранена от местных и политических влияний. В такой армии больше ничего не было бы слышно об опасностях успеха, которые так маячили перед глазами Манчестера. Очевидно, чтобы избавить парламентских офицеров от необходимости подавать прошение об отставке, 3 апреля был принят новый ордонанс о самоотречении, согласно которому члены обеих палат освобождались от своих военных или гражданских должностей в течение сорока дней после этого. Ничто не препятствовало повторному назначению Кромвеля, с одной стороны, Эссекса или Манчестера - с другой, если обе палаты объединятся для этого.

ГЛАВА II. АРМИЯ НОВОГО ОБРАЗЦА И ПРЕСВИТЕРИАНЕ.

Армия нового образца была принята обеими палатами и обеими партиями в обеих палатах, потому что никаким другим способом нельзя было справиться с трудностями ситуации. Провал переговоров в Уксбридже убедил пресвитерианцев - по крайней мере, на данный момент - в том, что Карл не окажет никакой помощи в урегулировании нации на любой основе, которую их узкие умы могли бы признать приемлемой, и если война должна была продолжаться, то какова была перспектива успеха на старых условиях? Тем не менее, создание Новой модели было, в основном, делом рук Кромвеля. Люди руководствуются своими страстями больше, чем разумом, и если бы Кромвель продолжил свои инвективы против Манчестера, он вызвал бы оппозицию, которая оставила бы мало шансов на осуществление надежд, которые он так глубоко лелеял в своем сердце. На протяжении всей дискуссии он демонстрировал не только готовность пожертвовать своими личными

интересами, но и решимость избегать даже критики действий своих оппонентов во всех менее важных вопросах, если только он добьется своего в одном, самом важном из всех. Без единого слова порицания он оставил пресвитерианцам возможность не только вести переговоры с Карлом, но и подавать голоса за установление нетерпимого пресвитерианства в Англии. Мастерство, с которым он избегал трений, оставаясь на заднем плане и позволяя другим работать за него, несомненно, во многом способствовало его успеху. В нем проявились высочайшие качества государственного деятеля, если предположить, что он действовал, руководствуясь одним лишь стремлением к общественному благу. В нем проявились самые низкие качества плута, если предположить, что он плел интриги ради собственной выгоды. Как устроена человеческая природа, найдется немало тех, кто убедит себя в том, что низкая интерпретация его поведения является истинной.

Как бы то ни было, весной 1645 года армия нового образца находилась в процессе формирования. Она состояла частично из людей, призванных на службу, частично из солдат, служивших в прежних армиях. То, что пуританский и даже независимый элемент был хорошо представлен среди кавалерии, ядром которой были войска Кромвеля, не вызывает сомнений; да и среди пехоты тот факт, что она могла набираться только из тех частей Англии, которые в то время признавали власть Палат, и что в этих графствах пуританство было особенно распространено, естественно, ввел в ряды значительное число пуритан, независимых или нет. Армия, однако, формировалась, конечно, не по тем принципам, которыми руководствовался Кромвель при отборе своих первых войск, да и невозможно было отобрать 30 000 человек по тому исключительному плану, который был найден возможным при наборе одного отряда или одного полка. Главным отличием Новой модели от предыдущих армий - в том, что она регулярно получала зарплату. До сих пор солдаты зависели от периодических парламентских дотаций или еще более периодических усилий местных комитетов. Теперь все это должно было измениться. На содержание новой армии в графствах взимался регулярный налог, а постоянное жалованье, обеспеченное таким образом, должно было положить конец массовому дезертирству, от которого страдали прежние командиры, что позволило бы привести новые силы в состояние строгой дисциплины, дисциплины, которая карала бы нарушения морали еще более сурово, чем те, что направлены против военной эффективности.

Чем выше уровень дисциплины, тем важнее подбор офицеров; и здесь, по крайней мере, взгляды Кромвеля имели полное основание. На том лишь основании, что было желательно передать командование в руки тех, кто наиболее рьяно участвовал в ведении войны, предпочтение должно было быть отдано людям, которым меньше всего мешало желание заключить соглашение с непобедимым королем, иными словами, скорее индипендентам, чем пресвитерианам. Другим способом идеи Кромвеля были воплощены в жизнь. "Я бы предпочел, - сказал он однажды, - иметь простого капитана в русской куртке, который знает, за что сражается, и любит то, что знает, чем того, кого вы называете джентльменом, и ничего больше. Я почитаю джентльмена, который действительно таковым является". Среди офицеров Новой модели не было различий в социальном положении. Среди них были люди из старых семей, такие как Фэрфакс и Монтегю, бок о бок с сапожником Хьюсоном и лоточником Прайдом. Если когда-нибудь армия будет втянута в круг политики, то многое будет зависеть от принятия системы продвижения по службе, основанной исключительно на военной эффективности.

Пока же услуги новой армии требовались исключительно в полевых условиях. 20 апреля Кромвель, которому было разрешено сохранить свою комиссию через сорок дней после принятия ордонанса и чей положенный срок еще не истек, был послан со своей кавалерией

прочесать штаб-квартиру короля в Оксфорде, чтобы нарушить его планы по отправке артиллерии, необходимой Руперту, если он снова выйдет в бой. Продвижение Кромвеля было полностью успешным. Он не только рассеял роялистские войска у Айлипа и захватил Блечингтон-Хаус, но и перебил всех тягловых лошадей, на которых Карл рассчитывал при перевозке пушек, и тем самым лишил противника возможности действовать немедленно. Руперту пришлось терпеливо ждать некоторое время, прежде чем он смог покинуть свои покои.

Люди редко сразу осознают необходимые последствия важных перемен, и в данном случае Комитет обоих королевств и сам парламент не сразу поняли, что, если новая армия хочет добиться победы, ее движения должны направляться не политиками в Вестминстере, а генералами в поле. Первым делом Комитет отправил Фэрфакса с одиннадцатью тысячами человек на помощь Таунтону, где Блейк, который незадолго до этого защищал Лайм от всех попыток роялистов взять его, теперь держался до последнего, не имея достаточной защиты от импровизированных им укреплений. Приказы Комитета, возможно, необходимые поначалу, сохранялись даже после того, как стало известно, что к Чарльзу в Оксфорде присоединилась полевая армия, которая до сих пор защищала осаждавших Таунтон на западе, и что, хотя для снятия осады теперь достаточно гораздо меньшего количества людей, чем одиннадцать тысяч, все солдаты, которых можно было пощадить, были нужны дальше на восток. Следующая ошибка Комитета была еще хуже. Чарльз отправился на север со всеми силами, которые только мог собрать, в надежде исправить последствия Марстон-Муре. Если и был какой-то урок, который Комитет должен был извлечь из кампании предыдущего года, так это то, что бесполезно осаждать города, пока армия противника остается непобежденной в поле. И все же, когда все военные соображения недвусмысленно говорили в пользу политики преследования армии Карла без промедления до тех пор, пока она не будет разбита, мудрые члены Комитета в Вестминстере приказали Фэрфаксу осадить Оксфорд. Чарльз, имея право направлять свои движения туда, куда ему вздумается, отклонился от курса и 31 мая взял штурмом Лестер. Эта новость поколебала решение Комитета сохранить руководство армией в своих слабых руках. 2 июня он приказал Фэрфаксу прекратить осаду Оксфорда. 4-го числа петиция от Лондонского общего совета просила, чтобы, хотя сорок дней, в течение которых Кромвель исполнял свои обязанности по Ордонансу о самоотречении, истекли, его поставили во главе новой армии, которая должна быть собрана в Восточной ассоциации. В другом прошении офицеры Фэрфакса просили назначить его на вакантное место генерал-лейтенанта. Общины согласились, но лорды, по крайней мере, на данный момент, не дали своего согласия. Позднее, когда события сделали отказ невозможным, лорды дали свое согласие на назначение, для которого Кромвель, безусловно, не был лишен права на что-либо в Ордонансе о самоотречении в той форме, в которой они позволили ему пройти; учитывая, что этот Ордонанс просто требовал сдачи его комиссии, не устанавливая никаких препятствий для его повторного назначения.

Когда 14 июня армия под командованием Фэрфакса оказалась перед королем в Нейсби, Кромвель снова командовал конницей. Как обычно в те дни, пехота находилась в центре. На двух флангах располагалась кавалерия: справа - под командованием Кромвеля, слева - под командованием Иретона. Иретон был отброшен назад Рупертом, который, так ничему и не научившись со времен своего стремительного наступления при Эджхилле, бросился в погоню, ни на минуту не задумываясь о судьбе остатков королевской армии. Кромвель, отогнав противостоящую ему лошадь, как и при Марстон-Муре, оседлал ее, чтобы понаблюдать за ходом битвы, которую он оставил позади себя. Видя, что его долг ясен, он оставил три полка для продолжения преследования, а с остальными обрушился на роялистскую пехоту и с помощью пехотинцев Фэрфакса уничтожил или взял в плен весь

корпус. Руперт вернулся слишком поздно, чтобы сделать хоть что-то, кроме как присоединиться к Чарльзу в его бегстве. Было взято пять тысяч пленных, из которых не менее пятисот были офицерами, а весь артиллерийский обоз Карла остался в руках победителей. То, что Кромвель внес большой вклад в эту сокрушительную победу, чем кто-либо другой, не вызывает сомнений.

Кромвель, по своему обыкновению, приписал этот успех Божественной помощи. "Я могу сказать о Нейсби, - писал он, - что когда я увидел, что враг выстроился и галантным маршем направляется к нам, а мы, компания бедных невежд, пытаемся упорядочить наше сражение, генерал приказал мне отдать приказ всем лошадям, я не мог - ехал один по своим делам - но возглашал хвалу Богу в уверенности в победе, потому что Бог посредством того, чего нет, сведет на нет то, что есть, в чем я был очень уверен, и Бог это сделал". Несомненно, как уже было сказано, Кромвель упустил из виду, что численность парламентской армии была на его стороне - не менее 14 000 человек против 7500. Но не численное превосходство парламентариев стало победой. Оно не позволило Иретону противостоять Руперту, а пехота в центре уже сдавала позиции, когда Кромвель вернулся, чтобы помочь ей. Победу одержала дисциплина, а не численность конницы Кромвеля, чему способствовало превосходное полководческое искусство их командира. Кромвель, когда писал о своих солдатах как о "бедных невежественных людях", несомненно, вспоминал свою собственную раннюю критику беглецов в Эджхилле. Йомены и крестьяне, которых он собрал вокруг себя, были во многом обязаны дисциплине и руководству; но они также были во многом обязаны укоренившейся в их сердцах вере в то, что они сражаются за дело Божье.

После победы при Нейсби вопрос борьбы был практически решен. Произошло еще одно сражение при Лэнгпорте, где Фэрфакс разбил отряд, с которым Горинг пытался охранять западные графства; но после этого война превратилась в череду осад, которые могли закончиться только одним способом, поскольку у Карла больше не было полевой армии, которая могла бы прийти на помощь роялистским гарнизонам. В течение нескольких месяцев Кромвель, то в сочетании с Фэрфаксом, то временно командуя отдельными силами, был неутомим в энергии, которую он бросил на выполнение своей работы. Чарльз был полон комбинаций, которые никогда не приводили к практической пользе для его дела. Одно время он возлагал надежды на Монтроза, который после своих блестящих побед рассчитывал привести армию горцев на помощь королевскому делу. В другое время он с такой же надеждой смотрел на Гламоргана, который должен был привести в Англию ирландскую армию. План Монтроза был разрушен при Филифоне, а уступки Гламоргана ирландским католикам стали известны, и от них пришлось отказаться. 31 марта 1646 года сэр Джейкоб Этли, приведший 3000 человек, последние силы роялистов, на помощь Карлу в Оксфорде, был вынужден сдаться в Стоу-он-те-Уолде. "Вы сделали свое дело, - сказал ветеран своим пленникам, - и можете идти играть, если только не перессоритесь между собой". Хотя Оксфорд и Ньюарк все еще оставались не взятыми, окончание войны теперь было вопросом нескольких дней.

"Честные люди, - писал Кромвель спикеру Ленталлу вскоре после победы при Нейсби, - верно служили вам в этом бою. Сэр, они заслуживают доверия - умоляю вас именем Бога не отчаивать их. Я желаю, чтобы это действие вызвало благодарность и смирение у всех, кто в нем участвует. Тот, кто отдает свою жизнь за свободу своей страны, я желаю, чтобы он уповал на Бога за свободу своей совести, а вы - на свободу, за которую он сражается". "Все это, - продолжал он три месяца спустя, в том же духе, после штурма Бристоля, - есть не что иное, как дело рук Божьих; надо быть атеистом, чтобы не признать этого". Можно подумать, что следует воздать должное тем доблестным людям, о чьей доблести так много говорится:

их скромная просьба к вам и всем, кто заинтересован в этом благословении, состоит в том, чтобы, вспоминая хвалу Божью, они были забыты. Их радость в том, что они служат орудием славы Божьей и блага своей страны. Это их честь, что Бог поручился использовать их..... Сэр, те, кто был занят на этой службе, знают, что вера и молитва получили этот город для вас: Я говорю не только о наших, но и о народе Божьем вместе с вами и по всей Англии, который боролся с Богом за благословение в этом деле. Мы желаем, чтобы Бог был прославлен тем же духом веры, в котором мы просим о достатке и получаем его. Мы хотим, чтобы Ему была воздана вся хвала. Пресвитериане, независимые, все имеют здесь один и тот же дух веры и молитвы, одно и то же присутствие и ответ; они согласны здесь, не знают различий; жаль, что везде должно быть иначе! Все верующие имеют настоящее единство, которое наиболее славно, потому что оно внутреннее и духовное в Теле и Главе. Что касается единства в формах, которое обычно называют единообразием, то каждый христианин ради мира будет изучать и делать это настолько, насколько позволит совесть. И от братьев, в делах душевных, мы не ждем никакого принуждения, кроме как от света и разума. В других делах Бог вложил меч в руки парламента для устрашения злодеев и похвалы тех, кто поступает хорошо. Если кто-либо умоляет освободить его от этого, он не знает Евангелия; если кто-либо хочет вырвать его из ваших рук или украсть его у вас, под каким бы то ни было предлогом, я надеюсь, что он сделает это безрезультатно".

Никакие слова не могут лучше отразить состояние ума Кромвеля в это время. Религия, которой придерживались король и его приверженцы, не вызвала у него никаких сомнений. Он не желал слушать предположения о том, что ее можно считать религией в каком-либо достойном смысле. Парламент, каким бы изуродованным он ни был, является властью, предписанной Богом для поддержания порядка в стране. По этой самой причине парламент должен был предоставить полную свободу детям Божьим, какими бы ни были их разногласия в вопросах дисциплины и практики. В рамках пуританства нельзя допускать никакой нетерпимости. Общность духовных чувств, а не внешняя дисциплина или интеллектуальное согласие, была критерием братства. Палата общин была настолько решительно настроена не принимать этот взгляд на дело, что, отдавая распоряжение о публикации двух депеш Кромвеля, она изуродовала обе, опустив из них фрагменты, отстаивающие свободу совести.

В настоящее время мы склонны обвинять Кромвеля не в том, что он зашел слишком далеко в сторону веротерпимости, а в том, что он зашел недостаточно далеко. В середине семнадцатого века сама идея веротерпимости в любой форме была свойственна лишь избранным. То, что большинство пуританского духовенства выступало против нее, не вызывает удивления. Будучи людьми образованными и образованными, профессионально уверенными в правоте собственных взглядов, они с презрением смотрели не только на взгляды, отличные от их собственных, но и на тех, кто, зачастую не обладая ни малейшей умственной культурой, осмеливался извлекать из Библии схемы учения, порой безнравственные, а зачастую - по крайней мере, по мнению пресвитерианских богословов - богохульные и профанирующие. Даже если этого не происходило, оставалась опасность того, что Англиканская церковь, которая, как считалось, была очищена от епископата и изгнания церемоний, поддерживаемых епископами, превратится в хаос, в котором тысяча сект сражаются за свои вероучения, вместо того чтобы кротко принимать Евангелие, переданное им их хорошо обученными пасторами. Ричард Бакстер был благоприятным образцом пресвитерианского духовенства. Примирительный по характеру, он, тем не менее, был ярым спорщиком, и в течение нескольких месяцев после битвы при Нейсби он принял должность капеллана в полку Уолли с явным намерением убедить сектантов отказаться от своих порочных путей. Вскоре он обнаружил, что большая часть пехоты армии Нового образца отнюдь не была сектантской или даже пуританской по своим взглядам. "Большая

часть простых солдат, - писал он, - особенно пеших, были невежественными малорелигиозными людьми, в изобилии взятыми в плен или выведенными из гарнизонов при короле и бывшими солдатами в его армии; и они готовы были на все, чтобы угодить своим офицерам". Иными словами, офицеры-сектанты могли распоряжаться услугами всей армии, подкрепляя их самыми энергичными рядовыми солдатами. Бакстер также не замедлил обнаружить, что военные проповедники были готовы подвергнуть сомнению общепринятую доктрину как в политике, так и в религии. "Я понял, - заявлял он, - что они принимают короля за тирана и врага и действительно намерены овладеть им, и они думают, что если они могут сражаться с ним, то могут убить или завоевать его, а если они могут завоевать, то никогда не должны доверять ему дальше, чем он находится в их власти; и что они считают глупостью раздражать его войнами или противоречиями в парламенте, если уж так случилось, что они должны принять его за своего короля и доверить ему свою жизнь, когда они таким образом его разочаровали". Эти дерзкие рассуждатели пошли еще дальше. "Кем, - спрашивали они, - были лорды Англии, как не полковниками Вильгельма Завоевателя, или бароны, как не его майорами, или рыцари, как не его капитанами?" "Они ясно показали мне, - жаловался Бакстер, - что думали, будто Божье провидение возложит на них, как на завоевателей, упование на религию и королевство; они ничего не сделали из всех самых мудрых и благочестивых в армиях и гарнизонах, которые не были на их пути. *Per fas aut nefas*, по закону или без него, они были полны решимости уничтожить не только епископов, литургию и обряды, но и все, что противостояло их пути. Они... больше всего почитали сепаратистов, анабаптистов и антиномийцев; но Кромвель и его совет обязали их не присоединяться ни к какой партии, а быть за свободу всех".

"Быть за свободу всех" - такова была позиция Кромвеля. Есть все основания полагать, что в это время он мало сочувствовал чаяниям тех, кто хотел сделать армию рычагом, с помощью которого можно было бы добиться политических результатов, недостижимых иным путем. В своей бристольской депеше он четко придерживался доктрины, что меч был отдан Богом в руки парламента, и в настоящее время он был склонен надеяться только на парламент в поисках того благодеяния, о котором он его просил. Что делает биографию Кромвеля такой интересной, так это его постоянное стремление идти путями законности - , которое всегда срывалось из-за необходимости ситуации.

Нам, воспитанным в режиме религиозной свободы, трудно понять, насколько ненавистным было предложение Кромвеля в глазах подавляющего большинства его современников. Оно не только шокировало тех, кто с презрением смотрел на капризы проповедников, но и вызывало опасения, что религиозное сектантство, разделив нацию на враждебные партии, приведет к политической слабости. Каждому народу необходимо иметь некие узы общих чувств, которые позволят ему выступить единым фронтом против своих врагов, и такие узы были как никогда необходимы в то время, когда верность трону была приостановлена. Заслуга Кромвеля состояла в том, что он видел, что эта связь будет укрепляться, а не ослабевать, если допускать расхождения в учении и практике, пока существует согласие по главным основаниям духовного пуританства. Если, с одной стороны, он отставал от Роджера Уильямса в теоретических концепциях, то с другой - опережал его в попытках привести свои доктрины в соответствие с практическими потребностями своего времени.

Некоторую помощь Кромвелю оказали люди, с которыми по другим причинам он не очень-то симпатизировал. Вестминстерская ассамблея богословов, заседавшая с 1643 года, сделала все возможное, чтобы навязать Англии пресвитерианскую систему, но в палате общин была небольшая группа эрастианских юристов с ученым Селденом во главе, которая была достаточно сильна, чтобы увлечь за собой парламент, сопротивляясь навязыванию Англии

шотландского пресвитерианства, то есть церковной системы, при которой вопросы религии должны решаться в церковных судах без какой-либо апелляции к светскому элементу в государстве; Хотя, с другой стороны, не следует забывать, что в этих самых церковных судах миряне находили свое место. Эрастианцы, однако, предпочитали поддерживать верховную власть мирян, представленных в парламенте, - как юристы предыдущего века поддерживали власть мирян, представленных королем, - возможно, потому, что они знали, что миряне, входящие в пресвитерианские собрания, наверняка попадут под влияние духовенства. Селден, конечно, не был поклонником энтузиазма сект; но его холодный, беспристрастный подход к их требованиям в конечном итоге обеспечил бы свободу даже с большей уверенностью, чем пламенное рвение Уильямса или Кромвеля.

Со сдачей Эстли в Стоу-он-те-Уолд сложилась новая ситуация. Наступило время, которого Кромвель ждал после второй битвы при Ньюбери, время, когда Карл - уже не надеясь диктовать условия своим врагам - вероятно, будет готов принять некий компромисс, который мог бы дать Кромвелю и партии Независимых ту религиозную свободу, которую пресвитериане в Вестминстере так трудно уступить. Не требовалось и десятины проницательности Кромвеля, чтобы убедить его в том, что у соглашения будет гораздо больше шансов оказаться прочным, если оно будет честно принято королем, чем если бы оно не было принято. И все же не предвещало ничего хорошего то, что Карл, зная, что если он останется в Оксфорде, то через несколько недель окажется пленником в руках армии, поскакал в сторону Ньюарка, который в то время осаждали шотландцы, и 5 мая 1646 года сдался шотландскому командиру в Саутвелле. Шотландцы, получив от него приказ губернатору Ньюарка сдать город, отправились с ним в Ньюкасл, где у них было бы больше возможностей удержать свои позиции против любого нападения армии английского парламента. Если Чарльз рассчитывал сделать шотландцев своим орудием, то вскоре его обманули. С ним обращались практически как с пленником, находящимся под почетным арестом, и дали понять, что от него ждут установления пресвитерианства в Англии.

За несколько дней до того, как Чарльз покинул Оксфорд, Кромвель приехал в Вестминстер, чтобы принять участие в обсуждении урегулирования, которое должно было последовать после окончания войны. Он увидел, что в Палате общин его взгляды поддерживаются лучше, чем когда он в последний раз находился в ее стенах. Прошла серия выборов, чтобы занять места, освободившиеся после изгнания роялистов, и большинство новобранцев - так называли новых членов - были убежденными индипендентами, то есть сторонниками религиозной свободы в рамках пуританства. Среди них были Иретон, командовавший левым крылом при Нейсби и вскоре ставший зятем Кромвеля; Флитвуд, ныне полковник армии Нового образца; Блейк, защитник Таунтона, ставший в будущем великим адмиралом Содружества и Протектората, а также другие видные военные. Однако пресвитериане по-прежнему сохраняли большинство в палате. Уже 14 марта они добились принятия ордонанса, устанавливающего пресвитерианство в Англии, хотя оно должно было отличаться от шотландской системы тем, что церковь в последней инстанции подчинялась верховной власти парламента. Английский пресвитерианин не мог, даже когда мы нуждались в шотландской помощи, полностью соответствовать шотландской модели. Правда, постановление было выполнено лишь частично, но можно не сомневаться, что оно было бы более послушным, если бы переговоры, которые парламентское большинство в соответствии с шотландцами вело с королем в Ньюкасле, увенчались успехом.

То, что Кромвель наблюдал за этими переговорами с живейшим интересом, можно считать само собой разумеющимся; но, похоже, у него не было никакой возможности, как у простого члена палаты, сделать больше. Мы можем только предполагать, хотя и с достаточной

уверенностью, что он был доволен расширением разрыва между пресвитерианами и королем, вызванным решимостью Карла не принимать никаких условий, которые привели бы к отмене епископата. Он также не мог не быть доволен, когда 30 января 1647 года шотландские солдаты, получив часть суммы, причитающейся им за службу в Англии, с обещанием получить оставшуюся часть, отправились в Шотландию, предварительно передав Карла назначенным английским парламентом комиссарам, которые отвезли его в Холмби-Хаус в Нортгемптоншире, отведенный ему парламентом в качестве резиденции.

Наконец-то наступило время, когда мирное урегулирование смуты в стране стало возможным, и, по крайней мере на данный момент, пресвитериане, казалось, имели самые сильные карты на руках. У них было большинство в парламенте, и именно им предстояло сформулировать принципы, на которых должны были строиться будущие институты страны. То, что страна вместе с ними желала, с одной стороны, соглашения, в котором король мог бы вновь стать конституционным фактором в правительстве, а с другой - полного или частичного расформирования армии и последующего освобождения от налогов, вряд ли можно отрицать. Большая слабость, и, как оказалось, непреодолимая слабость пресвитерианцев заключалась в неспособности их лидеров понять характеры людей, с которыми им приходилось иметь дело. Как ни правы они были в своем мнении, что нация с готовностью примет конституционную монархию, невозможно было убедить их в том, что на самом деле Карл никогда не согласится на ограничения конституционной монархии и тем более не позволит, чтобы церковь дольше, чем он мог бы помочь, строилась по образцу какой-либо пресвитерианской системы. То, что он был убежден в том, что епископат имеет Божественное происхождение, не вызывает сомнений, и в этом вопросе его упорный, хотя и непостоянный ум был укреплен уверенностью в том, что, сражаясь за дело епископов, он действительно сражается за дело Бога. Однако спор имел как политическую, так и религиозную сторону. В Шотландии пресвитерианство означало преобладание духовенства. В Англии оно означало преобладание сельской знати и дворянства, которые либо в личном качестве, либо коллективно в парламенте давали бенефиции, а в парламенте сохраняли в своих руках окончательный контроль над церковью. Епископат, с другой стороны, означал, что контроль над церковью находился в руках людей, назначенных королем.

Глупость пресвитериан проявилась не в отстаивании собственных взглядов, а в том, что они решили, что если им удастся убедить Карла согласиться временно уступить им дорогу, то они сделают достаточно для достижения своей цели. В начале 1647 года они предложили, чтобы пресвитерианство было установлено в Англии на три года, а ополчение оставалось во власти парламента в течение десяти. Они не могли понять, что по истечении установленных сроков Карл получит огромное преимущество, оказавшись лицом к лицу с системой, которая перестала иметь какую-либо юридическую санкцию. Здравомыслие подсказывало, что какое бы решение ни было принято, оно должно, по крайней мере, иметь в пользу своего продолжения ту презумпцию постоянства, которая присуща каждому устоявшемуся институту, который, как ожидается, будет оставаться во владении, пока не будут предприняты определенные шаги для его упразднения.

Вполне возможно, что пресвитериане рассчитывали на непопулярность епископата и всего того, что епископат мог с собой принести. Правда, нельзя дать даже приблизительную оценку численности церковных партий. Религиозная перепись не проводилась, и есть все основания полагать, что если бы она была проведена, то не дала бы точной информации. Нет сомнений в том, что значительное число людей, возможно, гораздо большее, чем просто большинство населения, либо вообще не заботились о церковных спорах, либо, по крайней мере, не заботились о них настолько, чтобы оказывать вооруженное сопротивление любой

форме церковного управления или церковного учения, которая могла быть установлена парламентом или королем. Однако все имеющиеся у нас свидетельства говорят о полном отсутствии среди мирян за пределами семей роялистского дворянства и их ближайших родственников какого-либо народного желания вернуть епископат или молитвенник. Иногда случались бунты, но это были бунты из-за прекращения увеселений и особенно из-за запрета рождественского веселья, а не из-за того, что служба в церкви велась тем или иным образом. Иногда забывают, что пуританское или полупуританское духовенство прочно удерживало власть в Церкви вплоть до времен Лауда, и что кальвинистское учение, которое было в фаворе даже у епископов к концу правления Елизаветы, было широко распространено до того же времени, так что епископалы не могли рассчитывать на то сопротивление органическим изменениям, которое непременно возникло бы, если бы лаудовское принуждение к дисциплине продолжалось семьдесят лет, а не семь.

В то время как епископат находил свою главную поддержку в короле, секты находили свою главную поддержку в армии, и парламент сразу же присоединился к народному требованию ослабить армию. Еще до конца февраля было принято решение о том, что 6600 конных и драгун должны остаться в Англии, но что, за исключением людей, необходимых для нескольких гарнизонов, никто из пехоты армии нового образца не должен оставаться на службе. Их место должно было занять ополчение, которое, состоящее из гражданских лиц, занимающихся своими обычными делами большую часть года, и, за исключением случаев вторжения или восстания, призываемое лишь на несколько дней на учения, вряд ли присоединится к попыткам перечить желаниям парламента. Кроме того, кавалерия в долгосрочной перспективе не могла действовать без поддержки пехоты, а 6 600 пеших конников были бы бессильны навязать парламенту свою политику силой. Поскольку более половины пехоты, чьи услуги в Англии больше не требовались, должны были понадобиться для ведения войны в Ирландии, которая теперь почти полностью находилась в руках так называемых повстанцев, считалось, что необходимое для этого число добровольцев пойдет на службу в эту страну, а остальных легко побудить вернуться среди гражданского населения, из которого они вышли.

Вообразив таким образом ослабление армии в целом, пресвитерианское большинство принялось за офицеров кавалерии, предназначенных для службы в Англии. Сохранив Фэрфакса в качестве главнокомандующего, они постановили, что ни один офицер не должен служить под его началом, если он отказывается принять Завет и подчиниться церковному правительству, установленному парламентом. Они также постановили, что, за исключением Фэрфакса, ни один офицер не должен иметь звание выше полковника; иными словами, они объявили об увольнении генерал-лейтенанта Кромвеля со службы. Характерно для Кромвеля, что в письме, написанном им Фэрфаксу, его личная обида не нашла места. "Никогда, - пишет он, - духи людей не были так озлоблены, как сейчас. Конечно, дьяволу отпущено совсем немного времени". В день поста, - добавляет он в постскрипуме, - в Ковент-Гардене, как я слышал, было поднято множество конных и пеших солдат - около двух сотен, чтобы помешать нам, **солдатам**, перерезать горло пресвитерианам! Это прекрасные трюки, чтобы насмеяться над Богом". И все же, как ни был он раздражен, он не подавал никаких признаков того, что думает о сопротивлении. "В присутствии Всемогущего Бога, перед которым я стою, - заявил он палате представителей, - я знаю, что армия распустится и сложит оружие у ваших дверей, когда вы прикажете". Свою собственную отставку он воспринял спокойно. В конце марта он часто общался с курфюрстом Палатина, который предложил ему командование в Германии, где все еще продолжалась несчастная Тридцатилетняя война и где дело веротерпимости, очевидно утраченное в Англии, могло быть использовано.

С Это чтение Карлайла, но оригинал рукописи разорван, а те указания, которые есть, показывают, что слова не могут быть "нас, солдат". Но я не могу предложить никаких поправок.

Пресвитерианские лидеры, Холлес, Стэплтон, Мейнард и все остальные, должно быть, льстили себе, что наконец-то достигли полного успеха. Получить от Кромвеля слово, что армия согласится на роспуск, и увидеть спину человека, которого они больше всего боялись, было двойным ударом судьбы, на который они вряд ли могли рассчитывать. В своем восторге от свалившейся на них удачи они забыли, во-первых, что, кроме Кромвеля, было много офицеров, которые не доверяли их политике; а во-вторых, если этих офицеров лишить влияния на рядовых солдат, то нужно позаботиться о том, чтобы не оставить ни одной существенной обиды последних без удовлетворения. 21 и 22 марта депутация от парламента, встретившаяся с сорока тремя офицерами в церкви Саффон-Уолден, заявила, что никто из присутствующих не пойдет добровольцем в Ирландию, если не получит удовлетворительного ответа на четыре вопроса: Какие полки будут содержаться в Англии? Кто будет командовать в Ирландии? Что будет гарантировано для оплаты и содержания войск, отправляющихся в Ирландию? И наконец, что нужно сделать, чтобы получить причитающиеся людям недоимки и возмещение за военные действия в минувшей войне, которые гражданский суд мог бы расценить как грабеж и убийство? В дополнение к этим требованиям от имени солдат была составлена петиция с просьбой о различных уступках, главные из которых касались недоимок и компенсаций. Если бы пресвитерианские лидеры обладали хоть крупицей здравого смысла, они бы поняли, что не могут сохранять покорность армии и забывать о ее материальных интересах. Как бы то ни было, они расценили действия солдат как простой мятеж, вызвали ведущих офицеров в суд и объявили всех, кто поддержал петицию, врагами государства и нарушителями мира.

Положение Кромвеля было очень сложным. Как солдат и человек порядка, он ненавидел любое подобие мятежа, и своей готовностью принять командование в Германии он показал, что не желает нарушать баланс политических сил, бросая на весы свой меч; но не нужно было сомневаться в политических способностях пресвитерианских лидеров, чтобы прийти к выводу, что они полностью ошиблись в своем методе обращения с армией. Это был не тот случай, когда солдаты отказывались подчиняться приказам своих начальников в соответствии с условиями их вербовки. Их просили взять на себя новые обязанности, а в случае с теми, кто должен был отправиться в Ирландию, фактически добровольно поступить на новую службу, и, тем не менее, с ними обращались как с мятежниками, потому что они требовали удовлетворения своих справедливых требований.

Кромвелю, даже если бы он захотел противопоставить армию парламенту, ничего не оставалось делать, как сидеть на месте, пока его противники накапливали промахи за промахами. Палата общин, не сумев добиться никаких признаков уступчивости от офицеров, которых она вызвала к адвокату, отправила их обратно на свои посты. Затем она назначила командующим в Ирландии Скиппона, хорошего дисциплинированного человека, не имеющего особой репутации как генерал; после чего, не предложив никаких мер по удовлетворению требований солдат, она отправила новый состав комиссаров, среди которых был сэр Уильям Уоллер, твердый приверженец пресвитерианства, чтобы настоять на формировании новой армии для Ирландии. Прибыв в Саффон-Уолден, комиссары не замедлили обнаружить, что офицеры не очень-то жалуют идею командования Скиппоном. "Фэрфакс и Кромвель", - кричали они, - "и мы все уйдем". Комиссары получили обещание отправить в Ирландию некоторое количество офицеров и солдат, но в целом их миссия оказалась неудачной. Они не были уполномочены предлагать выплату недоимок, и, как они

должны были предвидеть, возмущение большого числа солдат, жаловавшихся на то, что их обманывают с жалованием, отдало власть в руки меньшинства, известного как "Партия благочестия", которое выдвинуло доктрину, что теперь, когда парламент уклоняется от выполнения своего долга, пришло время для армии выступить в качестве политической силы и обеспечить урегулирование нации на основе гражданской и религиозной свободы. Высказывалась также мысль, что армии будет легче, чем парламенту, договориться с королем, и что именно солдаты должны забрать его из Холмби и на справедливых условиях заменить на троне.

О чувствах Кромвеля в эти недели у нас мало свидетельств. Из дома, который с предыдущего года он занимал со своей семьей на Друри-Лейн, он наблюдал за событиями, не пытаясь их изменить. Во второй половине апреля и он, и Вейн, который теперь был его закадычным другом, скрепленным общими интересами к религиозной свободе, отсутствовали на заседаниях парламента, за исключением нескольких редких случаев. Неисчислимая глупость пресвитерианских лидеров, должно быть, заставила Кромвеля больше, чем когда-либо, сомневаться в возможности получить от них средство для исправления бедствий нации. К концу апреля стало известно, что в Ирландию добровольно отправились всего 2 320 солдат. Тогда, и только тогда, парламент пришел к выводу, что нужно что-то делать с задолженностями, и постановил, что каждому распущенному солдату должно быть предложено шестинедельное жалование. Это была лишь малая часть того, что причиталось, и солдату не нужно быть чрезвычайно подозрительным, чтобы прийти к выводу, что, покинув строй, его перспективы получить удовлетворение оставшейся части своих требований были крайне незначительными. Таким образом, припертые к стенке, восемь кавалерийских полков выбрали по два агитатора, или, как бы их назвали в современной речи, агента, чтобы представлять их в предстоящих переговорах за свои права, и шестнадцать выбранных таким образом составили письма генералам, Фэрфаксу, Кромвелю, Айретону и Скиппону. Поскольку кавалерия была наиболее ярко выраженной политической частью армии, авторы этих писем впервые вышли за рамки материального недовольства, жалуюсь на замысел разбить и разорить армию, а также на намерение "некоторых, недавно вкусивших суверенитета, стать хозяевами и выродиться в тиранов". Палата, не в меру возмущенная, вызвала к суду трех агитаторов, которые принесли письма в Вестминстер; но за их отказ отвечать на вопросы, заданные им без приказа их военными избирателями, послала Кромвеля, Иретона и Скиппона заверить солдат, что они получают требуемую ими компенсацию, а также значительную часть своих недоимок и долговых обязательств на оставшуюся часть.

Нет причин сомневаться в том, что Кромвель сочувствовал солдатам в их желании добиться справедливого урегулирования своих претензий, хотя и не был склонен поддерживать их в стремлении добиться влияния на правительство. Когда он добрался до Саффрон-Уолдена, то обнаружил, что пехотные полки последовали примеру кавалерии, и что для представления всей армии был выбран орган, состоящий из агитаторов. Результатом их переговоров с офицерами стала *Декларация армии*, составленная 16 мая, которой Кромвель, похоже, был полностью удовлетворен, поскольку, хотя она и настаивала на устранении практических недовольств, в ней не было никаких претензий на политическое влияние. Если бы палаты откровенно приняли ситуацию, Кромвелю и его коллегам удалось бы предотвратить, по крайней мере на время, опасность наделения армии политической властью.

По возвращении Кромвель обнаружил признаки того, что парламентское большинство еще менее склонно поступать справедливо по отношению к солдатам, чем когда он покидал Вестминстер. Во время его отсутствия парламентские полномочия по поддержанию

дисциплины и обучению ополченцев Сити были переданы комитету, назначенному Общим советом Лондона. Общий совет был пресвитерианским органом, и его комитет приступил к изгнанию всех офицеров, запятнавших себя индипендентством. Городское ополчение насчитывало 18 000 человек, и казалось, что большинство в парламенте готовит силы, которые могут стать ядром армии, противостоящей солдатам Фэрфакса и Кромвеля. В Шотландии также имелась армия численностью более 6 000 человек под командованием Дэвида Лесли - не самого незначительного генерала, - которая, возможно, придет на помощь парламенту против его собственных солдат, как три года назад армия Левена пришла на помощь королю. Чарльз, также 12 мая - Кромвель все еще отсутствовал в Вестминстере - наконец ответил на предложения, сделанные ему в начале года, и предложил предоставить ополчение на десять лет, а пресвитерианское учреждение - на три, при этом духовенству было позволено обсудить условия постоянного урегулирования. Если бы они не согласились, то по истечении трех лет Чарльзу было бы легко утверждать, что епископат снова является законным правителем Церкви, тем более что он сразу же должен был вернуться в Вестминстер, где он мог бы использовать все свое влияние, которое снова было бы в его распоряжении. Однако 18 мая это предложение было принято английскими пресвитерианами, а также шотландскими комиссарами как справедливая основа для взаимопонимания с королем. Неудивительно, что солдаты забили тревогу, а 19-го числа агитаторы выступили с призывом ко всей армии объединиться для сопротивления.

Тем не менее, когда 21 мая Кромвель вновь появился в Палате представителей и зачитал совместный доклад депутации, он смог заявить о своей уверенности в том, что армия будет распущена, хотя и откажется идти добровольцем в Ирландию. Сначала Палата, казалось, была готова пойти по разумному пути, одоблив ордонанс, предоставляющий требуемую компенсацию, и положительно рассмотрев другой ордонанс, обеспечивающий реальное и видимое обеспечение той части задолженности, которая оставалась невыплаченной. В то же время задолженность, которую необходимо было выплатить, была увеличена с шестинедельной до восьминедельной. Однако, что бы ни предлагали пресвитериане, они не могли доверять армии, и 23-го числа они обсудили с Лодердейлом, который находился в Англии как шотландский член Комитета обоих королевств, и Белливером, послом короля Франции, схему ввода шотландской армии в Англию. Разговоры об обеспечении безопасности особы короля, ходившие в некоторых полках незадолго до этого, дошли до их слуха и послужили им оправданием, что они просто предвосхитили своих противников. В связи с этим они предложили противодействовать этому замыслу, удалив Карла либо в какой-нибудь английский город, либо даже в Шотландию. Их надежды на осуществление этого дерзкого проекта были тем выше, что полковник Грейвс, командовавший охраной в Холмби, сам был пресвитерианином, на которого они могли положиться в выполнении своих указаний.

Хотя ничего не было решено окончательно, поведение Палаты общин отражало политику ее лидеров. Она прекратила рассмотрение постановления об обеспечении солдатских недоимок и постановила немедленно приступить к роспуску армии, начиная с 1 июня. Оглашение этого постановления привело в смятение тех, кто делал все возможное, чтобы удержать солдат в рамках повиновения. "Сомневаюсь, - писал автор письма, которое, вероятно, было адресовано Иретоном своему тестю, - что расформирование столь верной армии будет раскаянием; провокация и раздражение заставляют людей думать о том, чего они никогда не замыслили. Насколько я могу судить, у них сложилось мнение, что если с ними так пренебрежительно обращаются за их верную службу, пока меч в их руках, то каково же будет их обращение, когда они будут распущены?" Два дня спустя другой писатель, говоря о комиссарах, назначенных парламентом для расформирования полков, добавил

пророческие слова: "С таким же успехом они могут послать их среди множества медведей, чтобы отобрать у них детенышей". Это было совершенно верно. Когда 1 июня комиссары попытались расформировать полк Фэрфакса в Челмсфорде, он поднял мятеж и двинулся в Ньюмаркет, где Фэрфакс назначил встречу для обсуждения ситуации. Не то чтобы масса армии была склонна вмешиваться в политику. "Многие солдаты, - писали комиссары, - когда с ними разговаривали, заявляли, что единственное, на чем они настаивают, - это деньги, и что четырехмесячное жалование принесло бы им удовлетворение".

Такое событие не могло не заставить Кромвеля пересмотреть свою позицию. Хотел он того или нет, но армия, по вине пресвитерианских лидеров, вышла из-под власти парламента. Он не мог поддержать парламент, когда тот собирался с помощью шотландской армии восстановить короля на условиях, которые, независимо от того, король или пресвитериане одержат верх в интригах, которые непременно последуют, могли закончиться уничтожением религиозной свободы для сект, которая, хотя и не имела юридической санкции, была получена фактически. Однако альтернативой этому могло стать впадение страны в военную анархию или, если бы это было предотвращено, установление власти армии над государством. Из этой дилеммы можно было выбраться только одним путем, и этот путь Кромвель выбрал.

Кромвель, следует еще раз подчеркнуть, не был ни республиканцем, ни теоретиком парламентаризма. Парламент был для него главным образом властью, под которой он боролся за достижение великих целей. Теперь же он стал не более чем инструментом в руках политиков, которые, стремясь к установлению церковной деспотии, не могли придумать лучшего средства для достижения своих злых целей, чем разжигание пожара гражданской войны с помощью шотландской армии и французской дипломатии. И, доказав свою несостоятельность в собственном пагубном деле, необходимо было искать какую-то новую основу власти, которая избавила бы Англию от опасности попасть под власть прусской гвардии. Такую основу искать не пришлось. Кромвель вел беспощадную борьбу с королем - не для того, чтобы уничтожить его, а для того, чтобы заставить его принять почетные условия. Условия, которые пресвитериане предложили Карлу, не были честными. Они требовали, чтобы он запретил свою собственную религию и навязал своим подданным церковную систему, которая, по его мнению, была ненавистна Богу и человеку. Неужели это должно было стать результатом всей потраченной крови и сокровищ? Что, если бы короля можно было убедить вернуть мир и благое правление в страну путем более справедливого обращения и восстановления его благодетельной власти? Призыв к восстановлению власти короля возник не только из монархических теорий нескольких энтузиастов. Он был глубоко укоренен в сознании поколений. За несколько лет до этого англичане не представляли себе, что порядок может поддерживаться без короля, и среди огромной массы англичан это мнение все еще было распространено. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что Кромвель разделял надежду на то, что Карл, благодаря более щедрому обращению, чем то, которое оказал ему парламент, позволит вождям армии выступить посредниками между ним и парламентом и согласится на восстановление такой части своей власти, которая обеспечит религиозное и политическое развитие страны на путях реформ, а не революции. Если это или что-то подобное должно было быть осуществлено, то конъюнктура не допускала промедления. Через несколько дней - возможно, через несколько часов - планы пресвитерианских лидеров созреют, и Чарльз будет увезен из Холмби, либо поспешно отправлен в Шотландию, либо передан под опеку нового пресвитерианского ополчения в Лондоне. Командир гвардии в Холмби, полковник Грейвс, был готов выполнить любые указания, которые могли поступить к нему от его руководителей в Вестминстере. Мало того, 31 мая, за день до встречи в Челмсфорде, парламентский комитет отдал приказ

конфисковать артиллерию армии в Оксфорде и тем самым ослабить ее возможности как военной силы. Сложившаяся ситуация, в силу необходимости, должна была привлечь внимание агитаторов, и, хотя нельзя быть уверенным, вполне вероятно, что принятый план зародился именно у них, а не у Кромвеля. В ходе своей карьеры он не раз оказывался в стороне от решительных действий, связанных с изменением фронта политических действий, и есть все основания полагать, что и в этом случае он принял - и не без значительных колебаний - план, разработанный другими.

Такие колебания, однако, вполне соответствовали самым быстрым и решительным действиям, когда время для колебаний подходило к концу. 31 мая, в день, когда из Лондона был отправлен приказ о захвате артиллерии в Оксфорде, в доме Кромвеля на Друри-Лейн состоялось собрание, на котором присутствовал некий корнет Джойс, которому, очевидно, агитаторы поручили захватить артиллерию в Оксфорде, а затем отправиться в Холмби, чтобы помешать вывозу короля пресвитерианами, если не перевезти его в более безопасные места. Для таких действий у агитаторов, как они прекрасно понимали, не было военных полномочий, и за ними бесполезно было обращаться к Фэрфаксу, который, как ни сочувствовал он солдатам в их обидах, не обладал революционным решением, которого требовала ситуация. Кромвель, чье общее одобрение, вероятно, было получено заранее, дал необходимые инструкции, и Джойс смог отправиться в путь, будучи уверенным, что действует по приказу генерал-лейтенанта.

Есть основания полагать, что инструкции Кромвеля давали право на вывоз короля из Холмби только в том случае, если окажется, что его никак иначе нельзя уберечь от похищения пресвитерианами. Когда 1 июня Джойс прибыл в Оксфорд, он обнаружил, что гарнизон решил отказаться от доставки пушек, и на следующий день он отправился в Холмби с 500 всадниками за спиной. По прибытии Грейвс обратился в бегство, а гарнизон этого места сразу же побратался с новоприбывшими. Ранним утром 3-го числа Джойс, сопровождаемый своими людьми, был впущен через черный ход, заявив, что прибыл, чтобы помешать заговору "с целью доставить короля в Лондон без указаний парламента". "Его миссия, - заявил он далее, - заключалась в том, чтобы предотвратить вторую войну, открывшуюся благодаря замыслу некоторых людей частным образом отнять короля, с тем чтобы он мог встать на сторону той армии, которую предполагается собрать; что, если бы это произошло, стало бы полной гибелью королевства". Его действия соответствовали этому заявлению. В течение всего дня он сохранял спокойствие, ни на мгновение не намекая на то, что у него есть намерение сделать нечто большее, чем сохранить личность короля от насилия. Однако в течение дня его встревожили слухи о готовящемся нападении, и он решил, вероятно, не медля, что с опасностью можно справиться, лишь переместив короля в более безопасные покои. Около половины десятого вечера он пробудил Карла от дремоты, пригласил его следовать за собой на следующее утро и, заверив, что вреда не последует, получил требуемое обещание. Утром 4-го числа, когда Карл вышел из дома, перед ним предстал Джойс со своими 500 воинами. Король сразу же спросил, есть ли у Джойса какое-либо поручение на то, что он делает. "Вот, - ответил Джойс, поворачиваясь в седле и указывая на солдат, которых он возглавлял, - вот моя комиссия. Она позади меня". "Это честная комиссия, - ответил Чарльз, - и так хорошо написана, как я не видел ни одной комиссии в своей жизни: компания красивых, правильных джентльменов, каких я видел очень давно". Выбрав местом жительства Ньюмаркет, Чарльз не без желания, как казалось, отправился в эту странную компанию. В то же утро или накануне вечером Кромвель, чувствуя себя в Вестминстере не в безопасности, ускользнул и ускакал к армии в Ньюмаркет. И Фэрфакс, и Кромвель высказались за возвращение короля в Холмби, несомненно, считая удаление

Джойса ненужным и, в сложившихся обстоятельствах, несанкционированным. Только после положительного отказа Карла возвращаться ему разрешили продолжить путь.

Вскоре армии пришлось испытать на себе все трудности, которые таят в себе переговоры с Карлом. Сначала нужно было прийти к согласию с парламентом. Еще до прибытия Кромвеля агитаторы представили Фэрфаксу свои старые жалобы, сопроводив их напоминанием парламенту о том, что виноваты в этом некоторые конкретные лица - очевидно, пресвитерианские лидеры. В другой декларации, известной под названием *"Торжественное выступление армии"*, эти жалобы были повторены с большей силой, с добавлением, во-первых, требования о создании Совета армии, состоящего частично из офицеров и частично из агитаторов; и, во-вторых, требование защитить армию от укрывательства диких планов, "таких как свержение магистратуры, подавление или препятствование пресвитерианству, создание независимого правительства или поддержание общей разнузданности в религии под предлогом свободы совести". В том, что эти два пункта были добавлены под влиянием Кромвеля - если не его собственным пером, - вряд ли можно сомневаться. С одной стороны, если армия должна была вмешиваться в политику, она должна была выступать через какой-то орган, имеющий, насколько это возможно, характер политического собрания; а с другой стороны, всем должно было быть ясно, что ее цели как можно менее подрывные. Если бы пресвитериане признали, что их замыслы натолкнулись на непреодолимое препятствие, и передали бы власть в руки, более способные использовать ее с благоразумием, кризис можно было бы преодолеть, не оставив после себя более пагубных последствий, чем те, которые неизбежно связаны с вмешательством вооруженных сил.

К несчастью, пресвитериане были самыми маловероятными людьми в мире, способными осознать реальность ситуации. Они твердо верили не только в то, что их дело справедливо, но и в то, что армия - без тени оправдания - сознательно, еще до реорганизации лондонского ополчения, замышляла захват личности короля с целью установления анархии в церкви и военного деспотизма в государстве. Каждая партия, короче говоря, была убеждена, что действует в обороне; а в политике, как и во всех других сферах жизни, результаты можно отследить не столько по фактам, которые реально существуют, сколько по предположениям, связанным с этими фактами в сознании действующих лиц. Парламент активно продолжал подготовку к сопротивлению, планируя сформировать ядро новой армии в Вустере и предоставив городу разрешение на сбор кавалерии, а также пехоты. Солдаты, несомненно, были правы, считая, что назревает не что иное, как начало новой гражданской войны.

Прежде чем сделать бесповоротный шаг, парламент направил уполномоченных убедить армию распустить войска при условии выплаты дополнительных 10 000 фунтов стерлингов. 10-го числа, когда комиссары нашли солдат в месте сбора на Триплой Хит, они получили общий отказ принять условия до тех пор, пока они не будут рассмотрены новым Советом армии. Тогда армия значительным маршем двинулась к Ройстону, расположенному в нескольких милях по дороге в Лондон. Вечером было отправлено письмо магистратам Сити, главным сторонникам новой пресвитерианской военной организации. Вряд ли можно сомневаться в том, что это письмо отражало идеи, которые в то время были у Кромвеля, и что в значительной степени, если не полностью, оно было написано им самим. Пытаясь скрыть тот факт, что он возглавляет военное сопротивление гражданской власти, он объявил, что те, от чьего имени он выступает, действуют не как солдаты, а как англичане. "Мы хотим, - продолжал он, - чтобы королевство и свободы подданных были урегулированы в соответствии с голосами и декларациями парламента, которые, прежде чем мы взяли за оружие, были использованы парламентом в качестве аргументов и побуждений, чтобы пригласить нас и многих наших дорогих друзей выйти из войны - некоторые из них потеряли

свои жизни в этой войне, которая, по Божьему благословию, закончена, и мы думаем, что имеем такое же право требовать и видеть счастливое урегулирование, как и наши деньги, или другие общие интересы солдат, на которых мы настаивали". Затем последовал повторный протест, что армия не желает вводить развратную свободу или подрывать гражданское правительство. "Мы заявляем, - продолжал Кромвель, - что в таких случаях, когда государство уже все уладило, нам ничего не остается, как подчиниться или терпеть. Мы лишь желаем, чтобы каждый добропорядочный гражданин и каждый человек, мирно ведущий безупречный образ жизни, мог иметь свободы и поощрения, что соответствует справедливой политике всех государств и даже самой справедливости". Затем последовал практический вывод. "Таковы наши желания, за пределы которых мы не пойдем, и для их достижения мы приближаемся к вашему городу, заявляя со всей уверенностью и заверением, что, если вы не будете выступать против нас в этих наших справедливых желаниях, чтобы помочь той нечестивой партии, которая запутала бы нас и королевство, ни мы, ни наши солдаты не дадим вам ни малейшего оскорбления". Если бы дело пошло иначе, не армия бы уступила. "Если после всего этого, - продолжал Кромвель, - вас или значительное число из вас соблазнят взяться за оружие, чтобы воспротивиться или помешать этим нашим справедливым начинаниям, мы надеемся, что этим братским предчувствием мы избавили себя от всех тех разрушений, которые могут постигнуть этот великий и многолюдный город; мы умыли руки".

Армия выступила в поход, и город сразу же подчинился. Голые факты дела говорили против Кромвеля в глазах тех, чьи планы он сорвал. В мае он заявил, что армия будет распущена по первому слову парламента, и отказался от всякой мысли о привлечении военной силы к управлению государственными делами. В июне он поставил себя во главе армии, чтобы разогнать войска, которые собирались по приказу парламента. Сами слова, в которых он, написав от имени армии, объявил о своем решении, также должны были свидетельствовать против него. Было бы гораздо лучше, если бы он просто объявил, что новые обстоятельства, которые возникли, заставили его убедиться, что он зашел слишком далеко, и вынудили его признать перед собой и другими, что повиновение парламенту может иметь свои пределы, и что эти пределы теперь достигнуты. Легко было бы сказать, что черта должна быть проведена, когда парламент готовил гражданскую войну, не защищая права англичан, а навязывая стране чуждую ей систему с помощью шотландской армии. К несчастью, Кромвелю было свойственно решать трудности другим способом. В самых непоследовательных случаях он любил убеждать себя в том, что всегда был последовательным, и, укрывшись в утверждении, что армия выдвигает свои требования, чтобы ее слушали как англичан, а не как солдат, он приверженец доктрины, настолько явно абсурдной, что ее можно было воспринять только с улыбкой презрительного неверия. Кромвель, по сути, стоял на распутье. Для него существовал только один выбор - выбор между полным подчинением парламентской власти и установлением военного контроля. Неудивительно, что он инстинктивно не хотел признавать, даже перед самим собой, огромную важность предпринимаемого им шага: еще менее удивительно, что он не осознал заранее неизбежные последствия этого выбора - временный успех, который следует за превосходящей силой, и окончательный крах дела, которое обязано своим признанием таким средствам.

Непосредственные результаты проявились без долгих проволочек. Армия, сделав все возможное, чтобы продолжить насильственные действия в законных формах, выдвинула против одиннадцати ведущих пресвитерианцев обвинение в попытке втянуть королевство в новую войну, а также в других проступках. В ответ обвиняемые выдвинули свой план по привлечению шотландской армии и английских войск, направленных против армии под

командованием Фэрфакса и Кромвеля. Фэрфакс и Кромвель находились слишком близко к центру событий, чтобы их можно было так легко сбить с толку умозрительными словами. 26 июня угрожающее письмо из армии заставило одиннадцать депутатов почувствовать, что их положение несостоятельно, и они добровольно - так, по крайней мере, они утверждали - покинули свои места в парламенте. Кто теперь мог сомневаться, что под тончайшей завесой армия взяла в свои руки верховный контроль над правительством?

ГЛАВА III. АРМИЯ НОВОГО ОБРАЗЦА И КОРОЛЬ.

В своем стремлении уйти от несомненного зла военного правления Кромвель опирался на лучшую часть армии. В данный момент не представлялось сложным достичь этой цели, придя к соглашению с королем, тем более что армейские лидеры были готовы пойти на уступки религиозным устоям Карла. Требуя для себя свободы в вопросах совести, они были готовы уступить ее взамен, и впервые с тех пор, как он выехал из Оксфорда, Чарльзу было позволено принимать служение своих собственных капелланов и присоединяться к молитвам и славословиям на привычном языке церковных молитвенников. Это был долгий шаг к разрешению религиозного вопроса, который создал столь непроходимую пропасть между королем и пресвитерианами.

Оставалось обсудить конституционный вопрос, и бремя выработки условий, которые должны были связать короля, легло скорее на зятя Кромвеля, Иретона, чем на самого Кромвеля. Кромвель действительно никогда бы не согласился на то, чтобы Карла заменили на прежнем посту, но он был не сведущ в конституционных тонкостях и оставил такие детали другим. Главная трудность ситуации не заставила себя долго ждать. Чарльз, удалившийся в Виндзор, говорил так, словно спор между палатами и солдатами мог быть передан на его рассмотрение. "Сэр, - ответил Иретон, - вы намереваетесь быть арбитром между парламентом и нами; а мы хотим быть им между вашим величеством и парламентом". Дело не в том, что в голове Чарльза была какая-то определенная конституционная идея. Он скорее чувствовал, чем рассуждал, что не может занимать в государстве иного места, кроме того, которое традиция, подтвержденная его собственным опытом, отводила человеку, носящему корону. Для него, как и для другого, столь же слабого для всех целей управления, столь же богато наделенного артистическим темпераментом, как и он сам,

Не все воды соленого, соленого моря
Смогут смыть бальзам с помазанного короля.

В какой бы форме, парламентской или конституционной, он, и никто другой, должен был быть верховным арбитром, уполномоченным в свое время произнести решающее слово - всегда справедливое, всегда правое. То, что происходило перед его глазами, лишь подтверждало его заблуждение. Между армией и парламентом возникла ссора. Чем она закончится, если он не вынесет приговор и не восстановит справедливость в отношении обоих? Против этой воли - назовем ее твердой или упрямой, как нам угодно, - столь недоступной учению фактов, столь цепкой за идеи, вдохновлявшие его всю жизнь, - мольбы Кромвеля и Айретона были бы тщетны.

Кромвель ничего не подозревал. Он никогда не имел личных дел с королем и мало что понимал в его своеобразном характере. 4 июля он увидел его в Кавершеме, где поселился

Карл, чтобы быть поблизости от Рединга, где теперь располагался штаб армии. Он сразу же попал под обаяние любезных манер Чарльза, и ему показалось, что через несколько дней можно будет договориться. В полном согласии с Фэрфаксом он надеялся утвердить трон на конституционной и парламентской основе. Ни Карл, ни кто-либо из тех, кто находился под его влиянием, не могли понять искренности этой цели. Французский посол Беллиевр, похоже, осведомился у Кромвеля о предмете его амбиций и получил памятный ответ: "Никто не поднимается так высоко, как тот, кто не знает, куда идет". Сэру Джону Беркли, ярому роялисту, Кромвель объяснил, что армия просит лишь "разрешения жить, как подобает подданным, и хранить свою совесть", считая, что ни один человек не может пользоваться своими поместьями, если король не имеет на него прав. Вероятно, Кромвель в своем разговоре подчеркнул те пункты, которые армия готова была уступить, и свел к минимуму те, по которым она ожидала от Карла уступок. Карл, всяком случае, был настолько убежден, что офицеры готовы почти безоговорочно вернуть ему прежнюю власть, что в качестве причины недоверия приводил тот факт, что они не просили его о личных услугах взамен. Можно не сомневаться, что Кромвель в это время воздерживался от жесткого давления на короля. Он присутствовал на встрече Карла с его детьми, которым теперь впервые с начала гражданской войны было разрешено его навестить. Будучи сам преданным отцом, он был тронут этой трогательной сценой. Король, сказал он Беркли, был "самым честным и совестливым человеком в трех королевствах". Однако он был слишком зорким, чтобы не замечать другую сторону его характера. Он хотел бы, по его словам, чтобы Его Величество был более откровенным и не так строго придерживался узких правил.

Уже сейчас очевидная преданность Кромвеля личности короля вызывала резкую критику со стороны тех, кто не понимал существенного единства, скрывающегося за разногласиями в его действиях. Некоторые, по крайней мере среди агитаторов, присоединялись к пресвитерианам в сарказмах, направленных против человека, который был всем по очереди; который в одно время принимал Завет, в другое - соглашался на роспуск армии, а в третье - снова делал себя орудием армии в ее сопротивлении роспуску. Кромвель не обращал внимания на подобные клеветы. Его больше заботило нетерпение агитаторов выступить в поход на Вестминстер с целью заставить палату осудить одиннадцать членов, которые снова зашевелились, и подавить недовольство, кипевшее среди населения Сити. К счастью, одной лишь угрозы применения силы оказалось достаточно, и парламент фактически отказался от враждебного отношения, назначив Фэрфакса главнокомандующим всеми войсками в стране. Будет ли так легко справиться с Чарльзом? К 23 июля *"Главы предложений"*, составленные, вероятно, Иретонем, который из всех офицеров был наиболее сведущ в конституционных вопросах, при содействии полковника Ламберта, и принятые Советом армии, были представлены королю. Что касается религии, то они предвосхищали решение Революции 1688 года, оставляя все формы богослужения, включая осужденный Молитвенник, на добровольный выбор верующих. Что касается политики, то необходимо было предусмотреть не только ответственность короля перед парламентом, но и ответственность парламента перед народом. Парламенты должны были проводиться раз в два года, избираться по расширенным округам, а также должен был быть сформирован Государственный совет, к согласию которого в важных вопросах должен был прислушиваться король. Первый Совет должен был оставаться на своем посту не менее семи лет. Как он будет назначаться после этого, оставалось неясным, вероятно, до тех пор, пока этот вопрос не будет проработан в дискуссии с королем. Руководителям армии еще предстояло выяснить, насколько мало пользы принесет такое обсуждение. Карл не был готов отказаться от своего старого положения в пользу конституционного короля, ограниченного, как никогда прежде, противоборствующими силами. Если бы он ясно высказал свои возражения, его легко было бы критиковать как человека, слепого к силам, управлявшим

событиями, но невозможно было бы поставить его в моральное положение. Курс, который он выбрал, не мог не привести к катастрофе. Слушая вождей армии, он все же вступил в заговор против них, по-прежнему возлагая надежды на помощь шотландской армии и рассуждая о шансах на разрыв между армией с одной стороны и парламентом и Сити с другой, что позволило бы ему захватить бразды правления на прежних условиях. "Я увижу, как они скоро будут рады, - говорил он Беркли, - принять более равные условия". Он даже дошел до того, что вообразил, будто Фэрфакса и Кромвеля нужно подкупить предложениями личной выгоды, чтобы они восстановили его павший трон на иных условиях, чем те, что предлагались ему сейчас. "Вы не можете, - сказал он им, - обойтись без меня. Вы разоритесь, если я не поддержу вас". Отчасти его поддерживало знание того, что, хотя власти Сити уступили силе армии, городские подмастерья были в тревоге и ворвались в Палату общин, заставив членов проголосовать за ряд пресвитерианских резолюций вопреки армии. Неуместно доверяя этому движению в Сити, Чарльз вступил в переписку с Лодердейлом, самым способным членом группы шотландских уполномоченных, которые недавно прибыли номинально, чтобы призвать короля принять условия парламента, но на самом деле для переговоров о заключении отдельного соглашения между шотландцами и королем. Карл охотно согласился с их предложениями и позволил Лодердейлу отправить в Эдинбург послание с призывом снарядить шотландскую армию для вторжения в Англию. К несчастью для него, насилие толпы оказалось слабой тростью, на которую можно было опереться. Спикер обеих палат вместе с независимыми членами укрылся в армии, и армия, рассматривая их как подлинный парламент, вновь доставила их в Вестминстер. 6 августа Фэрфакс был назначен воссозданным парламентом констеблем Тауэра, который, хотя до сих пор его охраняли горожане, отныне должен был гарнизонировать отряд армии, в то время как другой отряд был оставлен в Вестминстере для охраны палаты. Остальные солдаты, чтобы показать свою силу, проехали по Сити и, пройдя через Лондонский мост, направились к Кройдону - Кромвель ехал во главе кавалерии.

Чем могли закончиться подобные демонстрации? Каждый раз, когда их использовали, призыв к силе становился все более очевидным, несмотря на все попытки свести его к минимуму. Едва полки покинули Сити, как пресвитерианское большинство вновь утвердилось в парламенте. С другой стороны, агитаторы подняли голос за чистку парламента, в результате которой были бы изгнаны те члены, которые заседали и голосовали под влиянием толпы. Кромвель становился все более нетерпеливым. "Эти люди, - сказал он об одиннадцати членах, некоторые из которых вернулись на свои места, когда палата находилась под властью толпы, - никогда не уйдут, пока армия не вытащит их за уши". "Я ничего не знаю об обратном, - сказал он по другому поводу, говоря о Холлесе и Стэплтоне, - но я так же хорошо могу управлять королевством, как и любой из них". После этого одиннадцать депутатов навсегда покинули свои места, а шестеро из них нашли убежище на континенте. Однако большинство в общине по-прежнему оставалось пресвитерианским и отказывалось голосовать под диктовку армии. Терпение Кромвеля истощилось. 20 августа он ввел в Гайд-парк кавалерийский полк, чтобы добиться голосования о том, что заседания палаты в отсутствие спикера были недействительными. Под этой угрозой большинство уступило, и Кромвель, за которым стояла вся армия, добился своего. Он вновь устремился вперед в направлении военного деспотизма, который ни он, ни его товарищи не хотели устанавливать.

Единственный путь к спасению по-прежнему заключался в соглашении с королем. С королем, однако, договориться было невозможно. Карл, безнадежно ошибавшийся в своих суждениях о происходящих событиях, стоял в стороне, уверенный, что раздоры между противниками только ослабят обоих. В переговорах, которые велись с армией одновременно

с последней парламентской борьбой, он упорно отстаивал каждый пункт. Чтобы выйти из затруднительного положения, Кромвель и Иретон присоединились к голосованию за возобновление ньюкаслских предложений и позволили официально просить Карла дать свое согласие на эти экстравагантные пресвитерианские требования. Карл, припертый к стенке, высказался в пользу *"Главы предложений"*. Кромвель и Иретон постарались убедить себя в том, что он говорит серьезно, и поддержали требование короля о личных переговорах с парламентом на этой основе.

В этих условиях партия независимых и армия раскололись на две части. Большая часть высших офицеров вместе с лидерами парламентской партии, Вейном, Сент-Джоном и Фиеннесом, поддержали Кромвеля и Айретона, пытаясь убедить парламент начать переговоры, о которых просил король. Как это было неестественно, нашлись и другие, Рейнсборо в армии и Мартен в палате общин, которые собрали вокруг себя новую республиканскую партию, объявив, что бесполезно вступать новые переговоры с Карлом, и даже говорили о том, чтобы заточить его в какую-нибудь крепость. Объединившись с пресвитерианами, которые хотели лишь призвать Карла принять выбор из Ньюкаслских предложений, они победили Кромвеля на голосовании, несмотря на его предупреждение, что, отрекаясь от короля, они играют на руку людям, которые "стремятся не иметь другой власти для управления, кроме меча". Внутри и вне палаты Кромвеля осуждали как простого временщика, у которого нет иной цели, кроме собственных интересов. Единственный ответ Кромвеля заключался в том, чтобы еще настойчивее, чем прежде, добиваться от Карла уступок, без которых о восстановлении его власти не могло быть и речи. Сознвая собственную честность, он все же надеялся на лучшее, даже от Карла. "Пусть сейчас, - писал он другу, - над нашими действиями нависает туча для тех, кто не знаком с их причинами, но мы не сомневаемся, что Бог очистит нашу честность и невинность от любых других целей, которые мы преследуем, кроме Его славы и общественного блага". Однако сентябрь миновал, а Чарльз так и не подал никакого знака.

Молчание Карла только укрепило партию среди солдат, которая стремилась разрубить политический узел мечом. В Совете армии по-прежнему преобладал Кромвель, и 6 октября он договорился встретиться 14-го числа, чтобы сформулировать условия, которые король мог бы принять. В промежутке было сделано все возможное, чтобы прийти к частному соглашению с Карлом. Карл, однако, с доверием относился к вероятному шотландскому вторжению и видел в событиях, происходящих под его пристальным взглядом, не более чем шанс дискредитировать Кромвеля и его соратников. Когда 14-го числа состоялось заседание Совета армии, вопрос о продолжении переговоров пришлось отложить. Позиция была хорошо объяснена в письме одного из роялистов. "Тайная диспозиция, - писал он, - заключается в том, что между королем и армией нет никакого согласия; все эти переговоры не привели ни к чему иному, кроме как к тому, чтобы склонить некоторых из главных офицеров не соглашаться на его уничтожение, чего, я полагаю, они не сделают, если только их не переубедят; Но не могу заметить, что они настолько искренне принадлежат королю, что перейдут за него Рубикон, что, если бы они могли это сделать, учитывая склонность простых солдат и вообще всего народа, они могли бы сделать то, что захотят; но они холодны, и есть другая фракция отчаянных парней, горячих как огонь".

Почти, если не совсем, отчаявшись, Кромвель попытался найти компромисс с пресвитерианами на основе временного установления пресвитерианства в качестве национальной религии с настолько широкой веротерпимостью, насколько он мог убедить их предоставить. Когда Палата общин отказалась распространить веротерпимость на богослужения, разрешенные Молитвенником, стало очевидно, что у этой схемы нет шансов

получить согласие Карла. Надежды Кромвеля на объединение парламента и армии для оказания давления на короля потерпели такое же полное крушение, как и его прежние надежды на достижение взаимопонимания между королем и армией. Его бессилие не могло не подтолкнуть другую "фракцию отчаянных парней, горячих как огонь" к требованию урегулирования на совершенно иной основе, чем та, на которой Кромвель и другие лидеры армии тщетно пытались основать правительство.

Во всех своих усилиях Кромвель стремился укрепить шансы в пользу новой веротерпимости, переплетая ее со старыми конституционными устоями - королем и парламентом. Его планы, основанные на глубоком политическом инстинкте, который предостерегал его от опасности оторвать государство от его опор, потерпели крах в основном из-за сопротивления короля. Вполне естественно, что искренние люди искали новые способы достижения своих целей, когда старые оказывались неэффективными. По мере того как годы революции стремительно проходили, на поверхности появлялись новые и более радикальные схемы, но не потому, как часто говорят, что каким-то необъяснимым образом революции сами по себе укрепляют руки крайних людей, а потому, что сила консервативного сопротивления требует более жестоких средств. Неправильное правление Бекингема и Лауда способствовало развитию парламентской идеи. Сопротивление парламента веротерпимости привело к зарождению у армейских лидеров идеи парламентской реформы, а теперь неудача этих лидеров породила план создания правительства не на основе институтов, освященных старыми обычаями и традициями, а на основе совершенно новой демократической системы. Вне армии главным сторонником новых принципов был Джон Лильберн, который до образования "Новой модели" был подполковником манчестерской армии, человеком сутяжным и непрактичным, но общественным и готовым принять последствия своих действий в интересах своих сограждан или себя самого. Во время смуты он провел большую часть своей жизни в тюрьме, а в настоящее время уже более года находится в Тауэре. В армии у него было много сторонников, и в начале октября пять полков сместили своих агитаторов и, выбрав новых, поручили им составить политический манифест, который под названием *"Дело армии, честно изложенное"* был представлен Фэрфаксу 18 числа.

Новым в этой схеме недавно избранных агитаторов было не то, что они предлагали зафиксировать институты государства в письменных терминах. Это уже неоднократно делалось парламентом в различных предложениях, представленных Карлу с начала Гражданской войны, а также недавно армейскими лидерами в *"Главах предложений"*. Новым было то, что они предлагали, во-первых, обеспечить свободу вероисповедания и другие права путем создания первостепенного закона, не подлежащего изменению парламентом; и, во-вторых, создать единую палату парламента - все упоминания о короле или палате лордов были исключены - с полными полномочиями призвать к ответу исполнительных министров - палату, которая должна была избираться путем голосования мужчин - нововведение, которое они обосновывали тем, что "вся власть изначально и по существу находится во всем теле народа этой нации". Это был полный переход от принципов английской революции к принципам французской.

Против создания правительства на абстрактных принципах восстала вся натура Кромвеля, созвучная с натурой подавляющего большинства английского народа. 20-го числа он излил свою душу в Палате общин в трехчасовой речи, восхваляя монархию, призывая палату укрепить пошатнувшийся трон и отказываясь от имени всего офицерского корпуса принимать какое-либо участие в планах партии новых агитаторов, которых теперь стали называть левеллерами. Это было бесполезно. Монархия без короля сама по себе была лишь абстрактным принципом, и Карл не принял бы никаких условий, которые не оставляли бы ему

свободы сбросить любые наложенные на него конституционные оковы. Всего за четыре дня до произнесения речи Кромвеля Карл заверил французского посла, что верит в разделение армии, которое непременно склонит на свою сторону того или иного спорщика.

Непосредственным результатом решения Карла играть с большими вопросами стала попытка Кромвеля и офицеров договориться с левеллерами. 28 октября в церкви Путни состоялось заседание Совета армии, на которое было допущено несколько гражданских левеллеров, самым известным из которых был Уайлдман, бывший майор расформированного полка. Фэрфакс был нездоров, и Кромвель занял место председателя. Агитаторы поставили вопрос в форме здравого смысла. "Мы стремились, - сказал один из них, - удовлетворить всех людей, и это было хорошо; но, идя на это, мы всем недовольны. Мы старались угодить королю; и, думаю, если только мы не перережем ему все глотки, мы ему не угодим; и мы пошли поддержать палату, которая окажется гнилым жеребцом. Я имею в виду парламент, который состоит из компании гнилых членов". Кромвель и Иретон, - продолжали они, - пытались устроить королевство на фундаменте короля и парламента, но следовало надеяться, что они больше не будут придерживаться этого курса. Иретону оставалось только ответить, что он никогда не присоединится к тем, кто отказывается "пытаться всеми возможными способами сохранить и то, и другое, и использовать их наилучшим образом для королевства". Практичные люди стали мечтателями, а мечтатели - практичными людьми. У левеллеров, по крайней мере, было определенное предложение, в то время как у Кромвеля и Иретона его не было. После появления "*Дела армии*" агитаторы свели его основные требования к краткой конституции из четырех статей, которую они называли "*Соглашение народа*", намереваясь, судя по всему, разослать ее по стране для подписки и тем самым подвергнуть ее тому, что в наши дни называли бы плебисцитом, хотя, очевидно, это должен был быть плебисцит, на котором фиксировались бы только голоса "за". Ничто не могло быть более логичным, чем эта попытка найти основу авторитета в народной воле, если другая основа авторитета, традиция поколений, должна была быть с необходимостью отброшена.

D /е. реквизит.

Кромвель, из всех людей в мире, был сведен к простой негативной критике. Предложение агитаторов, признал он, было достаточно правдоподобным. "Если бы, - сказал он, - мы могли перепрыгнуть из одного состояния в другое, в котором было бы столько ценных вещей, как в этом, я полагаю, не было бы много споров; хотя, возможно, некоторые из этих вещей могут быть хорошо оспорены; и откуда нам знать, если, пока мы спорим об этих вещах, соберется другая компания людей, и они выпустят бумагу, столь же правдоподобную, как эта? Я не знаю, почему это не может быть сделано к тому времени, когда вы договоритесь об этом или приложите к этому руку, если так можно сказать; и не только еще один и еще один, но и много подобных; и если так, то каковы, по-вашему, будут последствия? Не будет ли это путаницей?... Но на самом деле я думаю, что мы должны не только рассмотреть последствия... но и рассмотреть вероятность путей и средств достижения этого, то есть сказать, что, согласно разуму и суждению, духи и нравы этой нации готовы принять и принять это, и что те большие трудности, которые лежат на нашем пути, скорее всего, будут либо преодолены, либо устранены. Воистину, против всего, что хорошо, без сомнения, можно выдвигать и выдвигать возражения, но пусть каждый честный человек подумает, не являются ли эти возражения весьма разумными с точки зрения трудности; и я знаю, что человек может ответить на все трудности верой, и вера ответит на все трудности действительно там, где она есть, поскольку все мы очень склонны называть верой то, что, возможно, является лишь плотским воображением и плотскими рассуждениями".

Кромвель не мог сказать ни слова в пользу возможного взаимопонимания с королем. Все, что он мог сделать, - это предотвратить декларацию в пользу установления демократической республики, предложив Совету армии привести в официальную форму соглашения, заключенные в Ньюмаркете и Триппой Хит. Поскольку эти соглашения были выдвинуты в качестве требований к парламенту, а не к королю, это предложение, по крайней мере, на время отодвигало острый вопрос о возможности достижения взаимопонимания с Карлом. Однако предложение Кромвеля вряд ли было единодушным. Уайлдман, выступая от имени левеллеров, отказался связывать себя обязательствами, которые лично он считал несправедливыми. В связи с этим Кромвель попросил назначить комитет для изучения этого вопроса, а также всех других, по которым возникли разногласия. Он обратился к слушателям с просьбой не подходить к спорным вопросам "как две противоположные партии". Его слушатели были не в том настроении, чтобы воспользоваться этим предложением. Уайлдман бросил намек на то, что если парламент будет договариваться с королем, то это будет противоречить естественному праву. Это выражение сразу же разделило собрание на два лагеря. Иретон заявил, что не существует такого понятия, как естественное право. Кромвель попросил назначить комитет для обсуждения вопросов, которые были подняты по поводу обязательств армии. Капитан Одли разумно призвал спорщиков помнить, что сейчас не время для пустых споров. "Если мы задержимся, - сказал он, - король придет и скажет, кто будет повешен первым". Ни благоразумное замечание Одли, ни слова Кромвеля, время от времени бросаемые в пользу мира, не смогли остановить перепалку, которая, по крайней мере, послужила тому, что Кромвель приблизился к изложению конституционного принципа. Хотя Совет армии, заявил он, не был "приверженцем и приверженцем форм правления", он был готов придерживаться доктрины, согласно которой "основа и верховенство находятся в народе - радикально в народе - и должны быть установлены им в его представительствах", то есть его представителями в парламенте. Примирить эту доктрину с сохранением древней конституции, правда, реформированной, но неизменной в своих основных чертах, - вот проблема, которую нация решила для себя в 1689 году, но которую ни нация, ни Кромвель не могли решить до тех пор, пока Карл I отказывался смотреть в лицо событиям.

На следующий день, после молитвенного собрания, проведенного по предложению благочестивого полковника Гоффа, Совет армии собрался вновь, чтобы после долгих дебатов принять решение отложить рассмотрение обязательств армии и сразу же приступить к рассмотрению *"Согласия народа"*. Это решение стало проверкой для Кромвеля, который предложил создать комитет. Вскоре его благоразумие оправдалось. Разгорелись дебаты по вопросу о мужском избирательном праве, которое левеллеры утверждали как соответствующее естественному праву, и отвергали их противники, для которых естественное право было простым абсурдом. После ожесточенного спора Кромвель сделал все возможное, чтобы убедить собрание отказаться от абстрактных рассуждений и довольствоваться обсуждением таких вопросов, как возможность какого-либо улучшения существующего избирательного права. Его характерная склонность к сохранению древних прав, не находящих применения ни в одной возможной схеме сохранения монархии, сосредоточилась на вопросе о конституции парламента. Полковник Рейнсборо, который в вопросах, касающихся парламентских выборов, был главным оратором на стороне левеллеров, предложил обратиться к Совету армии с призывом к армии в целом. Его предложение не нашло поддержки, и Совет распался, так и не придя к решению.

После этого Кромвель добился своего. 30-го числа предложенный им комитет, в котором были представлены обе партии, собрался для рассмотрения спорных вопросов. Конституционная схема, на которую было получено согласие, в большей степени соответствовала *"Главе предложений"*, чем *"Соглашению народа"*. Она предлагала

реформы, а не полное изменение основ правления. Прежде всего, он придерживался мнения, что новая конституция должна появиться в результате соглашения между королем и парламентом, а не путем апелляции к естественным правам человека. В конечном счете Кромвель был оправдан случившимся. Ни на какой другой основе страдающая нация не нашла бы покоя. Его мудрость, если говорить о текущих результатах, была не столь очевидна.

Следующее заседание Совета армии прошло при неутешительных обстоятельствах. Чарльз, который уже некоторое время находился в Хэмптон-Корте, отказался продлить данное ему условное освобождение, и возникла необходимость усилить его охрану. Хотя в Путни не было точных сведений о его интригах с шотландцами, просочилось достаточно информации, чтобы вызвать серьезные подозрения, и когда 1 ноября Кромвель снова занял кресло, он призвал присутствующих "рассказать о своем опыте, о том, что Бог дал в ответ на их молитвы". Результат был явно неблагоприятным для короля. Один сказал, что отрицательный голос короля и лордов должен быть снят; другой - что он больше не может молиться за короля; третий - что их свободы должны быть восстановлены мечом. Кромвель сделал все возможное, чтобы остановить волну. Указав, как это мог бы сделать современный историк, на недостатки обеих сторон, он призвал "того, кто среди них без греха, бросить первый камень". Затем он перешел к более практическому вопросу о трудностях поддержания дисциплины в армии, если власть парламента будет отменена. "Если не будет парламента, - утверждал он, - они будут никем, и мы тоже будем никем". Хотя Кромвель еще не был готов нанести удар по королю, он уже не считал свое участие в новой конституции абсолютно необходимым. Он даже был готов принять новую демократическую основу - *"Соглашение народа"*, если на это будет широкий спрос. По его словам, он должен искать "видимого присутствия народа, либо подписки, либо численности - ведь в управлении нациями нужно заботиться о привязанности народа". Однако в настоящее время он склонен доверять парламенту как источнику власти. В одном он был уверен: дисциплина в армии не должна быть разрушена таким обращением к широким массам солдат в поддержку Соглашения, какое замышлял Рейнсборо. "Должен признаться, - сказал он, - что у меня есть поручение от генерала, и я понимаю, что мне надлежит делать в соответствии с ним. Я буду действовать в соответствии с правилами и дисциплиной войны... и поэтому я считаю, что не во власти отдельных людей или отдельных людей в армии объявить встречу отряда или полка или хоть в малейшей степени отвратить армию от командования генерала. Поэтому я буду двигать то, на чем мы остановимся. Пусть это будет хоть лицо авторитета, хоть заяц, плывущий по Темзе, я скорее ухвачусь за него, чем позволю ему уйти".

В те дни трудно было сказать, где искать лицо власти, и Кромвель был далек от того, чтобы решить этот вопрос. Самым невинным предложением его противников было то, что армия должна очистить парламент и объявить короля ответственным за разорение страны. Гофф заявил, что ему было открыто, что грех армии заключается в том, что она связывается с врагами Бога, то есть с Карлом. Кромвель ответил выражением недоверия к личным откровениям. Сам он, объяснил он, руководствовался Божьими предначертаниями, то есть, говоря более современным языком, требованиями ситуации. Он признал, что следует опасаться опасности со стороны короля и палаты лордов, и что в его намерения не входило "сохранять то или другое с видимой опасностью и разрушением для народа и общественных интересов". С другой стороны, он отказался признать несомненным, что Бог решил уничтожить короля и лордов, хотя и считал это вероятным. В итоге обсуждение конституции было передано в комитет.

Для правильного суждения о характере и процедурных привычках Кромвеля не существует столь важных свидетельств, как те, что были приведены вкратце. Здесь, по крайней мере,

обнажено его нежелание отказываться от несостоятельной позиции долгое время после того, как более нетерпеливым духам стало ясно, что она стала несостоятельной. Однако его колебания основаны не на робком нежелании действовать. Она проистекает из его острого чувства опасности любой альтернативной политики, чувства, которое будет преодолено, как только действия в том или ином направлении станут очевидной необходимостью. 8 ноября, видя, что левеллеры намерены продвигать свое предложение об избирательном праве для мужчин, он добился голосования в Совете армии, предписывающего отправить офицеров и агитаторов обратно в их полки. Можно не сомневаться, что опасность была больше, чем указывалось, и что была правда в истории, которая обвиняла левеллеров в намерении в это время очистить парламент и предать короля суду. 11-го числа храбрый, но фанатичный полковник Харрисон призвал к преследованию короля, и в тот же день Кромвель отправил Уолли, командовавшему стражей в Хэмптон-Корте, предупреждение о том, чтобы он принял меры против любого покушения на личность Карла. Подобные предупреждения дошли и до самого Карла, и вечером того же дня он спокойно скрылся. 14-го числа, после провала плана по предоставлению судна из Саутгемптона для перевозки его во Францию, он добрался до Карисбрука, где губернатором замка был Роберт Хаммонд, двоюродный брат Кромвеля. Первой задачей Кромвеля было обеспечить дисциплину в армии. Его упорные попытки вести переговоры с королем вызвали недоверие левеллеров, и, как говорят, некоторые из них решили убить его в постели. Терять время было нельзя. 15-го числа на Коркбушском поле, недалеко от Уэйра, должна была состояться встреча третьей части армии, и можно было не сомневаться, что левеллеры предпримут отчаянные попытки соблазнить полки от воинского послушания. Чтобы противостоять этой опасности, от имени Фэрфакса и Совета армии был выпущен манифест, в котором Фэрфакс предлагал поддержать скорейший роспуск парламента и план по превращению Палаты общин "в равного представителя народа, который должен избирать", насколько это возможно. В остальном же каждый солдат должен был подписать документ о присоединении к генералу и Совету. Говоря в целом, конфликт разворачивался между теми, кто понимал важность поддержания дисциплины армии, и теми, кто хотел превратить ее в вооруженную толпу, стремящуюся заставить парламент принять демократическую систему *"Соглашения народа"*. 15-го числа солдаты собрались в назначенном месте на Коркбушском поле, где большинство полков, с большей или меньшей неохотой, подчинились своим офицерам. Два полка - Харрисона и Роберта Лилбурна, получившие приказ отправиться в другое место, - мятежно выступили с копиями *"Соглашения народа"* в головных уборах, а также с девизом "Свобода Англии! Права солдат!". Несколько слов Фэрфакса заставили полк Харрисона повиноваться. Кромвель, обнаружив, что люди Лилбурна не подчиняются его приказу снять бумаги с головных уборов, поскакал в ряды с обнаженным мечом, на что полк с единодушием выполнил приказ. Трое из зачинщиков были приговорены к смерти военным трибуналом, состоявшимся на месте, а затем им было приказано бросить кости на жизнь. Того, кто бросил меньше всех, расстреляли в присутствии всего войска, и мятежу был положен конец.

К этому времени изнурительный раунд переговоров начался заново. Карл направил парламенту новые предложения, которые, если бы он был настроен серьезно, могли бы послужить основой для соглашения. И парламент, и армия были озабочены тем, чтобы выяснить, не стремится ли Карл, который на протяжении многих месяцев не проявлял никакого желания к урегулированию, теперь к чему-то большему, чем просто предлог, позволяющий ему выиграть время для заключения соглашения с шотландцами. Офицеры стали настолько подозрительными, что Иретон заявил, что если между королем и парламентом будет заключен мир, то он надеется, что он будет таким, что армия "сможет со спокойной совестью сражаться против обоих". Если верить истории, рассказанной, правда, только после Реставрации, но обладающей присущей ей вероятностью, Кромвель и Айретон,

имея основания предполагать, что письмо от Карла к королеве повезет человек, который должен был остановиться на ночь в "Синем кабане" в Холборне, переоделись в кавалеров и ждали в трактире, попивая пиво, пока гонец не прибыл. Затем, разорвав его седло, они нашли ожидаемое письмо, из которого узнали, что "король сообщил королеве, что за ним сейчас ухаживают обе фракции, шотландские пресвитериане и армия, и кто предложит ему более выгодное предложение, тот и получит его, но он считает, что с шотландцами он должен покончить раньше, чем с другими". Согласно другой версии, письмо также заверяло Генриетту Марию, что ей не стоит беспокоиться о любых уступках, которые он может сделать, поскольку "он не должен считать себя обязанным выполнять обещания, данные в значительной степени по принуждению, когда у него будет достаточно власти, чтобы их нарушить".

Какой бы ни была точная правда о перехваченном письме, весьма вероятно, что Кромвель тем или иным способом получил сведения, которые подтвердили его растущую уверенность в неблагонадежности Карла. Этот взгляд на дело подтверждается тем фактом, что вскоре после этого парламент подготовил четыре билля, но не в качестве основы для урегулирования, а в качестве теста, чтобы показать, серьезно ли настроен Карл, в основном требуя, чтобы он отказался от контроля над ополчением. С другой стороны, Чарльз настолько заблуждался относительно своей позиции, что отправил Беркли к Фэрфаксу с просьбой поддержать его в просьбе о заключении личного договора, не обремененного никакими условиями. Когда 28 ноября Беркли прибыл в штаб-квартиру, Фэрфакс вкратце рассказал ему о парламенте, в то время как ни Кромвель, ни Иретон не стали вступать с ним в разговор. Недоверчивым солдатам Кромвель признался, что "слава мира сего настолько ослепила его глаза, что он не может ясно видеть великие дела, которые творит Господь; что он намерен смирить себя и желает молитв святых, чтобы Богу было угодно простить его самодурство". На следующее утро он отправил Беркли послание в более мирском духе, в котором просил "заверить его, что он будет служить Его Величеству до тех пор, пока сможет делать это без собственной гибели, но желал, чтобы тот не ожидал, что погибнет ради него". По крайней мере, именно в такой форме Беркли передал это послание, когда позднее писал свои мемуары, и мы, , можем считать установленным, что Кромвель дал понять Чарльзу, что после всего случившегося совершенно безнадежно ожидать, что армия окажет давление на парламент в его пользу.

Чарльз обратился к шотландцам. В Шотландии существовали две партии - партия служителей Кирка во главе с маркизом Аргайлом и партия знати во главе с герцогом Гамильтоном, ведущими членами которой были брат герцога, граф Ланарк, и граф Лодердейл, Оба они, как и многие другие шотландские дворяне, приняли участие в пресвитерианском движении, пока оно было направлено против епископов, но перешли на сторону короны, как только министры попытались сделать себя независимыми от дворянства. Именно эту последнюю партию представляли шотландские комиссары в Англии, и 26 декабря Карл подписал с ними соглашение - "*Помолвку*", как его называли, - которое давало ему право на собственный путь в Англии, позволяя покончить со всякой терпимостью к сектам и предоставить пресвитерианам доминирующее положение только на три года. Против английского парламента и армии шотландцы должны были требовать от короны власти над ополчением, контроля над Большой печатью, дарования почестей и должностей, выбора тайных советников и отрицательного голоса в парламенте. В поддержку этого соглашения, которое предусматривало роспуск армии и роспуск парламента, шотландская армия должна была отправиться в Англию. Из всех шотландцев, участвовавших в этой затее, единственным человеком с заметными способностями был Лодердейл, и хотя прямых свидетельств на этот счет не существует, представляется достаточно вероятным, что

"Помолвка" была в основном, если не полностью, его работой. Если принять предположение, что картина Янссена, хранящаяся у нынешнего герцога, на которой Лодердейл передает бумагу Ланарку, представляет собой передачу "Помолвки" от первого к второму, то это придаст дополнительную силу предположению, основанному на относительных интеллектуальных способностях этих двух людей. Как бы то ни было, несомненно, что через два дня после подписания *"Помолвки"* Карл отклонил четыре билля, представленные ему английским парламентом, тем самым продемонстрировав собственную уверенность в том, что ему больше не нужно поддерживать даже видимость взаимопонимания с палатами в Вестминстере.

В том, что результатом успешного шотландского вторжения стало бы восстановление Карла на троне на старых условиях и уничтожение всего, за что боролась английская партия, вряд ли можно сомневаться. Правда, *"Помолвка"* была похоронена в саду замка Карисбрук, и ни одно слово из ее содержания не дошло до английских ушей. Однако после отклонения *"Четырех биллей"*, последовавшего за визитом шотландских уполномоченных в Крисбрук, стало очевидно, что готовится какой-то опасный проект, и даже те, кто приветствовал шотландскую армию в 1643 году, когда она вторглась в Англию по их приказу, скорее всего, будут скандализировать при появлении другой шотландской армии, выступающей против них. Для Кромвеля и для солдат всех сословий перспектива увидеть, как те объекты, за которые они проливали свою кровь, будут отторгнуты от них шотландским вторжением, была особенно оскорбительна. Перед лицом очевидной опасности в армии затихали все ссоры и прощались все проступки. Более того, ведущие офицеры заверили парламент, что на армию можно положиться в борьбе с захватчиками. Крайние левеллеры, правда, продолжали считать Кромвеля временщиком и лицемером, и даже те, кто был готов принять его сотрудничество, относились к нему с некоторым подозрением. "Если вы окажетесь нечестным человеком, - сказал ему Хазлеригг, - я никогда не доверюсь человеку с большим носом ради вас".

При таких обстоятельствах друзья Чарльза из числа роялистов были отосланы из Карисбрука, а сам он, после тщетной попытки бегства, был заключен под замок. Голосование о том, что больше не следует обращаться к королю, прошло в общинах. Лорды некоторое время не соглашались, и только под угрозой вмешательства армии они уступили. После того как борьба закончилась, два полка заняли Уайтхолл и Мьюз. Превосходство армии в государстве становилось все более заметным по мере возникновения каждой политической трудности. Есть все основания полагать, что еще до конца января 1648 года Кромвель, для которого вмешательство армии в политику было почти столь же неприемлемо, как и установление демократии на абстрактных принципах, предложил передать корону от Карла принцу Уэльскому, сохранив должность при смене лиц. Никакое предложение не могло быть более государственным; но, к несчастью, его невозможно было воплотить в жизнь. Вся королевская семья была слишком раздражена против врагов своего главы, чтобы согласиться на такую сделку. Не приходится сомневаться, что к этому времени Кромвель оставил всякую мысль о том, чтобы обратиться к Карлу как к основе желаемого политического урегулирования. Примерно конце февраля было перехвачено письмо Карла королеве, которое убедило тех, в чьи руки оно попало, что автор готовится к агрессивным действиям против своих противников. В начале февраля Кромвель оказался среди сторонников парламентской декларации, призванной поддержать голосование "Без обращения", в которой подробно излагались проступки Карла, в некотором роде напоминающие Великую Ремонстрацию. Одним из главных пунктов обвинения против него была попытка ввезти в Англию немцев, испанцев, французов, лотарингцев и датчан, а также ирландцев. Говорят, что Кромвель даже "выступил с резкой инвективой против

монархического правления", хотя вполне вероятно, что его аргументы были направлены не столько против наследственной верховной власти, связанной конституционными ограничениями, сколько против системы, при которой король оставлял окончательное решение всех вопросов в своих руках. В любом случае, он отказался полностью посвятить себя республиканству, тем самым разозлив тех, кто, как Мартен и даже его закадычный друг - младший Вейн - пришел к выводу, что в Англии того времени республика была единственной альтернативой абсолютной монархии.

Как раз в это время состоялось собрание, ход которого записал Эдмунд Ладлоу, сам республиканец или "человек Содружества", если использовать этот термин в среде современников. Стремясь объединить людей разных взглядов против Карла, Кромвель дал обед лидерам различных партий, после чего состоялась конференция, на которой, по словам Ладлоу, Кромвель и его друзья "витали в облаках и не высказывали своего мнения ни за монархическое, ни за аристократическое, ни за демократическое правительство, утверждая, что любое из них может быть хорошо само по себе или для нас в зависимости от того, как нас направит Провидение". Старые разногласия между практиками и теоретиками в данном случае усугубились тем, что многие теоретические сторонники Содружества пришли к практическому выводу, что подданные Карла не только освобождены от верности, но и что парламент обязан призвать короля к ответу за кровь, пролитую в Англии в результате его злодеяний. Конференция, начатая в интересах мира, могла привести к открытому расколу, и Кромвель, чтобы заглушить гневную ярость, бросил подушку в голову Ладлоу и сбежал вниз по лестнице. Ладлоу, в свою очередь, швырнул подушку обратно в Кромвеля и, как он с гордостью хвастался, "заставил его спуститься быстрее, чем он того хотел". Грубая игра, но она в любом случае послужила своей цели, утихомирив ссору, которая с каждой минутой, пока она длилась, наносила вред делу, которому Кромвель хотел служить.

Кромвель никогда не определял заранее методы, которыми он намеревался действовать, хотя никогда не сомневался в том, против какого объекта должна быть направлена его энергия. Сначала он боролся с безответственной монархической властью, затем, в свою очередь, с военной анархией, пресвитерианской тиранией, политическим превосходством армии и абстрактными теориями правления. Он был готов встретить каждую опасность по мере ее возникновения, опираясь на помощь всех, кто, какими бы ни были их мнения по другим вопросам, был готов присоединиться к нему в борьбе со злоупотреблениями, которые он в то время хотел ослабить. Если же они, подобно Ладлоу, упорно заглядывали слишком далеко вперед, им ничего не оставалось, как заставить их замолчать, хотя бы просто бросив им на головы подушки.

Весной 1648 года Кромвель и его политические союзники оказались в сложнейшей ситуации. Им пришлось столкнуться не только с интригами Карла с шотландцами, но и с широко распространившимся недовольством в Англии. Особенно в городах люди устали от военного диктата и повышенных налогов, за счет которых содержалась армия. Парламент тоже был столь же непопулярен, как и армия. Англичане не меньше устали от затянувшейся неопределенности, которую ни армия, ни парламент, казалось, не могли положить конец. Тоскуя по устоявшемуся правительству, значительная часть населения обратила свой взор к трону, как к древней основе власти и порядка. Если бы в Англии был проведен опрос, то, вероятно, большинство населения высказалось бы за восстановление власти Карла, и все же именно среди тех, чья система была наиболее демократичной, можно было встретить наиболее сильную оппозицию реставрации.

Для Кромвеля, человека порядка и дисциплины, каким он был, реставрация, не сопровождавшаяся защитой от старых бед, была непереносима. Свою бескорыстность он в

это время неопровержимо доказал. Парламент предоставил ему земли стоимостью 1 680 фунтов стерлингов в год, но в то же время сократил его жалование другим офицерам на большую сумму в 1 825 фунтов стерлингов. Не обидевшись на такое сокращение своих доходов, он пожертвовал на общественное дело не менее 5 000 фунтов стерлингов, а также отказался от причитающихся ему недоимок, которые на тот момент составляли 1 500 фунтов. Опасности, конечно, сгущались. В перехваченном письме от агента короля в Гааге сообщалось, что Карл рассчитывает получить подкрепление не только от ирландской, но и от голландской армии. Обычное благоразумие подсказывало Кромвелю, что он должен сделать все возможное, чтобы примирить любую партию, которая могла бы встать на его сторону против столь обширной комбинации. Когда в середине марта его план посадить на трон принца Уэльского был возрожден, некоторые представители епископального духовенства предпочли соглашение с армией соглашению с шотландцами. К концу месяца Кромвель все еще вел переговоры с членами роялистской партии, цель которых невозможно определить, но которые, вероятно, были вызваны его настойчивым желанием сохранить королевскую власть в той или иной форме как основу порядка. По крайней мере, несомненно, что он подвергся ожесточенному осуждению со стороны своей собственной партии. "Я знаю, - писал он другу, - Бог был выше всех дурных отзывов и в свое время отомстит за меня. У меня нет причин жаловаться". Кромвелю никогда не было свойственно отвечать на клевету публичным объяснением своего поведения.

Однако в конце концов Кромвель пришел к выводу, что на взаимопонимание с роялистами надеяться не приходится, и поэтому стало необходимо заручиться сотрудничеством английских пресвитериан. Попытка добиться уступок от городских магистратов была, однако, быстро пресечена. 6 апреля в Лондоне стало известно, что Чарльзу почти удалось бежать, а 9-го числа городская толпа устремилась на запад по Стрэнду с намерением перебить солдат в Уайтхолле и на Мьюз. Кавалерия по приказу Кромвеля отбросила их назад, но подавить беспорядки удалось только на следующий день. В это время партия Гамильтона, стремившаяся к вторжению в Англию, набирала силу в Шотландии. Перспективы стали настолько черными, что королю было сделано еще одно обращение, и есть веские основания полагать, что он был предупрежден, что, если он будет упорствовать в отказе выполнить предъявленные ему требования - какими бы они ни были, - 24 апреля парламент приступит к его низложению и коронации герцога Йоркского, который все еще находился в их руках, как Якова II. В ответ Чарльз одобрил план побега своего сына, и до наступления назначенного дня мальчик уже был на пути на континент.

Первое сопротивление парламенту было оказано с неожиданной стороны. Уже 22 февраля полковник Пойер, губернатор замка Пембрук, отказался сдать свою резиденцию до тех пор, пока не будут выплачены долги, а 23 марта он приступил к захвату города. Поначалу ожидалось не более чем локальные трудности, и для подавления восстания был отправлен полковник Хортон. По прибытии он написал, что, скорее всего, весь Южный Уэльс будет в его руках. Почти в то же время в Вестминстере стало известно, что шотландская армия действительно будет собрана. Большинство английского парламента было пресвитерианским, но оно не желало, чтобы даже его любимая религия была утверждена вторгшейся армией шотландцев, тем более что эта армия будет армией шотландской знати, которая, как предполагалось, не испытывала никакой горячей привязанности к пресвитерианскому делу, кроме той степени, в которой с ним были связаны их собственные интересы. Именно колебания английских пресвитериан между политическими и церковными целями могли дать свободу действий Фэрфаксу и Кромвелю. Именно Кромвель, поддержанный Вейном, провел голосование в Палате за предоставление уступок, которые Сити под давлением последних разведанных теперь был готов принять как

удовлетворительные. Дальнейшее голосование о том, что Палата не будет изменять фундаментальное управление королевством королем, лордами и общинами, было поддержано ведущими индипендентами. Затем палата заявила, что готова согласиться на урегулирование на основании предложений, представленных королю в Хэмптон-Корте, то есть на основании установления пресвитерианства без какой-либо свободы совести. Был ли Кромвель на своем месте во время двух последних голосований, точно неизвестно. В любом случае мы вряд ли ошибемся, если предположим, что он не возражал против того, чтобы пресвитериане развлекали себя очередными безнадежными переговорами, пока армия находится на поле боя. Он слишком хорошо изучил характер Карла как дипломата, чтобы предположить, что тот будет стремиться к чему-то большему, чем одурачивание своих противников до тех пор, пока не придет время, когда он сочтет нужным одурачить своих союзников.

Присутствие Кромвеля было крайне необходимо в штаб-квартире, которая теперь располагалась в Виндзоре. Он нашел армию в возбужденном состоянии, и мы можем с уверенностью полагать, что его собственные чувства были не менее взволнованы. Мирное урегулирование, которого он так долго добивался, казалось, было далеким, как никогда, и он не мог принести с собой дружеские мысли о короле, который не хочет ни принять разумные условия для себя, ни отречься от престола в пользу тех, кто хотел бы этого. 29 апреля главные военные собрались на молитвенное собрание, чтобы выяснить "причины этого печального положения", а на последовавшем 30-го числа обсуждении Кромвель призвал присутствующих тщательно проанализировать свои действия как армии и свое поведение как частных христиан, чтобы выяснить причину "столь печальных обличений", которые обрушились на них из-за их беззаконий. В тот день никаких определенных результатов не было достигнуто, но на следующий день, получив известие о том, что войска в Уэльсе потерпели поражение, Фэрфакс приказал Кромвелю принять командование в этих краях. Перед тем как Кромвель отправился к своему новому командованию, состоялось еще одно совещание. "Вскоре, - рассказывает нам один из присутствовавших, - нас привели и помогли нам прийти к ясному согласию между собой, без единого несогласного, что долг нашего дня - с теми силами, которые у нас есть, выйти и сразиться с теми сильными врагами, которые в тот год во всех местах выступили против нас, со смиренной уверенностью, во имя только Господа, что мы должны их уничтожить; А также позволил нам тогда, после серьезных поисков Его лица, прийти к очень четкому и совместному решению на многих основаниях, которые тогда обсуждались среди нас, что наш долг, если когда-нибудь Господь вернет нас в мир, призвать Чарльза Стюарта, этого человека крови, к ответу за кровь, которую он пролил, и зло, которое он сделал в меру своих сил против дела Господа и людей в этих бедных странах."

К какому еще выводу могли прийти эти люди? Как они могли распознать глубоко укоренившуюся веру в справедливость его Церкви и дела, которая скрывалась за скользкой хитростью Карла? И как, даже если бы они ее распознали, они могли бы засчитать ему это за праведность? В течение многих месяцев Кромвель откладывал принятие этого решения. Теперь он не мог примириться со своей совестью, чтобы откладывать его еще дольше; его совесть в этом, несомненно, совпадала с его интересами. Он оставил пресвитериан в Вестминстере на произвол судьбы - принять ордонанс, налагавший жесточайшие наказания за ересь, и вынашивать идею новых переговоров с Карлом, довольствуясь тем, что их объединили с армией в борьбе с кавалерийским мятежом внутри страны и шотландским вторжением из-за границы. Каждый признак убеждал Палаты в роялистском характере восстания. В Саффолке, Эссексе и Суррее вспыхивали или грозили вспыхнуть беспорядки, и в каждом случае заявлялось или подразумевалось решение поддержать короля. Такое

развитие событий было больше по вкусу пресвитерианам, чем солдатам, и поэтому армия могла рассчитывать на поддержку парламента, который, хотя и не одобрял принципы солдат, не мог обойтись без их услуг.

Эту армию было нелегко победить. Не успел Кромвель добраться до назначенного места, как узнал, что Хортон разбил валлийцев при Сент-Фагане. Политический эффект от победы был огромен. "Наблюдать за странными изменениями, - писал один из лондонских независимых друзей в армии, - которые произвело поражение валлийцев во всех слоях населения, просто восхитительно. Недовольные армией религиозные пресвитериане теперь преклоняются перед ними - отчасти из-за страха перед вами, а отчасти потому, что они думают, что вы сдержите королевскую партию, которая угрожала им в дверях, на улицах, в лицо уничтожением и не делала различия между пресвитерианами и независимыми". 19 мая Общий совет города заявил о своей готовности жить и умереть вместе с парламентом, в то же время попросив начать новые переговоры с королем - предложение было сразу же принято. Роялисты были горько разочарованы. "Как долго, - подшучивал один из них, - вы будете колебаться между двумя мнениями? Если Маммона - Бог, служите ему; если Господь - Бог, служите Ему. Если Фэрфакс - король, служите ему; если Карл - король, восстановите его". Для Фэрфакса и Кромвеля решение города, должно быть, стало большим облегчением. Предстоящая им работа была достаточно тяжелой, но отчаиваться больше не было причин.

Что касается Фэрфакса, то предполагалось, что он выступит против шотландцев, в то время как Кромвель отправится в Уэльс. Восстание в Кенте, за которым последовало дезертирство части флота, сорвало этот замысел. 1 июня Фэрфакс разбил кентских роялистов при Мейдстоне, но часть их сил, переправившись через Темзу, бросилась в Эссекс в надежде склонить на свою сторону роялистов восточных графств. Фэрфакс после великолепного стремительного марша загнал их в Колчестер, где их можно было ослабить только путем долгой и утомительной блокады. В то же время Кромвель, продвинувшись через Южный Уэльс, был занят осадой замка Пембрук, который сдался только 11 июля, оставив тем самым время для завершения шотландских приготовлений. "Молю Бога, - писал он Фэрфаксу, пока вопрос еще не был решен, - научите этот народ и тех, кто над нами, а также ваше превосходительство и всех нас, кто под вами, каков разум Божий во всем этом и в чем состоит наш долг. Конечно, не для того, чтобы бедный благочестивый народ этого королевства все еще был объектом гнева и ярости, и не для того, чтобы наш Бог хотел, чтобы наши шеи находились под ярмом рабства; ибо все эти события, которые недавно произошли, были чудесными делами Бога, сокрушающего жезл угнетателя, как в день Мадиама, не одеждами, обгаренными кровью, но ужасом Господа, который еще спасет Свой народ и посрамит Своих врагов."

Какой свет бросают эти слова на мысли Кромвеля! В его мыслях не было ни верховенства парламента, ни правления большинства, ни даже всеобщей веротерпимости по примеру Роджера Уильямса или Мильтона. Безопасность тех, кого он называл "бедным благочестивым народом", была главной целью его стремлений, хотя он был слишком широко мыслящим человеком, чтобы не отвести важное, хотя и второстепенное место вопросам, касающимся падения или сохранения королей и парламента, как институциональной основы политического порядка, без которой даже "бедный благочестивый народ" не мог войти в безопасное убежище.

За три дня до освобождения Кромвеля из Пемброка шотландская армия под командованием герцога Гамильтона пересекла границу, послав перед этим декларацию о недопустимости веротерпимости ни в отношении Общего молитвенника, ни в отношении культа сект. Маловероятно, что если бы Карл был восстановлен с помощью Гамильтона, от него

потребовали бы выполнения только той части декларации, которая касалась подавления сект. Партия Гамильтона, как светская партия в Шотландии, была лишена энтузиазма и стремилась сбросить иго духовенства. Гамильтон, однако, был самым некомпетентным генералом. Он и его армия, короче говоря, не имели никакого преимущества, кроме численного, перед хорошо дисциплинированными и пламенными энтузиастами, которые следовали за Кромвелем. Они не доверяли Богу и не держали порох сухим.

Хотя армия захватчиков вошла в Англию через Карлайл, Кромвель выступил против них не через Ланкашир, а через Йоркшир. Ему пришлось снабжать своих людей обувью и чулками из Нортгемптона и Ковентри, останавливаться в Донкастере, чтобы забрать артиллерию, переправленную ему из Халла, а также присоединиться к Ламберту, который командовал небольшими силами, которые удалось отправить на север, пока Кромвель задержался в Пемброке, и который делал все возможное, чтобы задержать продвижение шотландцев, пока Кромвель не будет готов нанести удар домой. На марше через Ланкашир армия Гамильтона, насчитывавшая около 21 000 человек, медленно продвигалась вперед длинной растянутой колонной, причем тыл и корпус находились на слишком большом расстоянии друг от друга, чтобы можно было сконцентрироваться в случае нападения. 17 августа, когда Кромвель перевалил через холмы в Рибблсдейл и оказался рядом с его левым флангом, Гамильтон, продвинувший свою кавалерию до Уигана на шестнадцать миль вперед, отправил основную часть своей пехоты через Риббл у Престона, оставив сэра Мармадюка Лэнгдейла с 3600 английскими роялистами на северном берегу, а другой отряд - в нескольких милях в тылу. Не нужно было обладать большим полководческим талантом, чтобы одолеть армию под таким руководством. Кромвель обрушился на Лэнгдейла, который разместил свои небольшие силы с наибольшей выгодой для себя за живыми изгородями, и после тяжелой схватки занял позицию и захватил большую часть дивизии. Затем, выстроив мушкетеров на крутом северном берегу Риббла, он вытеснил Гамильтона с пологого южного берега и, впоследствии, переправился через Дарвен, который вблизи этого места впадает в Риббл. Дальнейшее было не более чем просто преследованием. Шотландцы, полуголодные и обескураженные, были разбиты везде, где пытались выстоять, и в конце концов Гамильтон сдался в Уттоксете, через восемь дней после битвы.

Это была первая победа Кромвеля под независимым командованием, и если шотландский вождь сыграл ему на руку, то ему не хватало эффективного генерала, чтобы извлечь выгоду из своей глупости. В депеше, в которой он сообщал спикеру о своем успехе, он снова ухватился за старую ниточку - обязанность парламентского правительства обеспечивать защиту "народа Божьего". "Конечно, сэр, - писал он, - это не что иное, как рука Божья, и где бы что-либо в этом мире ни превозносилось или возвышалось, Бог низложит это; ибо это день, когда Он один будет превознесен. Мне не подобает давать советы, ни слова говорить о том, что вам следует из этого извлечь; я лишь молю вас и всех, кто признает Бога, чтобы они набрались мужества и совершили дело Господа, выполнив цель вашей магистратуры - добиваться мира и благополучия этой земли; чтобы все, кто будет жить мирно, получили от вас благосклонность, а те, кто неспособен и не оставит беспокойства на земле, были быстро истреблены из нее".

27 августа, через десять дней после победы под Престоном, Колчестер капитулировал, и, насколько это было возможно для Англии, вторая гражданская война была завершена, лишь несколько крепостей на севере, неспособных к длительному сопротивлению без подкрепления со стороны любой армии, находившейся в поле, еще держались. Оставалось решить, какую политику следует проводить по отношению к побежденным шотландцам, и в первую очередь к тысячам пленных, захваченных в Престоне и в ходе последовавшей за

этим погони. Среди них было проведено разделение: тех, кого заставили служить, отпустили на свободу под обязательство никогда больше не носить оружия против парламента Англии. Те же, кто добровольно перешел на службу к Гамильтону, были перевезены на Барбадос или в Виргинию, но не как рабы, как принято говорить, а как слуги, отданные на несколько лет хозяину, который, хотя обычно обращался с ними гораздо более жестоко, чем со своими рабами-неграми, был, по крайней мере, обязан отпустить их на свободу по истечении назначенного срока.

Решение по этому вопросу оставалось за парламентом, а не за Кромвелем. Кромвель должен был проследить за тем, как остатки шотландской армии, оставленные к северу от Престона, после поражения своих товарищей отступили в Шотландию. Нельзя было сомневаться и в том, что слово генерала-победителя будет иметь большой вес в парламенте при урегулировании оставшихся претензий к Шотландии, которое теперь предстояло. К счастью, так оно и было, поскольку Кромвель был именно тем человеком, который мог с максимальной выгодой обратить в свою пользу спор между шотландскими партиями, разгоревшийся в настоящее время. Поражение Гамильтона открыло дорогу Аргайлу и той партии фанатичного духовенства, чьи последователи на сильно пресвитерианском Западе были известны как Whiggamores, от чего и произошло позднее название Whig. Запад поднялся на борьбу, и "Виггаморский рейд" - так его называли - отбросил от власти тех немногих сторонников Гамильтона, которые еще оставались на свободе, и вновь отдал Шотландию в руки Аргайла и духовенства. 21 сентября, пока конфликт еще не был решен, Кромвель вошел в Шотландию, требуя сдачи Бервика и Карлайла, все еще занятых шотландскими гарнизонами. Аргайл, обрадованный английской поддержкой для укрепления своей зарождающейся власти, дал горячее согласие; и, чтобы продемонстрировать шотландцам подавляющую силу английской армии, Ламберт был отправлен вперед, а Кромвель последовал за ним с основной частью армии и прибыл в Эдинбург 4 октября. 7 октября Кромвель вернулся в Англию, оставив Аргайла под защитой Ламберта во главе двух конных полков. Тем временем Кромвель договорился с Аргайлом, что ни одному шотландцу, поддержавшему помолвку с Карлом, не будет позволено сохранить должность - это условие в равной степени соответствовало как желаниям Аргайла, так и его собственным. Фанатик мог бы возразить, что толерасту не подобает оказывать поддержку самому нетерпимому духовенству в протестантской Европе. Как государственный деятель, Кромвель не мог не помнить, что, если Англия не собирается брать на себя прямой контроль над правительством Шотландии, она должна оставить решение подобных вопросов на усмотрение местных властей, тем более что в Шотландии было мало или совсем не было индипендентов, которые могли бы пострадать от каких-либо действий нового правительства в Эдинбурге. И все же расхождение в целях между сторонниками Аргайла в Шотландии и Кромвеля в Англии, несомненно, таило в себе опасность для будущего.

Кромвель перебросил свои войска в Йоркшир, чтобы ускорить сдачу Понтефракта и Скарборо, которые все еще держались. Политические интересы дня переместились на Юг. Парламент, как только освободился от опасности, решил возобновить переговоры с королем, и 18 сентября на острове Уайт началась конференция, известная как Ньюпортский договор. В полках под командованием Кромвеля, а также в армии Фэрфакса царил сильное отвращение, и Иретон выступил с призывом провести чистку в палате представителей, чтобы избавиться от тех членов, которые поддерживали эту неуместную дипломатию. Чтобы довершить недовольство армии, требования парламента включали в себя установление пресвитерианства без тени толерантности с обеих сторон. Нет необходимости подробно останавливаться на этих переговорах. Против контрпредложений Карла возражали не столько тем, что они сами по себе были несправедливы, сколько тем, что невозможно было

помешать ему отказаться от своего обещания, когда он чувствовал в себе достаточно сил для этого. Рупором этого возражения в армии Фэрфакса стал Иретон, и примерно 10 ноября он представил Совету офицеров проект *"Реморандума армии"*. В нем затрагивалось множество конституционных предложений, но пункт, представляющий наибольший практический интерес, просил "чтобы главный и великий виновник всех наших бед, личность короля, был быстро привлечен к ответственности за измену, кровь и зло, в которых он виновен". Это предложение оказалось слишком сильным для Фэрфакса, и он склонил своих офицеров к предложению, чтобы армия попросила короля одобрить главы конституционного плана, который свел бы функции короны к тому влиянию, которое так благотворно осуществляется в настоящее время.

Это предложение, сделанное королю 16-го числа, было, однако, сразу же отклонено. Чувства армии были таковы, что Карл фактически подписал себе смертный приговор этим действием, и поверхностному наблюдателю может показаться, что его страдания были вызваны отказом предвосхитить два века истории и отказаться от всех претензий, которые были переданы ему его предшественниками. Для внимательного исследователя очевидно, что причины требования армии лежали гораздо глубже. Люди, выдвинувшие его, не были педантами конституции. Именно глубокое недоверие, которое внушал им Карл, привело к такому радикальному способу отстранить его от осуществления власти, которой он так постоянно злоупотреблял. Именно его уклонение от открытых и благородных речей привело Карла на скамью подсудимых. Те, кто считает, что он попал на эшафот из-за своего отказа подчиниться отмене епископата, забывают, что в его силах было добиться сохранения епископата, когда это было предложено ему в *"Главах предложений"*, если бы только он согласился на то, чтобы это сопровождалось полной веротерпимостью.

Влияние новостей, которые Кромвель время от времени получал из армии в Англии, можно проследить в письмах, написанных им в это время. В одном из них, которое он отправил Хэммонду 6 ноября, он оправдывал свои действия в отношении Аргайла, предполагая, что пример Шотландии, где был распущен один парламент и избран другой, может последовать в Англии. Во втором письме, написанном 20-го числа, после того как у него было время обдумать отказ Чарльза от предложения об армии, он с горечью ответил на приказ Палаты представителей выслать сэра Джона Оуэна, пленника, взятого в Уэльсе, чтобы его изгнали. Кромвель гневно писал, что те, кто привел шотландцев, были признаны парламентом изменниками, "это более ужасная измена, чем все, что совершалось прежде; потому что прежняя ссора заключалась в том, чтобы англичане могли править друг другом, а эта - в том, чтобы вассализировать нас иностранному народу, и их вина, которые появились в деле этого лета, несомненно, вдвое больше их вины, которые были в первом, потому что это повторение того же преступления против всех свидетелей, которых привел Бог, путем создания и потворствования второй войне". "Чтобы поставить нас в вассальную зависимость от чужого народа". В этом, по крайней мере, в политических вопросах, заключалось главное и основное преступление Карла. Именно это окончательно сломало нежелание Кромвеля отрешиваться от установленной власти. "Бог, - писал Хэммонд, - назначил власти среди народов, которым следует активно или пассивно подчиняться. В Англии такой властью является парламент. Поэтому активное или пассивное сопротивление запрещено". На эти рассуждения Кромвель ответил 25 числа различными аргументами, закончив их смелым предположением, что армия, в конце концов, может быть "законной властью, призванной Богом противостоять королю и бороться с ним на определенных основаниях; и, имея власть для таких целей", не могут ли они противостоять "одному имени власти для этих целей так же, как и другому имени"? Какова бы ни была ценность этих соображений, ничего хорошего от

Чарльза ждать не приходилось. "Добра, - протестовал он, - от этого человека, против которого свидетельствовал Господь, и которого ты знаешь!"

Перед нами, безусловно, предстало мнение Кромвеля в зародыше. Как и у других людей, желание было отцом мысли. Желание, будь то в личных или общественных целях, формирует мысли, а в случае Кромвеля, поскольку желания были более широкими, чем у большинства людей, мысли занимали более широкое место и, в некоторой степени, мешали друг другу. Мутная смесь скоро рассеется.

Тем временем на юге события быстро сменяли друг друга. Хэммонд, как слишком мягкосердечный, был удален из Кэрисбрука, а 1 декабря эмиссары из армии перевезли Чарльза в замок Херст, где его было легче изолировать. Передовые люди армии открыто говорили о предании короля смерти и приняли предложение Кромвеля о насильственном роспуске парламента и избрании вместо него нового. В этом смысле 30 ноября была принята Декларация, а 2 декабря армия вошла в Лондон. Общинники продемонстрировали, что угрозы насилия их не трогают, и 5 декабря на сайте проголосовали за то, что предложения короля - "основание, на котором Палата может действовать для урегулирования мира в королевстве". Схема роспуска, за которую выступала армия, потерпела крах из-за сопротивления независимых членов палаты. Должна была состояться чистка, а не роспуск с последующими всеобщими выборами. Согласованный таким образом план был реализован на практике утром 6-го числа, когда полковник Прайд стоял с военным караулом у дверей палаты, разгоняя или арестовывая членов, проголосовавших за продолжение переговоров с королем. Когда Кромвель вернулся в Вестминстер вечером того же дня, он заявил, что "не был знаком с этим замыслом; однако, поскольку он был осуществлен, он был рад ему и постарается его сохранить". Поскольку решение о "чистке Гордости" не было принято до предыдущей ночи, физически невозможно, чтобы он был проинформирован о принятом решении. Можно не сомневаться, что он дал свое согласие на другой план роспуска, а также согласился с формулировками, приписываемыми Иретону и Гаррисону в предыдущий вечер. "Где, - говорили они о Палате, - у нас есть закон, ордер или поручение очистить ее, или что может оправдать нас в этом, кроме крайней необходимости спасти королевство от новой войны, за которую они, с подачи короля, сейчас проголосуют и объявят, и обеспечить нового и свободного представителя, и так последовательно и свободно, чего нынешний парламент никогда не потерпит и без чего свобода нации потеряна и исчезнет!" Не лишним будет вспомнить эти слова, когда существование усеченного парламента наконец-то было прекращено.

Кромвелю было свойственно соглашаться на второе, когда лучшее оказывалось недостижимым. Что касается смерти предателя короля, Кромвель, как и во многих других случаях, оказал сдерживающее влияние. Иретон, похоже, был бы удовлетворен, если бы Карла судили и приговорили, после чего его можно было бы оставить в тюрьме до тех пор, пока он не согласится "отказаться от своего негативного голоса, расстаться с церковными землями" и "отречься от шотландцев". Кромвель даже хотел отложить сам суд. Небольшим большинством голосов Совет армии постановил, что жизнь Карла должна быть сохранена. В качестве последнего усилия в этом направлении лорд Денби был отправлен в Виндзор, куда был перевезен Чарльз, чтобы изложить ему условия, на которых ему еще можно было бы сохранить жизнь. Чарльз, который не мог не знать о характере сделанных ему предложений, отказался даже встретиться с посланником. Хотя прямых свидетельств до нас не дошло, вряд ли можно сомневаться, что предложенные условия включали в себя отказ от отрицательного голоса и отказ от Церкви, то есть от земель епископов; иными словами, отказ от контроля над

законодательством и от епископата. Здесь Карл, наконец, не нашел возможности уклониться, и, как ни был он прижат к стене, истинное золото, которое было в нем заслонено столькими невежествами и заблуждениями, раскрылось во всей своей чистоте. Для него оставался лишь один вопрос: должен ли он предать Божье постановление в церкви и государстве. Неспособный правитель - изворотливый интриган - сразу же предстал в образе страдальца за совесть.

Ни Кромвель, ни его братья-офицеры не догадывались об этом. Для них Карл, отказавшись от последнего предложения, утвердил свое право быть гонителем благочестивых и препятствовать всем благодетельным законам. В конце концов их терпение истощилось. 1 января 1649 года лордам был направлен ордонанс о создании Высокого суда для суда над королем, сопровождаемый резолюцией о том, что "по основным законам этого королевства король Англии на данный момент является государственной изменой, если он развязывает войну против парламента и королевства Англии". "Если кто-либо, - сказал Кромвель, когда обсуждался этот ордонанс, - вынашивает замысел низложить короля и лишит наследства его потомство; или, если кто-либо еще вынашивает такой замысел, он должен быть величайшим предателем и мятежником в мире; но поскольку Провидение Божье обрушило это на нас, я не могу не подчиниться Провидению, хотя я еще не в состоянии дать вам совет". В этих словах прозвучали последние признаки колебаний Кромвеля. Так или иначе, все его усилия спасти Чарльза от гибели провалились, и в природе Кромвеля было приписать неудачу Провидению, как и в природе Чарльза считать себя земным защитником законов Божьих.

Палата лордов отказалась принять ордонанс, и палата общин провозгласила "народ, подвластный Богу, источником всей справедливой власти", и, следовательно, "общины Англии в парламенте, собравшемся", способны придать силу закона своим постановлениям. С этого времени законы, принятые одной палатой, стали называться Актами. 6 января таким актом был учрежден Высокий суд для суда над королем на том основании, что он имел коварный замысел подорвать права своего народа и с этой целью развязал против него войну, а также, будучи пощажен, продолжал поднимать новые волнения. Поэтому, чтобы впредь ни один военачальник или магистрат не смел замышлять порабощение или уничтожение народа, были назначены определенные лица, которые должны были судить Карла Стюарта.

Дав свое согласие на суд, Кромвель со всей силой бросился в поддержку резолюции. "Говорю вам, - ответил он на некоторые сомнения молодого Алджернона Сидни по поводу законности, - мы отрубим ему голову с короной на ней". Когда большинство членов суда отказывались заседать; когда среди тех, кто заседал, возникали разногласия; когда возникали трудности, короче говоря, любого рода, именно Кромвель был готов увещевать и убеждать, чтобы завершить дело, которое они взяли в свои руки. Его аргументы, похоже, были направлены не на технический вопрос, развязывал ли Карл войну против нации или нет, а на то, чтобы убедить всех, кто слушал, в том, что его отказ сделать все возможное для сохранения народа нарушил доверие. Карл же, как и полагалось, утверждал, что его судят не по известному закону и что примененное против него насилие приведет к установлению на земле военной деспотии. Ничто из того, что он мог сказать, не смогло изменить решимости мрачных хозяев времени. 27 января председатель суда Брэдшоу вынес смертный приговор, а 30-го он был приведен в исполнение на эшафоте, воздвигнутом перед Банкетным домом его собственного дворца Уайтхолл.

В том, что Кромвель, приняв решение, как никто другой способствовал этому результату, вряд ли можно сомневаться. Если мы примем традиционную историю, в которой есть много

интересного, у нас есть ключ к разгадке его душевного состояния. "В ночь после обезглавливания короля Карла, - рассказывают нам, - милорд Саутгемптон и его друг получили разрешение посидеть у тела в Банкетном доме в Уайтхолле. Когда они очень меланхолично сидели там, около двух часов ночи, они слышали чьи-то шаги, медленно поднимающиеся вверх. Вдруг дверь открылась, и вошел человек, очень сильно закутанный в плащ, и лицо его было полностью скрыто в нем. Он подошел к телу, некоторое время внимательно рассматривал его, а затем покачал головой и вздохнул: "Жестокая необходимость!". Затем он удалился так же медленно и скрытно, как и пришел. Лорд Саутгемптон говорил, что не мог ничего различить в его лице, но по голосу и походке принял его за Оливера Кромвеля".

Была ли такая необходимость на самом деле, можно оспаривать до бесконечности, как и другой вопрос, имела ли армия право принуждать к суду и казни вопреки позитивному закону страны. Главный вопрос заключался в том, что, что бы ни говорил позитивный закон, король не обязан в силу необходимости своего положения быть представителем нации, действовать от ее имени, сливать свои интересы с интересами своего народа, отказываться принуждать его иностранными армиями и быть обязанным произносить слова простой правды, когда бы ни было благоразумно говорить. Так поступала Елизавета, так учил Бэкон. Невозможно отрицать, что поведение самого Чарльза было сформировано на совершенно иных принципах. Уверенность в собственной мудрости была присуща его натуре, и нет причин сомневаться в том, что он трезво считал своих критиков и антагонистов настолько разгоряченными фракциями, что фактически не мог сделать все возможное как для нации, так и для себя, если не призывал на помощь иностранные армии и не возлагал ложных надежд в надежде отбросить каждую партию, с которой он имел дело, как только представится удобный случай. Такая позиция не могла не вызвать сопротивления, а если она долго сохранялась, то неизбежно вызвала столь же непреклонную позицию. То, что для Кромвеля в одно время было жестокой необходимостью, а в другое - указом Провидения, было естественным результатом обиды, нанесенной Карлом людям, которые требовали честного отношения к правителю, от которого нельзя было добиться ничего, кроме скрытого обмана. Финальная борьба свелась главным образом к тому, чтобы король сохранил за собой право "отрицательного голоса", которое, если бы ему позволили его сохранить, позволило бы ему препятствовать всем новым законам, не соответствующим его личным желаниям. Несомненно, на его стороне были и закон, и традиции, но, с другой стороны, его противники могли утверждать, что закон страны должен зависеть от решения не одного человека, а всей нации.

"К счастью или к несчастью, - могу лишь повторить здесь то, что уже говорил в других местах, - такие абстрактные соображения редко допускают прямое применение в политике. Во все времена трудно определить, каковы на самом деле желания нации, и менее всего это можно сделать в условиях страхов и страстей революционной борьбы. Лишь по прошествии долгих лет нация проясняет свои окончательные решения, и по этой причине мудрые государственные деятели - будь то монархические или республиканские - следят за течениями мнений и идут на компромиссы, которые позволяют национальным чувствам пройти свой путь без череды сильных потрясений. Вина Карла заключалась не столько в его претензии на сохранение "отрицательного голоса", сколько в абсолютном игнорировании условий времени, чувств и мнений всех слоев подданных, с которыми он был не согласен. Даже если те, кто выступал против Карла на поздних этапах его карьеры, не смогли склонить на свою сторону большинство народа, они, несомненно, действовали в соответствии с постоянным национальным требованием такого правительства на основе компромисса, которое медленно, но непреодолимо развивалось в течение столетия.

"Нельзя сомневаться и в том, что, если бы Карлу при каких-то условиях было позволено вновь сесть на трон, он быстро вызвал бы новое сопротивление. До тех пор пока он оставался фактором английской политики, правительство на основе компромисса было невозможно. Его собственное представление о правительстве было представлением мудрого принца, постоянно вмешивающегося, чтобы сдержать безумие народа. На острове Уайт он с одобрением записал строки, в которых Клавдиан, подневольный поэт двора Гонория, объявил ошибкой называть рабством службу лучших принцев и утверждал, что свобода никогда не имела большего очарования, чем при благочестивом короле. Даже на эшафоте он напоминал своим подданным, что доля в управлении государством - это ничто, принадлежащее народу. Трагедия жизни Карла заключалась в том, что он оказался совершенно не в состоянии удовлетворить чаяния тех, кто невнятно надеялся на создание монархии, которая, сохраняя старые традиции страны и тем самым спасая Англию от слепого погружения в неизвестное будущее, все же позволила бы народу страны в какой-то степени стать хозяином своей судьбы.

"Однако если Чарльз упорно отталкивал от себя эту большую и важную часть своих подданных, то и его самые решительные противники тоже. Сами достоинства индипендентов - их любовь к веротерпимости, правовым и политическим реформам, а также их пропаганда демократических перемен - вызвали противодействие нации, которая не была готова ни к чему подобному, и заставили ее шаг за шагом полагаться на вооруженную силу, а не на свободную игру конституционных действий. Если бы не это, вполне вероятно, что "Голос без адреса" получил бы практически единодушную поддержку в парламенте и нации, и что в начале 1648 года Карл был бы свергнут, а новое правительство того или иного типа было бы установлено с некоторой надеждой на успех. Как бы то ни было, отчаявшись в поддержке конституции, индипенденты, несмотря на свои лучшие чувства, склонились к использованию армии в качестве инструмента управления.

"Ситуация, и без того сложная, еще больше осложнилась из-за двуличия Карла. Люди, которые готовы были бы с ним договориться, отчаялись в любом конституционном устройстве, в котором он должен был стать фактором, а люди, которые давно от него отстранились, были раздражены активной враждебностью. Они все больше и больше рассматривали его как единственную мешающую силу, с которой невозможно достичь взаимопонимания и установить порядок. Убрать его с дороги казалось даже тем, кто и не думал наказывать его за прошлые обиды, единственно возможным путем к миру для беспокойной нации. Казалось, что пока жив Карл, заблуждающиеся народы и заблуждающиеся партии будут возбуждены обещаниями, которым не суждено быть выполненными, чтобы броситься, как они бросились во время Второй гражданской войны, против нового порядка вещей, который пытался утвердиться в Англии.

"Кромвель стал глашатаем этой последней категории. Будучи человеком компромиссов, он, вопреки своей воле, был вынужден вступить в прямой антагонизм с бескомпромиссным королем. Он долго пытался стать посредником между старым порядком и новым, сначала восстановив Карла в качестве конституционного короля, а затем заменив его одним из его детей. Потерпев неудачу в этом деле и возмущенный упорством, с которым Карл возбуждал против Англии шотландские и ирландские армии, Кромвель в конце концов присоединился к тем, кто громче всех кричал о крови короля. Никто лучше Кромвеля не знал, что глупо прикрывать казнь короля видимостью конституционной благопристойности, и он вполне мог считать, что, хотя и закон, и конституция разрушились, первым шагом к их восстановлению должно стать вынесение смертного приговора человеку, который показал, что ему так не хватает элементарного качества правдивости, на котором строятся законы и конституции.

Все, что известно о поведении Кромвеля на суде, указывает на его презрение к юридическим формам, с помощью которых другие пытались прикрыть незаконные по сути действия".

Еще один вопрос, который часто поднимается, - не совершил ли Кромвель, что бы ни говорили о чистоте его побуждений, ошибку в интересах себя и своего дела. Если те, кто обсуждает эту проблему, имеют в виду, что попытка установить свободное правительство при жизни Кромвеля была осложнена казнью короля, то с их мнением трудно не согласиться, хотя отчуждение основной массы населения от нового порядка вследствие казни, вероятно, сильно преувеличено. У тех, кто, подобно кавалерам, лишился части своих имений, была дополнительная причина для отвращения к правительству, которое использовало их так плохо, и среди толпы, читавшей *Eikon Basilike* - маленькую книжечку, в которой Карл оправдывал свою жизнь, как предполагалось, написанную его собственной рукой, - наверняка было немало тех, кто навсегда остался под влиянием этого сентиментального произведения доктора Гаудена. Если же возразить, что Кромвелю и его союзникам, возможно, удалось бы создать правительство по своему вкусу, если бы они воздержались от последнего наказания короля, то на это можно ответить лишь, что другие причины делали их успех в высшей степени маловероятным. Их планы, направленные на благо народа, были, с одной стороны, слишком далеко зашедшими, чтобы заручиться поддержкой народа, а с другой - слишком нечестными по отношению к своим противникам, чтобы заслужить ее. Пуританизм не был и никогда не мог быть национальной религией, и хотя он нажил больше врагов благодаря своим достоинствам, чем недостаткам, тем, кто стремился претворить в жизнь его моральные и социальные заповеди, нужна была мощная военная сила за спиной. Раздражение, вызванное вмешательством армии в религию и политику, а также требования к налогоплательщикам, которые предъявлялись к содержанию армии, несомненно, были бы фатальными для любого правительства, покоящегося на такой основе, даже если бы Карлу было позволено продлить свои дни. Если в карьере Кромвеля после казни короля и остался какой-то интерес, то он связан с его постоянно возобновлявшимися попытками сбросить этот инкуб и неоднократно неудачами в достижении своей цели.

ГЛАВА IV. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА.

В последние недели жизни Карла армия в сотрудничестве с некоторыми левеллерами подготовила расширенное издание "*Соглашения народа*", которое было завершено 15 января. В соответствии с желанием Кромвеля, предложенная конституция была представлена на утверждение парламента 20-го числа, а не навязана парламенту путем предварительного голосования среди так называемых благополучных слоев населения. Парламент, будучи достаточно занятым в то время, отложил это предложение в сторону с несколькими хорошо подобранными комплиментами. Члены парламента не хотели ввязываться в такой момент в неопределенность всеобщих выборов.

Не приходится сомневаться, что в этом вопросе парламент был инстинктивно прав. Та изуродованная ассамблея, которую современные авторы именуют "бунтом", хотя современники не употребляли такого слова до ее повторного появления на сцене через некоторое время после смерти Кромвеля, владела полем боя. Теперь он довольствовался тем, что провозгласил Англию Содружеством без короля и палаты лордов, а также избрал ежегодно обновляемый Государственный совет для выполнения исполнительных функций

под своим контролем. Первым политическим актом суверенного парламента стал приказ о казни герцога Гамильтона, графа Холланда и лорда Кейпела, которые, приняв участие в последней войне короля, были осуждены Высшим судом, подобным тому, который отправил Карла на каторгу. На данный момент самая серьезная опасность для молодого Содружества исходила от оппозиции Лильберна и левеллеров, которые, не довольствуясь требованием на основе абстрактных принципов немедленно основать демократическую республику на месте существующего временного устройства, распространили свою пропаганду на саму армию, обращаясь к рядовым солдатам против офицеров. Лилбурн и трое его сторонников были вызваны в Совет. Лильберну, пригрозившему сжечь все места, где его могут посадить в тюрьму, было приказано удалиться. Из внешней комнаты он прислушивался к голосам в зале Совета. "Говорю вам, сэр, - сказал Кромвель, - у вас нет иного способа справиться с этими людьми, кроме как сломить их, иначе они сломят вас; да, и возложат на ваши головы и плечи всю вину за кровь и сокровища, пролитые и потраченные в этом королевстве; И расстроят и сделают недействительной всю ту работу, которую столько лет трудом, усердием и муками вы проделали, и сделают вас для всех разумных людей в мире самым презренным поколением глупых, низкодуховных людей на земле, которые будут разбиты и повержены таким презренным, презренным поколением людей, как они, и поэтому, сэр, я снова говорю вам, вы должны их сломить." Сейчас мы можем сочувствовать Лильберну в его желании установить народное правление, утвердить право личности и отстранить командиров армии от политической власти. Однако, в конце концов, практические потребности времени были на стороне Кромвеля.

Прошло совсем немного времени, и мятежный дух, к которому апеллировал Лильберн, проявился в армии. Полк, расквартированный в Солсбери, отказался повиноваться своим офицерам и стал скитаться по стране в поисках других войск, с которыми можно было бы объединиться. Фэрфакс отправился из Лондона в погоню, и в ночь на 14 мая Кромвель форсированным маршем со своей кавалерией настиг мятежников у Берфорда. Трое были казнены, а остальные покорились неизбежному.

Удерживать армию было тем более необходимо, что в перспективе ожидалось возобновление боевых действий. Старший сын покойного короля, теперь претендовавший на титул Карла II, собирался сделать попытку сесть на трон своего отца и надеялся, как и его отец до него, получить на свою сторону силы Шотландии и Ирландии. На протяжении многих лет проблема взаимоотношений между тремя странами требовала решения. И у Шотландии, и у Ирландии были свои социальные и политические интересы, и естественное нежелание жителей обеих стран видеть их слитыми с интересами более богатого и многочисленного населения Англии в любом случае потребовало бы деликатного обращения. Возникновение в Англии впервые мощной армии сделало ее отношения с двумя другими странами еще более сложными, чем прежде, и способствовало не менее, чем ревность к пресвитерианству, нелепой затее восстановления Карла I в качестве короля-ковенанта. После поражения Гамильтона, правда, Аргайл и шотландское духовенство приветствовали поддержку Кромвеля в деле свержения власти дворянства, но страх перед английским господством не был полностью развеян, и казнь короля добавила сентиментальную обиду к другим причинам тревоги. Отказываясь позволить любому английскому правительству распоряжаться Шотландией, шотландцы, несомненно, были в своем праве; но когда 5 февраля они провозгласили Карла II. не только королем Шотландии, но и королем Великобритании, Франции и Ирландии, они заняли позицию, которую ни одно английское правительство не могло позволить оставить неоспоримой, а добавив условие, что Карл будет допущен к власти только при условии его обязательства править в соответствии с Национальным пактом и Торжественной лигой и пактом, они выдвинули чудовищную

претензию на контроль религиозного развития Англии и Ирландии, а также своей собственной страны.

Необходимость - в соответствии с этими условиями - прийти к соглашению с Карлом сделала Шотландию на данный момент малоопасной и позволила английскому парламенту обратить внимание на Ирландию, на которую Карл I возлагал надежды после провала вторжения Гамильтона. Ормонд, ранее возглавлявший партизан Карла в Ирландии, теперь вернулся в эту страну в качестве лорд-лейтенанта короля и привел под свое руководство не только своих старых сторонников, но и армию конфедератов-католиков. Хотя Оуэн О'Нил во главе армии, собранной среди кельтов Ольстера, держался в стороне, Ормонду открылся путь для нападения на Дублин, который теперь охранялся парламентским гарнизоном под командованием Майкла Джонса и был почти единственным местом в Ирландии, еще державшимся за Англию. Как и в Шотландии, так и в Ирландии, вопрос заключался не столько в том, овладеет ли Англия силой теми частями Британских островов, которые находятся за ее пределами, сколько в том, будут ли они использованы для определения политических институтов самой Англии. Нападения на Ирландию и Шотландию, которые теперь должны были последовать, в определенном смысле были актами оборонительной войны.

Никому, кроме Кромвеля, эта мысль не приходила в голову. Англичанин из англичан, он больше всего жаловался на покойного короля за то, что тот пытался "вассализировать" Англию иностранному государству, и когда 15 марта его назначили командующим, он объяснил своим братьям-офицерам причины, побудившие его принять этот пост. "Воистину, - сказал он, - в это действительно верится: если мы не попытаемся реализовать наши интересы там, причем своевременно, то мы не только не сможем реализовать наши интересы там, но они в очень скором времени смогут высадить войска в Англии и доставить нам неприятности здесь; и я признаюсь, что у меня возникают такие мысли, которые, возможно, являются плотскими и глупыми: Я бы предпочел, чтобы меня захлестнул кавалергардский интерес, а не шотландский; я бы предпочел, чтобы меня захлестнул шотландский интерес, а не ирландский, и я думаю, что из всего этого это наиболее опасно; и, если им удастся продолжить свое дело, они сделают этот народ самым несчастным на земле; Ибо весь мир знает их варварство - почти никто из них не исповедует никакой религии, но, в некотором роде, они так же плохи, как и паписты, и действительно, ссора зашла так далеко в этом государстве, что мы вряд ли сможем вернуться в ту тиранию, под игом которой мы раньше находились....но в то же время мы должны быть подчинены королевству Шотландии и королевству Ирландии для введения короля". Теперь это должно пробудить всех англичан, которые, возможно, готовы к тому, что он должен был войти в страну по соглашению; но теперь он должен войти из Ирландии или Шотландии".

В этих словах раскрываются убеждения, которые доминировали в действиях Кромвеля в этот период его жизни. Насколько это было в его силах, он никогда не допустит, чтобы Шотландия, а тем более Ирландия навязали Англии свое правительство. 12 июля он отправился в Ирландию. Не успел он взойти на борт, как получил радостную весть о том, что Майкл Джонс разбил Ормонда при Ратмайне и что Дублин, таким образом, вне опасности. Когда он высадился в Дублине, его намерением было как можно скорее пробраться в Мюнстер и сплотить вокруг себя протестантских колонистов, составлявших значительную часть населения городов на побережье. Однако сначала необходимо было защитить Дублин от нападения с севера, откуда ожидалось наступление Оуэна О'Нила, который после долгих колебаний бросил свой жребий на стороне Ормонда. Поэтому 1 сентября Кромвель двинулся на Дрогеду, которую удерживал для короля гарнизон численностью около 2800 человек,

состоявший в основном из ирландцев, под командованием сэра Артура Астона. 10-го числа Кромвель вызвал его к себе и, получив отказ губернатора сдаться, открыл канонаду по юго-восточному углу. Гарнизону, у которого не хватало боеприпасов, долго продержаться не удалось, и на второй день, когда брешь была пробита, Кромвель дал команду на штурм. Нападавшие, хотя и были дважды отброшены назад, с третьей попытки добились успеха. Астон с тремя сотнями человек укрылся на огромной искусственной насыпи, известной как Мельничная гора. Разгневанный длительным сопротивлением, Кромвель отдал приказ предать мечу всех, кто был в оружии. Поспешное слово было безжалостно исполнено, и около двух тысяч человек были хладнокровно убиты. Нет сомнений, что в своих действиях Кромвель руководствовался строгим законом войны, по которому гарнизон, отказавшийся сдаться, не подлежал пощаде; но этот закон редко применялся в английской войне, и можно усомниться, что Кромвель стал бы действовать по нему в этом случае, если бы защитники были не "ирландскими папистами", как он их презрительно называл. Воспоминания об Ольстерской резне 1641 года, не только такой, какой она была на самом деле, но и со всеми преувеличениями, которым ее подвергла английская молва, постоянно присутствовали в его сознании, и он считал каждого ирландца, стоящего у оружия, не благородным противником, а либо убийцей, либо сторонником убийц.

Однако даже Кромвель, похоже, считал этот поступок заслуживающим оправдания. "Воистину, - писал он Брэдшоу, председателю Совета, - я верю, что эта горечь спасет от большого количества пролитой крови по милости Божьей. Я желаю, чтобы все честные сердца воздали славу за это одному Богу, которому, собственно, и принадлежит хвала за эту милость". "Я убежден, - заверил он Ленталла, - что это праведный суд Божий над теми варварскими ублюдками, которые замарали свои руки в таком количестве невинной крови, и он будет способствовать предотвращению пролития крови в будущем, что является удовлетворительным основанием для таких действий, которые в противном случае не могут не вызывать угрызений совести или сожаления".

Оставив гарнизон в Дрогеде, Кромвель двинулся на юг через Вексфорд. Там тоже произошла резня, хотя на этот раз она была вызвана действиями горожан, которые продолжали сопротивление после того, как стены были разрушены. Часто повторяемая история о двух или трех сотнях женщин, убитых на рынке, - чистый вымысел, о котором ничего не слышно вплоть до середины XVIII века. С другой стороны, и в Дрогеде, и в Вексфорде священников предавали смерти без всякой пощады. Можно сомневаться, что эти жестокости в долгосрочной перспективе сделали ирландцев более готовыми подчиниться захватчикам, но они определенно облегчили путь Кромвелю, пока ужас, распространяемый ими, был недавним. Уэксфорд пал 11 октября. 17-го числа Кромвель вызвал к себе Нью-Росса. "У меня есть свидетельство, - писал он губернатору, - что я старался избегать пролития крови - это мой принцип, чтобы люди и места, куда я приезжаю, не страдали иначе, как их собственной воле". Через два дня его спросили, предоставит ли он свободу совести. "Я не вмешиваюсь, - ответил он, - ни в чью совесть, но если под свободой совести вы подразумеваете свободу отправлять богослужения, то я считаю, что лучше всего вести себя просто, и дать вам понять, что там, где парламент Англии имеет власть, этого не допустят". Принцип Кромвелю в Ирландии был во многом похож на принцип Елизаветы в Англии. Люди могли придерживаться любых религиозных взглядов, но веротерпимость не должна была распространяться на римско-католическое богослужение. Это различие может показаться неоправданным в глазах нынешнего поколения. Государственным деятелям семнадцатого века оно было прекрасно знакомо.

Вскоре надежды Кромвеля на поддержку протестантов на юге оправдались. Корк стал первым из прибрежных городов Мюнстера, поднявшимся в его поддержку, и вскоре его примеру последовали другие. Уотерфорд, напротив, устоял, чему способствовали зимние дожди. Первые месяцы 1650 года были потрачены на взятие городов, расположенных дальше вглубь страны, таких как Килкенни и Клонмел, хотя гарнизону последнего удалось бежать. После сдачи Клонмеля Кромвель покинул Ирландию, поскольку его услуги были востребованы на родине. Иретон, оставшийся на посту лорда-наместника, почти завершил завоевание, когда в ноябре 1651 года умер от болезни, вызванной его преданностью долгу, хотя последний укрепленный пункт сдался только в апреле 1653 года.

О причинах, побудивших Кромвеля относиться к ирландским католикам с особой суровостью, можно судить по спору, в котором он принял участие за некоторое время до своего отъезда из страны. В декабре 1649 года ирландские прелаты, собравшиеся в Клонмакноисе, выпустили Декларацию, в которой предупредили свою паству, что Кромвель стремится уничтожить католическую религию и не сможет достичь своей цели "без массового истребления или изгнания католических жителей". Далее они указывали, что те, кого пощадил меч, обречены на обнищание, поскольку по уже принятым английским парламентским актам "поместья жителей этого королевства проданы, так что теперь не остается ничего другого, как передать их во владение покупателям силой войск, выведенных из Англии, а для простого рода людей, к которым они проявляют в настоящее время более умеренное отношение, не для чего иного, как для их личной выгоды и для лучшей поддержки их армии, намереваясь в конце своего завоевания, если они смогут добиться того же - как не дай Бог - выкорчевать и общинников, и заселить эту землю колониями, которые будут привезены сюда из Англии - как свидетельствует число, которое они уже отправили сюда для Табачных островов - и поставить врагов на их место". В заключение прелаты заявили, что отныне духовенство и миряне объединятся для защиты Церкви, короля и нации.

В одной из частей этой декларации прелаты называли английскую армию "общим врагом". "Кто же, - гневно спросил Кромвель в ответ, - создал этого общего врага? Полагаю, вы имеете в виду англичан. Англичан! Запомните, лицемеры, Ирландия когда-то была объединена с Англией; англичане имели хорошее наследство, которое многие из них приобрели на свои деньги, они или их предки, от многих из вас и ваших предков. Они получили от ирландцев хорошую аренду на долгий срок, большие запасы, дома и плантации, возведенные за их счет и на их средства. Они мирно и честно жили среди вас; вы в целом пользовались равной с ними защитой Англии и равным правосудием со стороны законов, за исключением того, что было необходимо государству по государственным соображениям, чтобы оказать давление на некоторых людей, склонных к восстанию по наущению таких, как вы. Вы нарушили союз; вы без провокации подвергли англичан самой неслыханной и самой варварской резне без различия пола и возраста, какую когда-либо видело солнце, и это в то время, когда в Ирландии царил полный мир и когда благодаря примеру английской промышленности, торговле и движению то, что находилось в руках туземцев, было для них лучше, чем если бы вся Ирландия была в их владении и в ней не было ни одного англичанина; И все же, говорю я, это неслыханное злодейство было совершено по вашей инициативе, которая хвалится миротворчеством и союзом против общего врага. Что вы думаете по этому поводу? Разве мое утверждение не верно? Будет ли Бог с вами? Я уверен, что нет".

Такова была картина, которая вырисовывалась в сознании Кромвеля при созерцании бедствий 1641 года. Он не игнорировал давнюю историю - хотя раса, против которой был направлен его меч, хранила традиции давно минувших дней. Он неверно истолковал события, произошедшие в его собственной жизни. Ирландские народы и племена, казалось,

не имели никаких обид, на которые можно было бы пожаловаться. Они никогда не были изгнаны со своей земли благодаря сутяжничеству английских юристов и английских государственных деятелей. Что касается их религии, то ее вообще вряд ли можно было считать религией. К ним относились достаточно благосклонно, если им позволяли похоронить свое вероучение в сердце, хотя они были лишены тех утешений, от которых те, кто придерживался их веры, зависели гораздо больше, чем приверженцы других церквей. В том, что Кромвель верил каждому своему слову, сомневаться не приходится. Такое представление ирландских проблем и ирландских фактов не было порождением его собственного ума. Это была общая - возможно, всеобщая - вера англичан его времени.

Кромвель также не был более оригинален в предложении средств. "Мы пришли, - продолжал он, - чтобы отчитаться за невинно пролитую кровь и попытаться призвать к ответу тех, кто, по благословию Всемогущего Бога, в ком одном наша надежда и сила, явившись с оружием в руках, стремится оправдать их. Мы пришли, чтобы сломить власть компании незаконных мятежников, которые, сбросив власть Англии, живут как враги человеческого общества, чьи принципы - мир знает об этом - заключаются в уничтожении и порабощении всех людей, не подчиняющихся им. Мы пришли, с Божьей помощью, чтобы поддержать блеск и славу английской свободы в стране, где у нас есть несомненное право делать это, в то время как народ Ирландии - если он не будет слушать таких обольстителей, как вы, - может в равной степени участвовать во всех благах, пользоваться свободой и состоянием наравне с англичанами, если они не будут держать оружие". Короче говоря, ирландцы должны были стать такими же, как англичане, или понести наказание. Это было старое средство елизаветинцев и Страффорда. Отчуждает не столько победоносный меч, сколько презрение завоевателя ко всему, что представляют собой покоренные, или ко всему, что им дорого. И все же следует признать, что в какой бы пропорции ни делилась вина за прошлые ошибки между англичанами и ирландцами, ни одно английское правительство не могло дольше терпеть опасность вторжения со стороны Ирландии, которая так постоянно угрожала Англии с начала ее гражданских распр. В этих условиях английское завоевание Ирландии было неизбежно, как только за него бралась дисциплинированная армия. Ирландцы были слишком глубоко разобщены различиями в расе и институтах, чтобы объединиться в общем сопротивлении; и даже если бы эти трудности можно было устранить, не было общего лидера, который вызывал бы всеобщую преданность. Ирландия была завоевана, но к несчастью для обоих народов, она была завоевана в то время, когда религиозные и политические идеи англичан, как никогда прежде или с тех пор, были противоположны идеям ирландцев. Именно тогда, когда пуританское правительство взялось за дело, которое, как оно надеялось, должно было возродить Ирландию, проявились реальные трудности этой задачи.

Между Англией и Шотландией не было такой пропасти, однако опасения, что из Шотландии придут новые беды, заставили правительство в Вестминстере отозвать Кромвеля в мае 1650 года. В течение некоторого времени в Бреде велись переговоры между изгнанным Карлом II и группой уполномоченных, посланных крайними пресвитерианами, господствовавшими в Эдинбурге, с целью убедить молодого короля принять их помощь для возвращения других королевств на условиях, которые не могли не быть для него самыми невыгодными. Он должен был отменить договор, заключенный Ормондом, по которому ирландцы освобождались от уголовных законов, хотя в этом договоре заключалась его единственная надежда на сопротивление Кромвелю в этой стране; он должен был установить пресвитерианство как в Англии, так и в Ирландии без малейшей терпимости как к сектам, так и к той церкви, членом которой он сам являлся, и подписать два Ковенанта, обозначив свою приверженность шотландской форме религии. Против этих условий Карл долго боролся, но 1

мая подписал проект соглашения, соглашаясь с ними, который был отправлен в Шотландию на утверждение, сопровождаемое требованием с его стороны изменить их. Не дождавшись ответа, Карл узнал, что его самый доблестный защитник Монтроз потерпел поражение и был повешен как предатель. Через день или два, 1 июня, ему сообщили, что его просьба об изменении шотландских условий была отклонена в Эдинбурге. 2 июня Карл отплыл в Шотландию, ничего не подписав, и только 11 июня, у Гелиголанда, он поставил свое имя на договоре, и только 23 июня, у Спеймута, он поклялся в соблюдении кovenантов, как того требовал договор. Можно не сомневаться, что он намеревался избавиться от рабства, как только представится возможность. Сомнительно, что было больше: невежество шотландского правительства, полагавшего, что его условия могут быть навязаны Англии, или его глупость, вообразившего, что Чарльз будет связан своей клятвой стать их сообщником. В этом правительстве Аргайл все еще оставался ведущей фигурой, но этот проницательный государственный деятель держался только за счет подчинения толпе фанатиков, церковников и мирян, которых он когда-то надеялся контролировать, а теперь они сами стали его хозяевами. Между Карлом и его английскими сторонниками уже давно велись тайные переговоры. Ожидалось, что они выступят в поддержку шотландцев, но что касается обязательства установить пресвитерианство, то "большинство от него отказалось, а те, кто его принял, решили его нарушить".

В этих условиях возвращения Кромвеля с нетерпением ожидали все, кто присоединился к существующему правительству. Пока он отсутствовал, парламент предоставил ему в пользование Кокпит - дом напротив Уайтхолла, а также Сент-Джеймский дом и Спринг-Гарденс; после этого он получил дополнительный грант на земли, приносящие 2 500 фунтов стерлингов в год. 1 июня ему был оказан великолепный прием, когда он пересекал Хаунслоу-Хит, а 4-го он получил благодарность парламента за свои заслуги. Первый вопрос, который был поставлен на обсуждение, заключался в том, кому передать командование армией, направляющейся на север. Пока предполагалось, что войска будут действовать в оборонительном ключе, Фэрфакс был готов идти с Кромвелем, служащим под его началом, как в старые времена, в качестве генерал-лейтенанта.

20 июня, когда, несомненно, по предложению Кромвеля, было решено, что английская армия должна вторгнуться в Шотландию, чтобы упредить нападение, которое считалось неизбежным, Фэрфакс начал колебаться и после короткой задержки предложил сложить свои полномочия. Кромвель сделал все возможное, чтобы побороть его доводы, которые исходили скорее из общего чувства недоверия к тенденциям правительства Содружества, чем из четкого намерения отделиться от него. Уговоры Кромвеля оказались бесполезными, и 26 июня он получил назначение генерал-лорда, от которого Фэрфаксу теперь разрешалось отказаться. Кромвель был настроен на нечто большее, чем военный успех. В разговоре с Ладлоу, который собирался уехать в Ирландию, он целый час рассуждал о 110-м псалме. "По его словам, "он считал, что замысел Господа в этот день - освободить народ от всякого бремени". Особенно много слов он нашел для адвокатов - тех сыновей Зеруи, которые до сих пор стояли на пути упрощения закона в пользу более бедных тяжущихся.

28 июня Кромвель отправился в путь. В Бервике 19 июля он оказался во главе 16 000 человек, в то время как шотландская армия под командованием Дэвида Лесли насчитывала 26 000. Впервые в жизни Кромвелю противостоял генерал, который был способным стратегом. Кроме того, шотландская армия имела преимущество в положении. Захватив Эдинбургский замок и укрепленный город, спускавшийся под ним на восток, Лесли возвел окопы от подножия Канонгейта до Лейта, чтобы преградить путь любой армии, угрожавшей отрезать

город от порта. Кромвель, не сумев взять эту линию, отступил к Муссельбургу, чтобы подготовиться к следующему шагу.

Хотя шотландцы имели преимущество в военном положении, их армия не обладала такой слаженностью, как английская. Духовенство, под чьим влиянием она была собрана, догадывалось, что Карл не был искренен в своей преданности Кирку. Они боялись его влияния на солдат и, когда он появился в Лейте, заставили его удалиться. За его изгнанием последовала чистка армии, и за три дня не менее 80 офицеров и 3 000 солдат были уволены как не соответствующие духовным и моральным нормам. Обращение Кромвеля к духовенству оказалось тщетным. "Умоляю вас, - писал он им, - в недрах Христа, подумайте, что вы можете ошибаться". Это было последнее, на что они были готовы пойти. Для них сектантство было злом, с которым нужно бороться любой ценой, и уговоры Кромвеля присоединиться к нему в братском союзе не находили отклика. Однако среди более строгих пресвитерианских мирян были и такие, как Страхан и Кер, которые чувствовали себя неловко, когда им говорили, что они сражаются на стороне злобного короля. Расположившись 13 августа на холме Брейд к югу от Эдинбурга, Кромвель совершил одну из величайших ошибок, на которые способен генерал. Его стремление одержать верх над теми, кого - несмотря на то, что они сокрушительно отвергали его притязания - он продолжал считать своими братьями по религии, привело к тому, что он подчинил войну дипломатии. Впервые в своей военной карьере он был нерешителен и осторожен, склонен откладывать действия и, прежде всего, вдохновлен надеждой на то, что действий можно избежать. Даже если бы он действовал более оперативно, не исключено, что он потерпел бы неудачу против такого настороженного противника, как Лесли. Его план, вероятно, лучший в сложившихся обстоятельствах, состоял в том, чтобы наступать на Квинсферри, чтобы перерезать коммуникации шотландской армии с ее базой снабжения в Файфе, коммуникации, которые невозможно было поддерживать ниже по течению Ферт, где английский флот был хозяином моря. Лесли удерживал внутреннюю линию, и когда, наконец, 27 августа Кромвель продвинулся к Квинсферри, он обнаружил Лесли на своем пути, засевшим за мором. Ему оставалось только еще раз повернуть назад к Муссельбургу, после чего, отказавшись от игры, которую он вел в течение нескольких недель, 1 сентября он оказался в Данбаре. Лесли последовал за ним, стараясь избежать сражения и расположив свою армию на холме Дун, чьи крутые склоны смотрели вниз на более плоскую землю, на которой расположились войска Кромвеля. Заблокировав путь в Англию, заняв дефиле у Кокбернспата, Лесли оставалось только остаться, где он должен был заставить Кромвеля, который теперь командовал менее чем половиной своей прежней численности, либо сдаться, либо отправить лучшую часть своих сил в Англию - флот, сопровождавший его, не давал места для размещения всей его армии. "Враг, - писал Кромвель, - так расположился на холмах, что мы не знаем, как пройти туда без труда, и наше пребывание здесь ежедневно приводит к гибели наших людей, которые болеют невероятно". Можно было не сомневаться, что даже если армия обеспечит себе отступление в свою страну, за неудачей в разгроме шотландцев последует всеобщее восстание кавалеров в Англии.

С человеческой точки зрения, перспектива была мрачной, и Кромвелю оставалось лишь утешать себя надеждой на божественную помощь. "Все, - писал он, - будет работать во благо; наше настроение спокойно, хвала Господу, хотя наше нынешнее состояние таково, и мы действительно очень надеемся на Господа, чье милосердие мы испытали на себе". Для него вера в Божественную защиту была совместима с принятием любых военных мер, с помощью которых ошибки противника можно было обратить себе на пользу. Иначе обстояло дело с духовенством и его приверженцами, которые пользовались столь большим влиянием на Дун-Хилле. В шотландской армии прошла новая чистка, и солдаты снова были уволены - не за

недостаток военной эффективности, а потому, что их взгляды на Завет были недостаточно возвышенными. Говорят, что люди, которые таким образом ослабляли свою собственную боевую мощь, стали нетерпимы к Лесли за то, что он не сокрушил врага немедленным натиском. Другие причины могли в совокупности сделать отсрочку конфликта практически невозможной. На холме Дун не было воды, а провизию для 23 000 человек, должно быть, было трудно достать в этом мрачном регионе. Как бы то ни было, 2-го числа шотландцы начали продвигаться вниз по холму. Борьба должна была превратиться из состязания в стратегии в состязание в тактике, и Кромвель, уверенный в своем превосходстве в этой области, был обрадован зрелищем, представшим перед его глазами. Ранним утром 3-го числа блестяще разработанный план действий был умело воплощен в жизнь, и шотландцы, оказав мужественное сопротивление, сломились и бежали. Когда солнце поднялось над морем, Кромвель с радостным восклицанием на устах произнес: "Да воскреснет Бог, да рассеются враги Его", бросил в погоню свою победоносную кавалерию. Прежде чем они остановились, 3 000 врагов были убиты, а 10 000 взяты в плен вместе со всей артиллерией. Никогда больше шотландская армия не выходила на поле боя, чтобы навязать свою религию непокорной Англии.

"Конечно, - писал Кромвель после выигранного сражения, - вероятно, Кирк сделал свое дело. Я полагаю, что теперь их король будет отстаивать свои интересы, и в этом он найдет много друзей". Сам Чарльз, похоже, придерживался такого же мнения о ситуации, если правда, что, получив новости из Данбара, он возблагодарил Бога за то, что "так справедливо избавился от своих врагов". В любом случае ключевым моментом в истории следующих двенадцати месяцев в Шотландии является попытка превратить клерикальное сопротивление в национальное. Для Кромвеля попытка принудить Англию к политическому соответствию с Шотландией заслуживала такого же сопротивления, как и попытка навязать ей шотландскую религию. Ему не нравились именно деспотические тенденции, а не пыл этой религии. Объединение мирян с духовенством в управлении Церковью было для него недостаточным. Его идеалом была община, в которой каждый мирянин был способен выполнять духовные функции. Он не стал слушать возражения полковника, который жаловался, что один из его офицеров "был лучшим проповедником, чем бойцом". "Воистину, - отвечал он, - я думаю, что тот, кто лучше всех молится и проповедует, будет лучше всех сражаться. Я знаю, что ничто не придаст такого мужества, как познание Бога во Христе, и я благословляю Бога за то, что в этой армии есть люди, способные и желающие передавать знания, которые они имеют, на благо других; и я ожидаю, что это будет поощряться всеми главными офицерами в этой армии, особенно; и я надеюсь, что вы будете делать это. Молю, примите капитана Эмпсона с любовью; смею вас уверить, он хороший человек и хороший офицер. Я бы хотел, чтобы у нас не было хуже".

К несчастью, среди шотландских мирян не нашлось отклика на такое обращение. Они были удовлетворены - если были религиозно настроены - той ролью, которая отводилась им на сессиях Кирка или пресвитериях, и предпочитали слушать проповеди рукоположенного священника. Даже те пресвитериане, которые не доверяли злобному королю, держались в стороне от сектантов-англичан.

В Англии новость о великой победе была воспринята с энтузиазмом. Сто шестьдесят шотландских флагов были вывешены в Вестминстер-холле, а парламент распорядился, чтобы на медали, известной как "медаль Данбара", первой военной медали, выданной английской армии, на одной стороне было изображено изображение Кромвеля. Против такого возвеличивания себя Кромвель протестовал напрасно, но, что бы он ни говорил, его собственные черты не были исключены. Однако его работа в Шотландии была еще далека от завершения. За победой при Данбаре со временем последовала сдача Эдинбургского

замка, вызванная, как говорят, вероломством губернатора; но напрасно завоеватель пытался склонить на свою сторону крайних ковенантеров, которые держались на западе под командованием Страхана и Кера, и в конце концов ему пришлось послать против них Ламберта. Ламберт обрушился на них при Гамильтоне и сломил их силу сопротивления.

Тем временем тенденция противостоять притязаниям духовенства медленно пробивала себе дорогу. 1 января 1651 года Карл был должным образом коронован в Скоуне, поклявшись не только одобрить ковенанты в Шотландии, но и дать свое королевское согласие на акты и постановления парламента, принятые и подлежащие принятию, предписывающие то же самое в других его владениях. Молодой король заявил о своей искренности и умолял присутствующих министров оказать ему такую милость, "чтобы, если в будущем они услышат или увидят, как он нарушает этот Пакт, они сказали бы ему об этом и напомнили бы ему о его клятве". При всем этом Карл активно подрывал партию Ковенанта. Один за другим лидеры партии Гамильтона - сам Гамильтон, брат герцога, обезглавленного в Вестминстере, который, будучи еще графом Ланарком, принимал самое активное участие в улаживании конфликта с Карлом I, Миддлтон, грубый солдат, сражавшийся с Карлом I, Миддлтон, грубый солдат, сражавшийся с Карлом I, и Лодердейл, самый способный из тех пресвитериан, что сплотились вокруг трона, были допущены, после смиренного признания своих проступков перед Кирком, занять свои места в парламенте и предоставить свои мечи в распоряжение короля. Аргайл, одержавший победу над этими людьми в своем процветании, был вынужден искать убежища в своем горном доме в Инверари. Его политика, направленная на то, чтобы возглавить демократическую партию, организованную духовенством, рухнула без надежды на восстановление. Национальное движение перешло в руки дворянства.

Таким образом, весной и в начале лета 1651 года Кромвелю пришлось столкнуться с сопротивлением, основанным на национальной политике, а не на крайних ковенантских мотивах. На данный момент он должен был оставить своих врагов без защиты. Он лежал в Эдинбурге, сраженный болезнью, и в течение некоторого времени его жизнь была под угрозой. Сейчас, как никогда, он мог опереться на силу Англии. Англичане не желали подчиняться шотландскому диктату. Заговоры с целью роялистского восстания были решительно подавлены, а подозреваемые роялисты в качестве превентивной меры заключены в тюрьму. В то же время часть нового ополчения, которое было недавно организовано, была поручена Харрисону - яростному энтузиасту, который был оставлен во главе оставшихся в Англии войск и которому теперь поручили охранять северную границу от шотландского вторжения.

Наконец-то Кромвель снова стал самим собой. В первых числах июня новая армия Карла расположилась у Стирлинга. Захват и заключение в тюрьму его английских партизан лишили его всякой надежды устроить диверсию на юге, и Лесли был вынужден вернуться к оборонительной тактике, с помощью которой он год назад защищал Эдинбург. В течение первых двух недель июля Кромвель тщетно пытался добиться боя. Лесли, занявший прочные позиции среди холмов к югу от Стирлинга, не мог повторить ошибку, совершенную им при Данбаре, и это время провизию и воду можно было достать без труда. Если Кромвель не собирался тратить свою армию впустую, он должен был перебросить ее в тыл врага, в результате чего дорога для его продвижения в Англию была бы открыта. За шесть месяцев до этого, пока вожди английского роялизма были на свободе, такой план был бы весьма опасным. Теперь же, когда они были арестованы, его можно было осуществить безнаказанно. Ламберта отправили в Норт-Квинсферри, и 20 июля он разбил при Инверкейтинге шотландские войска, высланные против него из Стирлинга. Не успел Кромвель последовать за своим лейтенантом, как 2 августа Перт перешел в его руки. Таким

образом, коммуникации шотландской армии в Стирлинге были перерезаны, и ей ничего не оставалось, как идти на юг в неопределенной перспективе, что она еще сможет найти союзников в Англии. То, что Кромвель смог совершить этот подвиг, объяснялось отчасти его владением морем, которое позволило ему безопасно переправить Ламберта через Форт, а отчасти его знанием того, что материальная часть шотландской армии значительно уступала его собственной. Если бы Лесли стоял во главе войска, способного встретить захватчиков в полевых условиях, Кромвель в Перте действительно мог бы оказаться в неудобном положении, поскольку в случае поражения его легко могли бы отбросить назад, чтобы он погиб в Горных горах. С другой стороны, следует признать, что английский генерал учился у своего противника. Именно сейчас - если не считать Престонской кампании, когда его поход на фланг Гамильтона был решен необходимостью забрать свою артиллерию в Йоркшире, - Кромвель впервые в своей жизни развил стратегическую силу, то есть способность комбинировать движения, в результате которых противник окажется в ложной позиции. Еще до того, как он последовал за Ламбертом, он вызвал Харрисона в Линлитгоу и приказал ему сдерживать шотландцев во время их похода через Англию.

Первый слух о том, что шотландская армия отделилась от Стирлинга и движется на юг, дошел до Кромвеля 1 августа. 2-го числа, оставив 6000 человек под командованием Монка - солдата, хорошо зарекомендовавшего себя в ирландских войнах, - для завершения покорения, он пустился в погоню. "Враг, - писал он Ленталлу, - в своем отчаянии и страхе, а также в силу неизбежной необходимости, бежит, чтобы попробовать, что он может сделать таким образом". Кромвель был застигнут врасплох. "Я полагаю, - продолжал он, - что если он отправится в Англию, находясь в нескольких днях марша перед нами, это вызовет беспокойство в мыслях некоторых людей и может причинить некоторым неудобства, которые, я надеюсь, мы так же глубоко осознаем, и были, и, я полагаю, будем так же старательно предотвращать, как и все остальные. И действительно, мы утешаемся тем, что в простоте сердца по отношению к Богу мы поступили наилучшим образом, зная, что если бы не было решено это дело, то это привело бы к еще одной зимней войне, к разорению ваших солдат, для которых шотландцы слишком тяжелы в отношении переноса зимних трудностей этой страны, и к бесконечным расходам сокровищ Англии на ведение этой войны. Можно предположить, что мы могли бы удержать врага от этого, встав между ним и Англией, и я верю, что могли бы; но как удалить его из этого места, не сделав того, что мы сделали, если бы у нас не было командующей армии по обе стороны реки Форт, нам не ясно; или как ответить на вышеупомянутые неудобства, мы не понимаем. Поэтому мы молим, чтобы, видя вероятность того, что враг доставит вам некоторые неприятности, вы с тем же мужеством, основанным на доверии к Богу, которое поддерживало вас в великих делах, в которых Бог использовал вас до сих пор, улучшили, насколько можете, те силы, которые у вас есть наготове и которые могут быть внезапно собраны, чтобы дать врагу некоторое препятствие, пока мы не сможем подойти к нему, что, мы верим в Господа, мы будем делать изо всех сил".

Харрисону были отправлены инструкции сопровождать врага на флангах, а Ламберту - в тылу, пока он двигался через Карлайл и Ланкастер. Сам Кромвель двинулся восточным путем, чтобы настигнуть шотландцев, как только сможет достаточно оторваться от их медленного марша. Единственный важный вопрос заключался в том, какая из противоборствующих армий сможет получить больше помощи в Англии. В Ланкашире граф Дерби собрал войска для короля, но был разбит Робертом Лильберном при Уигане и сам попал в плен. Когда 22 августа Карл достиг Вустера, к нему присоединился едва ли один англичанин. С другой стороны, под знамена Кромвеля стекались огромные массы ополченцев; и когда 3 сентября - в годовщину Данбара - состоялась последняя битва при Вустере, Кромвель командовал примерно 31 000 человек, в то время как численность шотландской армии не превышала 16

000. Кромвель, наведя лодочные мосты через Северн и Теме, мог перебрасывать свои полки с одного берега на другой по мере необходимости, и шотландцы, сражаясь изо всех сил, были разбиты как превосходством в численности, так и превосходством в дисциплине. Когда все было потеряно, Карл усакал с места бойни и, проделав полный приключений путь, бежал во Францию. "Размеры этого милосердия, - писал Кромвель, - превосходят мои мысли. Это, насколько я знаю, венчающая милость. Конечно, если это не так, то такая же будет у нас, если это побудит тех, кто в ней участвует, к благодарности, а парламент к исполнению воли Того, Кто исполнил Свою волю для него и для нации, чьим благоволением является установление нации и смена правительства, сделав народ столь готовым к его защите и столь знаменательно благословив усилия ваших слуг в этом великом деле".

Действительно ли народ встал на сторону Кромвеля, защищая "смену правительства"? Или они просто не хотели мириться с шотландским завоеванием? Как бы то ни было, прилив чувств придал парламенту кратковременную силу. Из известных шотландцев Гамильтон пал при Вустере, а большинство остальных теперь сидели в английских тюрьмах. Из немногих восставших англичан Дерби был обезглавлен в Болтон-ле-Мурс, а четверо его сторонников впоследствии были казнены. Порабощение Шотландии было завершено Монком.

Что же касается Кромвеля, то он погрузился в тихую и непритязательную жизнь, следя за дисциплиной в армии и готовый на своем месте в парламенте продвигать дело, которое было ему больше всего по сердцу, - создание Содружества, которому его победы дали передышку. По его мнению, как и по мнению многих незаинтересованных наблюдателей, пришло время основать правительство не на мече, а на согласии нации, и можно не сомневаться, что ни в один период между 1642 и 1660 годами не было больше шансов получить большинство в пользу новой системы, чем в этот. Кромвель, по крайней мере, сделал все, что было в его силах, чтобы добиться голосования за скорейший роспуск. Однако только большинством в два голоса парламент согласился назначить дату своего роспуска, а после голосования принял резолюцию, откладываящую это событие на три года. Можно не сомневаться, что эта резолюция нашла поддержку среди тех членов, которые разжирили на коррупции; но также можно было найти что-то в пользу мнения, высказанного за некоторое время до этого Мартеном, когда он сравнил Содружество с Моисеем, поскольку члены, заседающие сейчас, "были истинной матерью этого прекрасного ребенка, молодого Содружества", и, следовательно, его самыми подходящими кормилицами. Всеобщие выборы - это всегда своего рода лотерея, и самым слабым местом системы (или отсутствия системы), на которой было основано Содружество, было то, что оно никогда не представляло народ в целом и что его действия могли быть легко отвергнуты им, если бы с ним посоветовались.

Сбитый с толку желанием немедленно обратиться к избирателям, Кромвель решил использовать время, которое члены Содружества обеспечили себе сами, чтобы прийти к согласию с ведущими государственными деятелями относительно принципов будущего правительства. Он никогда не придерживался доктрины, согласно которой исполнительная власть должна быть передана непосредственно в руки выборного собрания или совета, подчиненного ему. Когда на состоявшейся конференции юристы заговорили о том, что Карл II или герцог Йоркский могут быть призваны принять правительство, если права англичан будут гарантированы, он ответил несколько прорицательно: "Это будет делом более чем обычной сложности; но на самом деле, я думаю, если это можно сделать с безопасностью и сохранением наших прав как англичан и христиан, то урегулирование с некоторой долей монархической власти было бы очень эффективным". Очень маловероятно, что Кромвель, будучи тем, кем он был, уже сформировал в своем уме какой-либо определенный план, но тенденция к курсу, который в конечном итоге привел к установлению протектората, вполне

очевидна. Обеспечение прав англичан и христиан, а не укрепление абсолютного верховенства парламентов было его постоянной целью. Думал ли он о том, что если монархическая власть должна быть передана кому-то не из дома Стюартов, то вряд ли она может быть передана кому-то другому, кроме него самого, - это вопрос, на который каждый должен ответить так, как считает нужным.

Конференция не привела ни к какому решению, и в первой половине 1652 года у Кромвеля было достаточно дел по защите религиозной свободы от тех, кто считал себя ее поборником. Еще до битвы при Вустере парламент принял закон о богохульстве, предусматривающий наказание за атеистические, богохульные и отвратительные мнения. В феврале следующего года на сайте публикация социнианского катехизиса привела в изумление даже убежденных сторонников веротерпимости. Джон Оуэн, ведущий независимый священник того времени, ставший благодаря влиянию Кромвеля деканом Крайстчерча и вице-канцлером Оксфордского университета, почти наверняка был автором схемы церковной организации, представленной им самим и двадцатью шестью другими членами Комитета по распространению Евангелия. Эта схема в своих основных чертах была впоследствии принята под Протекторатом. Должна была существовать учрежденная церковь, в которой служили бы ортодоксальные люди, принятые органом триеров, не обращая внимания на мелкие вопросы дисциплины, при условии, что они представляли бы свидетельство "о своем благочестии и здравой вере", подписанное шестью ортодоксами, и эти служители, если бы они доказали свою непригодность, могли бы быть удалены органом изгнанников. Другим религиозным организациям разрешалось собираться для богослужения, но унитарии и те, кто выступал против принципов христианства, должны были быть исключены из числа терпимых. Оуэн и его сторонники составили список из пятнадцати фундаментальных положений, которые никому не разрешалось отрицать. Это встревожило Кромвеля. "Я бы предпочел, - сказал он, - чтобы магометизм был разрешен среди нас, чем чтобы один из детей Божьих подвергался гонениям". Его позиция вызвала горячее одобрение Мильтона. "Кромвель, - писал поэт, чья слепота была ускорена его служением государству:

"Кромвель, наш вождь людей, который сквозь тучи
Не только войны, но и грубых бедствий,
Руководствуясь верой и беспримерной стойкостью,
К миру и правде твой славный путь проложил,
И на шее коронованной Фортуны гордой
Воздвиг ты трофеи Божьи, и дело Его продолжил,
Пока Дарвенский поток кровью шотландцев пропитан,
И Данбар поле громко славит тебя,
И Вустера лавровый венок: но многое еще предстоит
Завоевать еще предстоит; Мир имеет свои победы
Не менее знаменитые, чем война: новые враги появляются
Угрожая связать наши души светскими цепями,
Помогите нам спасти свободную совесть от лап
Наемных волков, чье Евангелие - их пасть".

Хотя Милтон в своем непрактичном идеализме выступал за прекращение всякой государственной поддержки духовенства, а Кромвель, насколько мы можем судить, всего лишь за замену неравномерного бремени десятины, как она взималась в те времена, каким-то другим способом, они сходились в том, что необходимо расширить религиозную свободу до предела, и в этом за Кромвелем стояла армия. Однако на данный момент решение было

отложено, поскольку Содружество было втянуто в войну, которая занимала все мысли его правителей.

В голландской войне, разразившейся в 1652 году, ни Кромвель, ни его братья-офицеры не принимали особого участия. С самого начала существования Содружества морская война с Францией фактически велась под предлогом возмездия за ущерб, нанесенный французскими кораблями английской торговле. Захват французских товаров на голландских судах раздражал нидерландцев, а Навигационный акт, принятый в 1651 году, лишил их большей части торговли в английских портах. В мае 1652 года Тромп, великий голландский адмирал, был послан с приказом противостоять праву на обыск, и, приблизившись к английскому флоту под командованием Блейка, он не спустил свой флаг, как того требовали английские командиры в знак удовлетворения их претензии на обеспечение суверенитета над британскими морями, которую Содружество получило от монархии. В результате иска началась война между двумя народами. В этой войне ни Кромвель, ни армия ему не симпатизировали. Придерживаясь мнения, что сила Англии, если она вообще используется, должна быть использована в интересах протестантизма, они не одобряли войну, развязанную против протестантской нации. С другой стороны, они не желали, чтобы английский флот играл подлую роль; и, полагая, что Тромп держал свой флаг поднятым в качестве заученного оскорбления, они не выступали против войны напрямую. Тем не менее, пока она продолжалась, любое предложение, способное привести к миру, обязательно получало поддержку Кромвеля и офицеров.

Если лидеры Содружества были погружены в подготовку к войне, то офицеры армии не забыли о своем требовании реформ в церкви и государстве, и, принимая во внимание медлительность парламента в отношении этих реформ, их мысли снова были направлены на роспуск парламента в гораздо более ранние сроки, чем те, которые были определены самой палатой. К концу июля Совет армии - теперь состоявший из одних офицеров - рассмотрел петицию, адресованную парламента, и попросил "немедленно избрать нового представителя". Когда петиция была наконец передана в парламент, этот пункт уступил место другому, в котором просто содержалась просьба к парламента рассмотреть некоторые квалификационные требования, которые обеспечили бы "избрание только тех, кто благочестив и верен интересам Содружества, чтобы заседать и служить в качестве членов в указанном парламенте", таким образом, перейдя от требования роспуска с последующими всеобщими выборами к требованию частичных выборов для заполнения существующих вакансий. Хотя прямых доказательств не существует, есть веские основания полагать, что эта замена была произведена в результате вмешательства Кромвеля. Но даже тогда он не поставил свою подпись под петицией.

Именно как посредник, а не как партизан, Кромвель проявил себя в тот момент, когда армия - после более чем двухлетнего перерыва - вновь начала оказывать давление на парламент. С одной стороны, парламент был дискредитирован не только своей неспособностью провести требуемые реформы, но и широко распространенным мнением, что многие его члены в полной мере использовали свои возможности для гнева. С другой стороны, эта дискредитированная палата, хотя и изуродованная, почти не имевшая подобия конституционного права, все же была единственным оставшимся в живых органом, к которому относилось хотя бы подобие. Возможно, Кромвель и не был авторитетом в области конституционного права, но он инстинктивно понимал истину, на которой основано все конституционное право: первое, что необходимо в институтах любой страны, - это не то, чтобы они были теоретически обоснованными, а то, чтобы они встречали всеобщее одобрение. Те, кто, подобно нам, может оглянуться на то волнующее время с безопасной

позиции, которую мы занимаем, могут увидеть, что в том, что касается конституционных вопросов, работа людей семнадцатого века заключалась в замене парламента на корону в качестве основы власти, и, соответственно, нам очень трудно поставить себя в положение тех, для кого была развёрнута только часть драмы. В 1652 году, по крайней мере, было невозможно апеллировать к усеченному парламенту как к представителю нации. Но как можно было основывать авторитет на любом новом парламенте, который хотя бы приблизительно представлял нацию? За исключением крайних теоретиков, не было никакого желания вызывать такой призрак. Уже в 1650 году Вейн, выступая от имени парламентского большинства, отстаивал схему частичных выборов, которая оставляла в распоряжении депутатов их места, и теперь армейские лидеры предлагали заменить ее всеобщими выборами, измененными квалификационными требованиями, которые исключали бы всех людей с роялистскими наклонностями. Таким образом, вопрос, разделявший в это время парламент и армию, сводился к выбору наилучшего средства контроля над национальным вердиктом. План каждой из сторон мог быть таким, который люди могли бы разумно принять в соответствии с различными точками зрения. Ни один из них не мог вызвать энтузиазма или быть общепринятым в качестве новой основы власти, вокруг которой, как можно ожидать, сплотится нация. Нет оснований полагать, что Кромвель мог предложить что-то лучшее, и совершенно точно, что принятая в наши дни теория о том, что лучше позволить нации учиться на опыте несчастий, чем принуждать ее, даже к ее собственной выгоде, в определенном направлении, не имела сторонников в 1652 году, и меньше всего она могла найти защитника в Кромвеле.

Кромвель очень верил в силу конференций, на которых подобные проблемы могли бы обсуждаться людьми доброй воли, разделенными лишь интеллектуальными различиями. Именно с помощью обращения к комитету он преодолел трудности, с которыми столкнулся, когда левеллеры в 1647 году преждевременно потребовали суда над королем. Теперь, в октябре 1652 года, он добился проведения конференции между ведущими членами парламента и главными должностными лицами. "Я полагаю, - заявлял он впоследствии, - что мы провели по меньшей мере десять или двенадцать встреч, смиренно умоляя и прося их, чтобы они своими силами принесли те хорошие вещи, которые были обещаны и ожидалось; чтобы могло показаться, что они сделали их не по внушению армии, а благодаря собственной изобретательности, так нежно мы хотели сохранить их в репутации народа". Вейн и Брэдшоу, и даже, с политической точки зрения, Генри Мартен, поборники существующего парламента, были людьми высочайшей пробы и справедливо опасались уступить либо военной диктатуре, либо роялистской реакции. Кромвель же, напротив, все больше обращал внимание на непосредственное зло существующей системы. "Как трудно и сложно было, - жаловался он несколько позже, - добиться проведения чего-либо, не создавая партий, без вещей, недостойных парламента". В ноябре он открыл свои мысли Уайтлоку. "Что касается членов парламента, - сказал он, - то армия начинает испытывать к ним странное отвращение, и я хотел бы, чтобы для этого не было слишком много причин; и действительно, их гордость и честолюбие, их корыстолюбие, захват всех почетных и выгодных мест для себя и своих друзей, и их ежедневное разделение на новые и жестокие партии и фракции; их задержка в делах и намерение увековечить себя и сохранить власть в своих руках; их вмешательство в частные дела между партиями вопреки институту Парламента, их несправедливость и пристрастность в этих делах, и скандальная жизнь некоторых из их главных; эти вещи, милорд, дают много оснований людям открывать рот против них и не любить их; и они не могут быть удержаны в рамках справедливости и закона или разума, они сами являются верховной властью нации, не подлежат никакому учету, ни контролю или регулированию со стороны любой другой власти; не существует ни одной высшей или координационной с ними." Кромвель, очевидно, возвращается к своему

предложению о смешении чего-то монархического с существующими институтами. "Если, - продолжал он, - не будет какого-то авторитета и власти, столь полной и высокой, чтобы сдерживать и поддерживать лучший порядок, и которая могла бы быть сдерживающим фактором для этих непомерностей, то человеческому разуму будет невозможно предотвратить наше разорение". На возражения Уайтлока по поводу конституции он резко ответил: "А что, если человек возьмет на себя обязанность быть королем?". Уайтлок ответил, что было бы лучше отозвать Карла II. Высказывание Кромвеля было явно непредусмотренным, и его можно рассматривать как признак того, что идея собственного возвышения даже в столь ранний период присутствовала в его сознании, по крайней мере, как возможность, хотя и далекая от того, чтобы выкристаллизироваться в устоявшийся замысел.

В мыслях подчиненных Кромвеля было не восстановление королевской власти, а скорейшее избрание нового парламента. В январе 1653 года они разослали по полкам циркуляр, в котором просили солдат и офицеров одобрить петицию за "последовательные парламенты, состоящие из людей, верных интересам Содружества, людей правдивых, боящихся Бога и ненавидящих корысть", а также за реформу законов и свободу совести. Некоторое время казалось, что парламент согласится ускорить свой роспуск. Однако в марте, хотя законопроект о новых выборах и был рассмотрен, темп работы снизился, и надежды армии вновь рухнули. В армии, действительно, было далеко не полное единодушие. Партия во главе с Ламбертом была бы довольна новым парламентом, из которого были бы исключены враждебные Содружеству члены, в то время как ревностный Харрисон отстаивал принципы Пятой монархии и просил доверить управление страной нравственным и религиозным людям, не прибегая к всенародным выборам. И Ламберт, и Харрисон единодушно призывали Кромвеля приступить к насильственному роспуску. Кромвель долго колебался. "Меня подталкивают, - жаловался он, - две партии, чтобы я сделал это, и от размышления над этим вопросом у меня волосы встают дыбом".

Если бы только удалось убедить парламент освободить дорогу своему преемнику на условиях, предложенных армией, Кромвель первым бы обрадовался. В начале апреля он все еще был готов поддержать парламент, если тот всерьез займется подготовкой законопроекта о новых выборах. Однако 6-го числа, в один из дней, назначенных для его рассмотрения, билль был спокойно пропущен. Постепенно выяснилось, что законопроект, когда он будет завершен, будет разрешать любимую схему Вейна о частичных выборах, при этом старые члены не только сохраняют свои места, но и сформируют избирательный комитет с правом исключать любого члена, чье присутствие было им неприятно. Есть даже основания полагать, что предполагалось, что такая схема должна быть постоянной и что каждый последующий парламент должен иметь право избавляться от тех членов, которые ему не по вкусу. Более того, как только законопроект был принят, парламент должен был объявить перерыв до ноября, чтобы не иметь возможности отменить или изменить акт под давлением военных.

Такое решение должно было до крайности раздражать Кромвеля. 15 апреля, отсутствуя в парламенте целый месяц, он вернулся на свое место, чтобы выступить против него. "Самое время", - так ответил один из ведущих деятелей на его просьбу о новом парламенте, - "выбрать нового генерала". В ответ Кромвель предложил свою отставку, но поскольку не нашлось офицера, который мог бы занять его место, требование об отставке было вскоре снято. Все еще стремясь к компромиссу, он сделал новое предложение. Почему бы не преодолеть трудности путем временной приостановки парламентской системы и не назначить орган из здравомыслящих людей, чтобы учесть потребности времени и

подготовить почву для ее восстановления. Это предложение было рассмотрено на встрече офицеров и парламентариев 19-го числа, но, как и следовало ожидать, оно вызвало противодействие, и после заседания, затянувшегося до самой ночи, конференция распалась под обязательство, данное, как кажется, Вейном, что присутствовавшие члены палаты сделают все возможное, чтобы помешать продвижению законопроекта на следующее утро.

Когда наступило утро, Палата, взяв долото между зубами, отбросила обещания своих лидеров и настояла на продолжении работы над биллем. Для материальных интересов рядовых членов парламента было гораздо важнее избежать необходимости столкнуться со своими избирателями, чем для таких людей, как Вейн или Брэдшоу, которые почти наверняка были бы переизбраны в любом случае. Однако никогда не утверждалось, что Вейн или Брэдшоу предприняли шаги, чтобы убедить взволнованный Дом действовать в соответствии с обещанием, данным накануне вечером. Харрисон сразу же отправил послание Кромвелю, чтобы предупредить его об опасности, и Кромвель, очевидно, расценил действия членов палаты как явное нарушение веры со стороны Вейна. Поспешив в палату, не дав себе времени сменить простую черную одежду и серые камвольные чулки, которые, по-видимому, считались неподходящими для члена парламента на его месте, он некоторое время сидел молча. Когда спикер поставил вопрос о том, что "этот билль принят", он поднялся, чтобы выступить. Остановившись сначала на заботах и попечении об общественном благе, которые были характерны для первых дней Долгого парламента, он перешел к обвинению членов в их последующих проступках, выставляя на всеобщее обозрение "их несправедливость, задержки правосудия, корысть и другие недостатки... обвиняя их в том, что у них нет сердца делать что-либо для общественного блага" и что они "поддерживали продажные интересы пресвитериев и юристов, которые были сторонниками тирании и угнетения". Последним их преступлением была нынешняя попытка увековечить свою власть". "Возможно, - продолжал он, гнев его нарастал по мере того, как он говорил, - вы думаете, что это не парламентский язык. Признаюсь, это не так, и вам не следует ожидать подобного от меня". Затем, прохаживаясь по полу палаты, он указывал на отдельных членов, обвиняя их в коррупции или безнравственности. "Не следует, - добавил он, - чтобы вы больше заседали как парламент. Вы уже достаточно долго заседали, если бы не сделали больше добра". Затем, по требованию сэра Питера Уэнтурта, он решился на последний шаг. "Ну же, ну же!" - крикнул он, - "Я положу конец вашему пустословию. Вы не парламент. Я говорю, что вы не парламент. Я положу конец вашему заседанию". Затем, обратившись к Харрисону, он произнес роковые слова: "Позовите их, позовите их". Дверь распахнулась, и тридцать или сорок мушкетеров ворвались внутрь. "Это, - воскликнул Вейн, - нечестно, это противоречит морали и честности". Именно нарушенному слову Вейна Кромвель, искренне или ложно, приписал необходимость действовать так, как он действовал сейчас. Несомненно, с ноткой грусти в голосе он обратился к своему старому другу - своему брату, как он уже давно называл его, - с завуалированным упреком: "О, сэр Генри Вейн! Сэр Генри Вейн! Избавь меня Господь от сэра Генри Вейна!"

Вскоре зал заседаний был очищен. Харрисон спустил с кресла спикера Ленталла. Алджернона Сидни пришлось уводить с помощью принуждения. Большинство членов, уступив неизбежному, покинули зал, не встретив даже номинального сопротивления. "Это вы, - сказал Кромвель, когда они проходили мимо него, - вынудили меня к этому, ибо я денно и ночно взывал к Господу, что Он скорее убьет меня, чем поручит мне это дело". Взглянув на булаву, он спросил: "Что нам делать с этой безделушкой?" Приказав капитану Скотту убрать ее со стола, он велел ему унести ее. Когда все было закончено, он, спрятав билль о выборах под плащом, вернулся в Уайтхолл. Во второй половине дня он разогнал Государственный

совет, заверив его членов, что они больше не могут заседать, поскольку парламент распущен. "Сэр, - ответил Брэдшоу, - мы слышали, что вы сделали в Палате утром, и еще много часов назад это услышит вся Англия; но, сэр, вы ошибаетесь, думая, что парламент распущен, ибо никакая власть под небесами не может распустить его, кроме самой себя; поэтому примите это к сведению".

ГЛАВА V. НОМИНИРОВАННЫЙ ПАРЛАМЕНТ И ПРОТЕКТОРАТ.

Как и в случае с судом над королем, так и в случае с изгнанием парламента Кромвель был вынужден вновь прибегнуть к использованию военной силы. Законность в обоих случаях была явно против него. Однако не следует забывать, что он был последним, кто согласился на применение силы, и что его утверждение о том, что заседающие члены - это не парламент, было вполне обоснованным. Пониженные бегством роялистов к королю в 1642 году и чисткой Прайда в 1648 году, они, просуществовав двенадцать с половиной лет, мало что сохранили от того представительного характера, который является самой сутью парламента. По крайней мере, на этот раз Кромвель был уверен в благосклонности народа. Ни один голос не прозвучал в защиту изгнанных членов. Вечером на дверях здания парламента какой-то подлец нацарапал: "Этот дом должен быть сдан без мебели". Парламент исчез под всеобщие насмешки. Несмотря на все это, работа перед Кромвелем была связана с огромными - возможно, даже безнадежными - трудностями. Не имея ни парламента, ни короля, нация была вынуждена за счет собственных ресурсов восстанавливать свои институты как можно лучше. Было неизбежно, что в такой буре он должен был вернуться к старым путям и не видеть перспектив установления правительства, кроме как в восстановлении трона или, по крайней мере, в избрании нового парламента. Однако именно этого больше всего боялись Кромвель и все, кто был с ним связан. Было слишком вероятно, что такое решение уничтожит не только пуританство, но и все надежды на политические реформы. На карту было поставлено все, за что сражалась армия и за что страдала нация, и не в человеческой природе - и уж точно не в природе Кромвеля - принести такую жертву без борьбы. То, что такая борьба может быть продолжена только при поддержке армии, было само собой разумеющимся. Однако Кромвель был последним из людей, кто хотел установить чисто военное правительство, а армией, надо отдать ему должное, командовали люди, которые в большинстве своем желали поддержать своего генерала в эксперименте по установлению гражданского правительства, что позволило бы обойтись без вмешательства военной власти. Трагедия - славная трагедия последующей карьеры Кромвеля - заключалась в невозможности навсегда подавить инстинкты военных политиков вмешиваться в пользу тех гарантий, которые они считали необходимыми для поддержания дела, которое они так долго поддерживали всеми силами.

Недоверие к избирателям стало главной чертой следующего шага Кромвеля. Предложенный им компромисс в виде временного создания неизбирательного органа для подготовки основы для урегулирования, пока парламентские институты остаются в подвешенном состоянии, был принят офицерами. Ламберт, который выступал за схему создания Государственного совета, очевидно, предусматривающую увеличение независимости исполнительной власти, а также избрание парламента с ограниченными функциями, не смог провести свои взгляды в жизнь. Для ведения текущих дел был создан небольшой Государственный совет, но именно в Совете должностных лиц должен был решаться главный вопрос о конституции. Кромвель, после некоторых колебаний, поддержал совершенно иную

схему, предложенную Гаррисоном, блестящим солдатом, который боялся, что правительство окажется в руках кого-либо, кроме Святых. Однако Кромвель, приняв в целом взгляды Гаррисона, решил изменить их, чтобы сделать новое собрание чем-то большим, чем группа благочестивых фанатиков. Поэтому он хотел, чтобы в его состав вошли известные личности - даже Фэрфакс, - которые выступали против короля, но не были связаны с крайними слоями общества, нашедшими поддержку в глазах Гаррисона. В итоге было решено, что Совет должностных лиц должен предложить кандидатуры от конгрегациональных церквей в каждом графстве, оставив за собой право отклонить названных лиц, а также добавить имена, которым не нашлось места в списке. 8 июня выбранные лица получили грамоты, выданные на имя Кромвеля как генерального лорда. Была предпринята попытка добиться включения в список не только Фэрфакса, но и Вейна, однако ни один из них не согласился занять место в новом собрании.

4 июля кандидаты от армии заняли свои места в Вестминстере. Кромвель, во всяком случае, полностью проникся духом этого события. В длинной речи он выразил свой восторг от того, что правительство наконец-то передано в руки благочестивых людей. Ни одна подобная власть, торжествуя, провозгласил он, никогда прежде не передавалась людям на том основании, что они принадлежат Богу и принадлежат Ему. На этот раз эмоциональная сторона его натуры взяла верх над практическим здравым смыслом. Он долго и подробно рассказывал о проступках парламента прошлого созыва и отвергал мысль о том, что у него было намерение подменить своей властью власть покинутой палаты. На нем и его коллегах лежала обязанность "не хвататься за власть самим и не держать ее в руках военных, ни дня, но, насколько Бог даст нам сил и способностей, передать ее в руки надлежащих лиц, которые могут быть призваны из разных частей нации". "Эта необходимость, - продолжал он, - и, надеюсь, мы можем сказать за себя, эта целостность заключения о лишении меча всей власти в гражданских администрациях, была тем, что подвигло нас подвергнуть вас этой беде". Затем, подчеркнув провиденциальный характер миссии членов новой ассамблеи, он призвал их с помощью многочисленных цитат из Писания взять на себя власть людей, которых Бог поставил правителями страны. Что же тогда говорить об идеале выборных парламентов, который так глубоко засел в сознании того поколения? "Если бы сейчас было время, - предложил он, - сравнить свое положение с положением тех, кто был избран голосованием народа - кто может сказать, как скоро Бог сможет приспособить народ к такому делу? Никто не может желать этого больше, чем я! Если бы все были людьми Господа; как сказано: "Если бы все люди Господа были пророками": Я хотел бы, чтобы все были пригодны для призвания". Со временем, конечно, это стало бы возможным, когда доброе и религиозное поведение этого собрания завоевало у людей любовь к благочестию. "Не это ли самый верный способ привести их к свободе?" В конце концов, после долгих наставлений пророков и псалмопевцев, он передал всю власть, временно осуществляемую им самим, в руки своих слушателей, объявив им, что их власть также будет временной. Они должны были удерживать ее только до 3 ноября 1654 года, а затем уступить место второму собранию, которое должно было быть избрано ими самими, - собранию, которое должно было заседать не более года, и за это время оно должно было выработать положение о будущем управлении страной.

Вопреки намерениям тех, кто ее созвал, новая ассамблея дерзко взяла на себя название парламента. На самом деле оно было всего лишь органом номинантов, и Лилбурна снова вывели на поле боя. В 1649 году Лилбурн был судим и оправдан, но впоследствии был изгнан Долгим парламентом, который добавил к своему приговору заявление о том, что он будет виновен в преступлении, если в любой момент вернется в Англию. Теперь он снова появился в Лондоне, где его отправили в тюрьму, снова судили и снова оправдали. Он и его

сторонники придерживались той точки зрения, что существующий сейчас так называемый парламент вовсе не является парламентом, поскольку он не был избран народом. С полного согласия Кромвеля Лильберна оставили в заключении, а затем перевезли на Джерси, куда его не мог доставить ни один приказ *habeas corpus*.

На какое-то время нападение Лильберна укрепило союз между лордом-генералом и кандидатами, которым была доверена политическая власть. Однако практический смысл Кромвеля не сразу встревожил их действиями. Действительно, как уже не раз говорилось, большинство членов были простыми энтузиастами, но энтузиасты с головой ушли в парламентскую работу, редко отсутствовали в палате и всегда были готовы проголосовать, когда возникало разногласие; в то время как те, кто им не доверял, не всегда могли осознать важность своих парламентских обязанностей и были склонны под влиянием интереса или удовольствия не поддерживать свое мнение голосами. Вскоре обнаружилось, что партии разделяют два вопроса: реформа законодательства, особенно реформа канцелярии, и религиозная организация, отличная от обязательного единообразия под руководством епископов или пресвитеров. В обоих этих вопросах Кромвель был крайне заинтересован, и можно не сомневаться, что если бы выдвинутый парламент вел себя с должным учетом практических соображений, он сохранил бы его добрую волю до конца. К сожалению, этого не произошло. Он предложил полностью упразднить Канцелярский суд, передав, таким образом, враждебным судьям Общего права систему справедливости, которая с пользой развивалась на протяжении многих поколений, а также с легким сердцем взялся за кодификацию права, хотя в палате не было ни одного практикующего юриста, в надежде, что "огромные тома закона будут сведены к размеру карманной книжки". Неудивительно, что Кромвель обронил на ухо своему другу слова: "Теперь меня больше беспокоит дурак, чем плут". Неудивительно также, что в сентябре он отошел от Гаррисона, под влиянием которого принял решение о созыве номинантов, и с большим уважением прислушался к Ламберту, военному представителю конституционализма и решительному противнику политического фанатизма.

Положение Кромвеля осложнялось его связью с этим злополучным собранием. 14 сентября по улицам были разбросаны листовки, обвинявшие его в измене "его лордам, народу Англии", не потому, что он разбил жалкие остатки Долгого парламента, а потому, что он препятствовал избранию новой палаты, и весьма вероятно, что большое число людей, не имевших никакого отношения к распространению листовок, разделяло это мнение. Еще большую опасность представляла апелляция к армии, которой завершали свое выступление авторы. Было известно, что многие солдаты и даже офицеры были неспокойны из-за приостановки всенародных выборов, и было сочтено необходимым добиться покорности путем кассирования подполковника Джойса, который в прошлом, будучи корнетом, унес короля из Холмби-Хауса, а теперь перешел на сторону тех, кто взывал к конституционным правам.

В вопросе о церковной организации парламент был столь же ниспровергающим, как и в вопросе о реформе законодательства: многие его члены придерживались мнения проповедников Пятой монархии, что управление государством должно находиться исключительно в руках Святых, и, что неестественно, пришли к выводу, что они сами являются Святыми; таким образом, взяв широкий вопрос наперекор теории, согласно которой правительство должно управляться или контролироваться избранными представителями нации. Непосредственный спор, однако, сводился к нежеланию передовой партии продолжать какое-либо облечение духовенства. Кромвель, правда, не раз высказывался резко против существующей системы десятины и был готов согласиться с

любым планом по устранению ее злоупотреблений или замене ее, как это было предложено в "*Соглашении народа*", представленном армией, более справедливым способом сбора средств, необходимых духовенству. Дальше этого он вряд ли пошел бы, и дело дошло до кризиса из-за принятой 17 ноября резолюции об отмене патронажа, а еще больше из-за решения Палаты 10 декабря - хотя и большинством в два голоса - отвергнуть схему церковного управления, основанную в основном на линиях, начертанных Оуэном, в которой выплата десятины была взята за финансовую основу.

За некоторое время до последнего голосования главные должностные лица под руководством Ламберта рассмотрели план письменной конституции, в которой исполнительная власть должна была быть усилена и передана Кромвелю с титулом короля, а законодательная - выборной ассамблее, что воплощало идеи, высказанные Кромвелем на его конференции с юристами и политиками в конце 1651 года. Когда работа над конституцией была завершена, ее показали Кромвелю, который возражал против королевского титула и, похоже, не желал иметь ничего общего с еще одним насильственным роспуском. 10 декабря, когда проходило голосование по вопросу об организации церкви, Ламберт и его союзники нашли удобный случай. Вероятно, они пообещали Кромвелю, что палата будет распущена по его собственному решению, и, получив это заверение, он предпочел не сообщать о том, каким путем будет достигнута эта желанная цель. На самом деле этот путь был достаточно прост. Консервативные реформаторы, если они решили присутствовать на заседании в полном составе, составляли большинство, и 12-го числа они встали рано и стекались в палату, где, прежде чем их ошеломленные противники смогли собраться с силами, они немедленно проголосовали за то, чтобы парламент сложил свои полномочия в руки лорда-генерала. Затем, отправившись процессией в Уайтхолл во главе со спикером, они объявили Кромвелю о принятом решении. Их передовые коллеги сохранили свои места, но при попытке возразить были изгнаны телом из солдат. Поскольку в отсутствие спикера они технически не могли считаться палатой, те, кто вмешался, смогли без литературной неправды заявить, что насильственного роспуска парламента не было.

За очень короткое время Кромвель согласовал с офицерами конституцию, которая должна была быть принята под названием *The Instrument of Government*. Исполнительная власть должна была принадлежать лорду-протектору и Совету, члены которого назначались пожизненно, а первым протектором был назначен Кромвель. Законодательная власть без ограничений передавалась парламенту, избираемому по округам, сформированным, насколько это касалось графств, на основе нового избирательного права, при этом избирательное право в округах оставалось в прежнем аномальном состоянии. Эта последняя уступка предрассудкам, однако, имела меньшее значение, поскольку масштабное перераспределение мест, скопированное с небольшими изменениями из схемы, предложенной в "*Соглашении народа*", значительно увеличило число членов графств и лишило избирательных прав в равном количестве меньшие боро, которые попали под влияние сельских джентльменов. Созданный таким образом парламент должен был собираться раз в три года и заседать не менее пяти месяцев. Любой законопроект, принятый этим органом, должен был быть приостановлен на двадцать дней, чтобы дать возможность Протектору объяснить возражения, которые он может иметь против него. Если парламент отказывался выслушать его возражения, законопроект становился законом вопреки ему, при условии, что он не содержал ничего противоречащего самому документу. Отрицательный голос, о котором так много было слышно в последние годы правления Карла I, не был, таким образом, закреплен за Протектором. При всем том контроль над исполнительной властью имеет большее значение для развития представительных учреждений, чем законодательная независимость, и в этом отношении власть парламента над исполнительной властью была

самой слабой, состоящей лишь в праве предлагать шесть имен, когда в Совете появлялась вакансия, из которых Совет выбирал два, а Протектор снова делал свой выбор между ними. Даже финансовые вопросы, через которые парламенты обычно прокладывают себе путь к власти, были решены таким образом, чтобы лишить избранную палату возможности получить даже косвенный контроль. Правда, документ начинался с огульного заявления о том, что "ни один налог, сбор или повинность" не должны "взиматься с народа иначе как с общего согласия в парламенте", но за этим заявлением следовал пункт о выделении Протектору 200 000 фунтов стерлингов на гражданские расходы, а также столько же на содержание флота и армии в 30 000 человек, и эта сумма, на которую не было установлено никаких определенных ограничений, должна была быть собрана за счет таможенных сборов "и других способов и средств, которые будут согласованы Протектором и Советом". Как армии и флота, обеспеченных таким образом, Протектор должен был распоряжаться и отдавать приказы с согласия Парламента во время его короткой сессии, но в течение всех остальных трех лет - только с согласия Совета. Однако было бы ошибкой утверждать, что этот документ устанавливал абсолютное правительство в Англии. Протектор был обязан действовать под контролем Совета, и хотя почти не сохранилось никаких записей о политических действиях этого органа, достаточно, чтобы показать, что, хотя личное влияние Кромвеля на него было неизбежно велико, он ни в коем случае не был простым инструментом в его руках. Таким образом, конституционный контроль, которому подвергался Протектор, был реальным, хотя этот контроль находился в руках органа, который собирался тайно и был достаточно эгоцентричен, чтобы не претендовать на популярность речами, произносимыми в ходе дискуссий между его членами, как это делало бы более популярное собрание. Наконец, религиозная свобода была обеспечена всем общинам, которые не признавали "папства или прелата", а право издавать ордонансы, имеющие силу закона, было предоставлено Протектору и Совету до первого заседания парламента.

Часто утверждается, что этот документ является самым ранним примером системы фиксированных конституций, наиболее ярким примером которой является конституция Соединенных Штатов, и поэтому он должен быть причислен к таким конституциям, а не к системе парламентского верховенства, которая в конечном итоге была принята в Англии. Сравнение с американской конституцией, однако, может выдержать только тот, кто решительно настроен фиксировать свое внимание на сходствах и игнорировать различия. Документ, действительно, похож на Конституцию Соединенных Штатов тем, что отказывается подчинять носителей исполнительной власти постоянному контролю законодательной власти, а также тем, что отношения между органами государства изложены в письменном документе. По более важным пунктам существует общемировое различие. В Америке вся федеральная конституция отражает народный контроль. Каждые четыре года президент переизбирается или сменяется, и хотя Конгресс не может отстранить президента от должности, кроме как в результате судебного импичмента, он полностью контролирует финансы и может оставить его без снабжения. Добавьте к этому укоренившуюся привычку американского народа выражать народное мнение и доводить его до сведения правительства, которое он сам себе предоставил, и мы найдем мало причин искать в Конституции Соединенных Штатов оправдание Инструмента - документа, составленного солдатами и наделяющего главу государства и его советников пожизненным пребыванием на посту, многочисленными вооруженными силами и полномочиями по налогообложению, достаточными для удовлетворения всех обычных потребностей в мирное время. Вопрос, поднятый в документе, заключался не в том, должен ли национальный контроль осуществляться косвенно через парламент или напрямую через народное голосование, а в том, должен ли он осуществляться вообще. Конституционные принципы, одинаково

уважаемые в Англии и Америке, диаметрально противоположны тем, на которых было основано правительство Протектората.

16 декабря 1653 года Оливер был установлен в Вестминстере в качестве лорда-протектора в соответствии с условиями документа. Его Совет состоял из семи офицеров и восьми гражданских лиц, самым заметным из которых был сэр Энтони Эшли Купер - более известный под титулом, который Карл II долгое время спустя присвоил ему как графу Шафтсбери, - который был активным членом Советов, сформированных после распада Долгого парламента. Насколько мало известно о его действиях в этот период жизни, его приверженность Протекторату можно объяснить только убеждением, что Оливер всерьез намеревался придать новому правительству преимущественно гражданский характер и оградить его от рук фанатиков, с одной стороны, и солдат - с другой. В лице Турлоэ, который с весны 1652 года исполнял обязанности секретаря Совета, протектор приобрел чиновника, чьи способности не вызывали сомнений, который не жалел никаких трудов и который с помощью сети шпионов, чью бедность он использовал, проницательно выводил секреты заговорщиков как внутри страны, так и за рубежом.

Протекторат, по крайней мере, оказался вне непосредственной опасности благодаря поддержке армии и флота. Не менее важным было согласие судей, среди которых был почтенный человек и выдающийся юрист Мэтью Хейл, заслуживший одобрение Оливера своими заслугами в деле реформирования законодательства. Хейл, правда, сообщил протектору, что, поскольку он лично желает реставрации роялистов, он может остаться в судейском корпусе только при условии, что его освободят от участия в процессах над политическими заключенными. Оливер тут же дал требуемое обещание. Компромисс был выгоден обеим сторонам.

Протектор, взяв на себя управление страной, нажил достаточно врагов, чтобы не отказываться от поддержки столь ценного помощника. К роялистам, надеявшимся легче нанести удар по одному человеку, чем по парламенту, добавились проповедники Пятой монархии, считавшие Оливера "мерзким человеком, которому они не отдадут честь королевства", но который должен "прийти мирно и получить королевство с помощью льстецов", как предсказывал пророк Даниил. Они были тем опаснее, что у них были сторонники в армии, тем более что Гаррисон, разделявший их взгляды, рассматривался передовыми членами выдвинутого парламента как возможная замена Оливера в командовании. Поэтому первой репрессивной мерой Протектората стало заключение под замок двух самых буйных проповедников и лишение Харрисона его полномочий. Такие люди были по-настоящему опасны лишь тем, что удерживали часть армии, в то время как люди Содружества, такие как Брэдшоу и Вейн, хотя и не могли возглавить вооруженное сопротивление, были сильны в убеждении, которое они разделяли со значительным числом своих соотечественников, что единственную возможность защиты от зла военного правления можно найти в возвращении к законности. Правда, для них законность заключалась в восстановлении суверенного парламента, в то время как роялисты видели ее в реставрации короля, но если бы когда-нибудь время и обстоятельства соединили эти две идеи воедино, возникло бы мнение, которое до последнего пыталось бы разрушить структуру правительства, построенного на других принципах.

Задача Оливера была неизбежно обусловлена характером оппозиции, с которой ему пришлось столкнуться. Его новая система, если она должна была иметь шанс стать постоянной, должна была понравиться тому большому большинству людей, которые не следуют никаким идеалам, но довольствуются жизнью при любых правилах, каково бы ни было их происхождение, если только правители предоставляют им разумную защиту и в

достаточной степени сочувствуют управляемым, чтобы относиться к ним с любовью, а не со страхом. Именно это качество помогло Елизавете сделать сомнительное юридическое положение шагом в ее триумфальной карьере, и только на Елизавету среди последних английских государей Оливер смотрел с уважением и восхищением. Он также не был лишен многих качеств, которые сделали Елизавету великой. Он обладал тем же патриотизмом, тем же умением подбирать агентов, тем же нетерпением к партийному ожесточению в церкви и государстве, той же готовностью уповать на целительные добродетели времени. Главные препятствия на пути повторения успеха Елизаветы заключались не только в пятне королевской крови на его руках, но и в том, что он руководил армией, офицеры которой формировали свое поведение в соответствии с различными религиозными и политическими идеями. Он пришел к власти благодаря симпатиям этих людей. Можно ли было заручиться симпатией нации, не оттолкнув от себя армию, на поддержку которой он должен был рассчитывать до тех пор, пока не сможет поставить свою власть на более широкую основу?

В первой и самой легкой части задачи, стоявшей перед Протектором, - возмещении обид, тяготевших над народом, - не было никаких колебаний. Документ наделял Оливера и его Совет правом издавать указы, имеющие силу закона вплоть до заседания парламента; и за восемь с небольшим месяцев было издано не менее восьмидесяти двух таких указов с возможностью внесения поправок, если парламент решит вмешаться. Совет, по сути, был похож на современный кабинет министров и обладал гораздо большей способностью инициировать законодательство, чем парламент, состоящий из нескольких сотен членов, и то, что эти ордонансы вызвали так мало критики, можно считать удовлетворительным доказательством того, что для укрепления правительства, которое было главным аргументом основателей новой конституции, имелись веские основания. Ордонанс о реформе канцелярии, безусловно, подвергался консервативным возражениям юристов и, несомненно, подлежал улучшению, но он был направлен на устранение признанных злоупотреблений, особенно на ускорение работы суда, чьи долгие задержки вызывали то всеобщее раздражение, которое поддерживало даже преувеличенные предложения выдвинутого парламента.

Еще более важным было принятие новой схемы церковного управления. Священник, представленный к проживанию, должен был получить свидетельство о пригодности от трех известных благочестивых и честных людей, один из которых должен был быть действующим священником; затем он должен был передать это свидетельство определенным уполномоченным, известным как триеры, и получить их свидетельство, что он "человек по благодати Божьей в нем, его святому и непорочному разговору, а также по его знаниям и высказываниям, способный и пригодный для проповеди Евангелия". Став инкубентом, он мог быть изгнан местным органом изгнанников за безнравственность или за богохульные или атеистические взгляды. До тех пор пока он сохранял свою должность, он мог поддерживать любую пуританскую систему, какую только пожелает, и организовать свою общину по пресвитерианской, независимой или баптистской системе, если ему удавалось убедить их последовать за ним. Те люди, будь то миряне или священнослужители, которые возражали против системы, поддерживаемой в их приходской церкви, были вольны образовывать отдельные общины - собранные церкви, как их называли, - по своему усмотрению. Позже, ближе к концу 1655 года, терпимый дух Оливера уступил место возвращению евреев, которые были изгнаны из Англии со времен правления Эдуарда I. Несколько унитаристов, несомненно, были исключены из числа сторонников его терпимости. Более того, Общество друзей, которое сейчас набирает популярность под руководством Джорджа Фокса, также находилось под угрозой исключения как предположительно виновное в богохульстве, хотя сам Протектор нередко вмешивался в дела

его членов. Даже если бы дело обстояло иначе, Общество не претендовало ни на участие в правовой поддержке, ни даже на признание со стороны государства.

То, что созданная таким образом церковь была всего лишь пуританской, - это обвинение, обычно выдвигаемое против системы Протектората. То, что это было именно так, отрицать, конечно, не приходится, но, в конце концов, следует помнить, что, поскольку оппозиция пуританству основывалась на определенных религиозных основаниях, а не просто на моральной слабости, она была ограничена сравнительно небольшим числом англичан. До времен Лауда духовенство церкви было в большинстве своем, насколько касается его учения, пуританским в своих идеях и вялым в соблюдении обрядов, и поэтому церковные изменения, инициированные Долгим парламентом, были восприняты основной массой мирян скорее как устранение нововведений, чем как создание чего-то совершенно нового. Честь, в которой теперь находились епископат и молитвенник, была в основном присуща роялистскому дворянству и ученым, изгнанным из университетов, и поэтому понималась как тесно связанная с политическими целями. Тем не менее, правительство пока не пыталось пресечь использование Молитвенника в частных домах, и есть основания полагать, что если бы не последовавшие за этим политические беспорядки, такая попытка не была бы предпринята в более позднее время. Система Протектората, несомненно, была самой терпимой из всех известных в Англии - более терпимой, чем могло бы одобрить общественное мнение, если бы оно было предоставлено самому себе.

Не только своими правовыми реформами Протекторат стремился понравиться нации. Оливер никогда не принимал участия в голландской войне, а незадолго до того, как он распустил Долгий парламент, великая английская победа в сражении, начавшемся у Портленда и закончившемся у мыса Гриснес, закрепила за английским флотом господство над Ла-Маншем. Этот флот сплотился вокруг нового правительства; даже Блейк, который поначалу был настроен враждебно, принял результат политических изменений и в конце концов перешел под протекторат на том основании, что дело флота - оставить политику в покое и - хотя это выражение не поддается достаточному подтверждению - "не дать иностранцам одурачить нас". Ранение, полученное Блейком у Портленда, лишило его возможности принимать значительное участие в последующих сражениях войны, и это бремя по большей части легло на плечи Монка, который одержал победы у Габбарда в июне и у Текселя в июле, вскоре после того, как выдвинутый парламент начал свою неудачную карьеру. В последнем конфликте Тромп, великий голландский адмирал, чьи неудачи объяснялись не его способностями или отсутствием мужественности в его экипажах, а неэффективностью правительства, которому он служил, был убит выстрелом, когда вступал в бой. Еще в то время, когда назначенный парламент продолжал заседать, начались переговоры с голландцами, и эти переговоры, которые с самого начала поддерживались Оливером и активно велись им в качестве протектора, закончились миром, подписанным 5 апреля 1654 года.

Тем, кто хочет оценить значение внешней политики Оливера и ее влияние на судьбу правительства, которое он надеялся создать, будет полезно подробно изучить историю его переговоров с голландцами и его современных экскурсов в сферу континентальных дел. Не подлежит сомнению, что он желал мира с голландцами на том основании, что они были протестантами, а также желал вступить в союз с другими протестантскими государствами для защиты протестантов, подвергающихся преследованиям со стороны римско-католических правительств. Однако не только это не помешало ему добиться от голландцев жестких условий, но и мотивы его дипломатии проявились в стремлении превратить соглашение с фактическими врагами в шаг к немедленным военным действиям с другими

странами. В свое время он предложил план раздела между Англией и Голландией большей части земного шара, лежащей за пределами Европы, и в то же время вел переговоры с правительствами Франции и Испании, предлагая объединить усилия с тем или другим в войне, бушевавшей в то время между ними. Несомненно, в обе ссоры можно было привнести некий религиозный элемент. Помочь Испании против Франции, по крайней мере в том виде, в котором он предлагал, означало защитить французских протестантов от преследований, которым они в определенной степени подвергались, несмотря на принятие их правительством Нантского эдикта. Помочь Франции против Испании означало ослабить самое фанатичное из существующих римско-католических правительств.

Однако нас здесь интересуют не детали внешней политики Оливера, а ее концепция в целом. Верно, что существующее положение дел в Европе, при котором Франция и Испания нейтрализовывали силы друг друга, было почти приглашением сильной военной и морской мощи Протектората расширить свое влияние за счет одного или другого соперника; но, насколько это соображение могло сыграть свою роль в принятии решения Оливером, оно не оставило следов в его записанных словах. Очевидно, что, когда он взялся за переговоры с голландцами, перед ним было два пути: либо заложить основы всеобщего мира, либо оставить себе свободу для продвижения военных и военно-морских предприятий в других направлениях. Он выбрал именно последний путь - путь, который снискал ему восхищение потомков, готовых признать в Оливере правителя, который, получив от Содружества прекрасно организованную армию и флот, первым применил эти мощные инструменты завоевания для приобретения морского владычества. Но потомки не заметили, что этот замысел был несовместим с другой его целью - поставить правительство Англии на конституционную основу. Решив искать военное применение для собранной им великолепной силы и находить причины для войны с той или иной нацией, а не быть вынужденным вступать в войну из-за необходимости поддерживать честь и интересы страны, Оливер был вынужден содержать военное и военно-морское ведомство, которое, возможно, и не превышало налогооблагаемых возможностей нации, но в любом случае налагало бремя гораздо более тяжелое, чем то, которому привыкли подчиняться англичане. Еще до заседания парламента, после долгих колебаний, он решил отправить один флот под командованием Блейка в Средиземное море, чтобы добиться освобождения английских пленников, захваченных пиратами Барбарийского побережья, а другой флот под командованием Пенна - захватить Испанию или какой-нибудь другой остров Вест-Индии в ответ на отказ Испании разрешить английским торговым судам торговать даже с английскими колониями в Вест-Индии, а также на различные акты насилия, уже совершенные испанскими чиновниками в американских водах.

Вряд ли можно отрицать, что в обоих случаях Оливер оправданно искал возмещения ущерба. Что касается Испании, то он уже предъявил Карденасу, испанскому послу, двойное требование: во-первых, свободы торговли в Индии - не обязательно, насколько нам известно, свободы торговли с испанскими владениями - и, во-вторых, полной свободы вероисповедания для английских купцов и моряков в их собственных домах на испанской земле и на их кораблях в испанских портах - не будучи удовлетворен предложением Испании возобновить условия договора, подписанного Карлом I, по которому инквизиция не имела права действовать против английских протестантов до тех пор, пока они не создадут скандал. Оба требования были незамедлительно отвергнуты. "Это, - ответил Карденас, - просить два глаза моего господина". Мысль Оливера о том, что он может напасть на испанскую колонию в Вест-Индии и при этом остаться в мире с Испанией, можно объяснить только его восхищением елизаветинскими методами, которое заставило его предположить, что существующее испанское правительство будет готово, как и правительство Филиппа II,

примириться с системой, поддерживающей мир в Европе, в то время как в Америке идет война. Однако сейчас нас интересуют не проблемы международной морали. Прежде чем Блейк мог отплыть в Средиземное море или Пенн в Вест-Индию, собирался парламент, который сталкивался с тем, что, помимо флота, Протектор располагал сухопутными войсками в 57 000 человек, что превышало не менее чем на 27 000 те 30 000, которые сам документ определял как нормальную численность армии. Правда, он вряд ли смог бы выполнить свои обязательства с меньшими силами. Ирландия была только недавно усмирена; в Шотландии полным ходом шло восстание против английских завоевателей, известное как восстание Гленкэрна; страх перед роялистским движением в Англии требовал содержать больше войск, чем было бы необходимо в более спокойные времена, в то время как другие полки уже готовились к отправке в Вест-Индийский флот. С другой стороны, если вспомнить, что именно благодаря службе этих солдат Оливер пришел к власти, что он все еще мог рассчитывать на их поддержку, чтобы сохранить ее, и что он призывал нацию нести бремя предприятий, которые он затеял, не спрашивая ее согласия, можно ли удивляться, что в такое время парламент, который стал считать себя представителем нации, должен был предпринять некоторые усилия, чтобы наложить ограничения на бремя, которое уже намного превысило даже предписания самого Инструмента?

Выборы в первый парламент Протектората проходили в особых условиях. В округах, которым все еще разрешалось возвращать депутатов, сохранялись старые условия, но в графствах, куда в результате перераспределения мест перешли избирательные полномочия, которыми до сих пор обладали небольшие деревни под влиянием соседних землевладельцев, документ установил единое право голоса при владении недвижимым или личным имуществом стоимостью 200 фунтов стерлингов. Насколько мы можем судить по прямым вопросам, стоящим перед избирательными округами, выборы были связаны с одобрением или отказом от политики передовой партии в назначенном парламенте, и электорат не давал по этому поводу никаких неопределенных сигналов. Эта партия была практически сметена, и тем самым было дано полное одобрение консервативной политике, которая была главной силой обращения нового правительства к стране. Из этого не следовало, что новая конституция встретит такое же одобрение. Незначительное число людей из Содружества, таких как Брэдшоу и Хазлери, которые были огорчены своим изгнанием со скамьи Долгого парламента, были возвращены в парламент, вместе с приличной компанией политических пресвитериан, от которых можно было ожидать, что они сделают все возможное, чтобы освободить парламент от оков Инструмента.

В этих условиях речь Оливера на открытии парламента была шедевром мастерства. Остановившись на тех пунктах, по которым он и большинство его слушателей были согласны, он скрыл от глаз те, по которым могли возникнуть разногласия. Он призывал к оздоровлению и урегулированию, к упорядоченному управлению, которое могло бы заменить путаницу прошлого и остановить прилив фанатизма в настоящем. Он останавливался не на степени свободы совести, провозглашенной в документе, а на ограничениях, наложенных этим документом, особенно на тех учителей, которые "под видом исповедания Христа развратничают и практикуют разнузданность". Он отстаивал доктрину, согласно которой, когда следует опасаться таких последствий, магистрат обязан вмешаться. Он протестовал против того, что священнослужителю антихристиански принимать сан, а также против того, что скоро начнется Пятая монархия, и что "люди, исходя из этого принципа, могут утверждать, что только они правят королевствами, управляют народами, устанавливают законы для людей, определяют собственность, свободу и все остальное". Затем Оливер обратился за поддержкой, ссылаясь на трудности, доставшиеся ему в наследство от предшественников - проблемы в Ирландии и Шотландии, прерванная торговля с

Португалией и Францией, а также война с голландцами; после чего он рассказал о преимуществах Инструмента, правовых и церковных реформах, которые он сделал возможными, о мире с голландцами и торговых договорах, заключенных со Швецией и Данией. Наконец, он намекнул, что парламент вполне может быть либерален в своих поставках, так как, несмотря на огромное бремя, лежащее на нем, правительство уменьшило, не менее чем на 30 000 фунтов стерлингов в месяц, налог на обложение, за счет которого частично содержались армия и флот. Часто высказывались сомнения в том, что из Оливера получился парламентский тактик. Те, кто отвечает утвердительно, могут сослаться на эту речь в защиту своего мнения, особенно если мы примем свидетельство голландских послов о том, что Оливер - слова, впоследствии опущенные из опубликованной речи, - завершил свою речь прямым приглашением Палате принять во внимание документ, несомненно ожидая его легкого принятия людьми, которые так же, как и он, стремились к порядку. Подтверждением этого вывода служит тот факт, что когда открылись парламентские дебаты и был задан вопрос, готова ли палата оставить правительство под контролем одного человека, один из членов Совета потребовал отложить все остальные дела до тех пор, пока документ не будет представлен на утверждение палаты.

Когда это требование было выполнено, стало очевидно, что большинство членов Совета выступают за введение дополнительных ограничений для Протектора, которые сделали бы его не более чем инструментом в руках Парламента. Такую позицию Оливер категорически не хотел принимать, а когда стало известно, что Гаррисон добивался выгоды для своей партии, разжигая смуту в Вестминстере, и хвастался, что у него за спиной будет 20 000 человек, он нанес решительный и резкий удар. За Гаррисоном послали под охраной, а парламенту приказали явиться к Протектору в Окрашенную палату.

Речь, с которой Протектор обратился к членам парламента, можно назвать самой блестящей из тех, что сходили с его уст. Нет сомнений, что лично он предпочел бы сохранить документ в его нынешнем виде, но он знал о возражениях против него, и все, что мы знаем, заставляет нас полагать, что эти возражения разделяли члены его собственного Совета. В любом случае, после оправдания своего собственного поведения в связи с подготовкой Документа и аргументации, что он был принят избирателями, которые были связаны его условиями, чтобы признать урегулирование правительства в одном лице и парламенте, он перешел к предложению компромисса. Он был готов заменить Документ парламентской конституцией при условии, что четыре условия будут приняты в качестве фундаментальных, чтобы быть переданными потомкам как неоспоримые. Первое - страна должна управляться одним человеком и парламентом; второе - парламенты не должны быть вечными; третье - должна соблюдаться свобода совести; четвертое - ни протектор, ни парламент не должны иметь абсолютной власти над ополчением. О способности Оливера проникать в суть ситуации говорит тот факт, что в то время как инструмент правительства и абсолютное верховенство одной палаты, имеющей право не распускаться, так и остались в области нереализованной теории, каждый из основных принципов Оливера был принят нацией - не в виде какой-либо писаной конституции, но с более сильной и долговечной гарантией практики, принятой без споров совестью самого народа. Четыре основы, от имени которых он сейчас апеллировал к Палате представителей, составляли политическое наследие, завещанное им потомкам.

Чтобы заручиться согласием на этот компромисс, Оливер распорядился, чтобы ни один член палаты не занимал своего места, если он откажется подписать следующую декларацию: "Настоящим я свободно обещаю и обязуюсь быть верным и преданным лорду-протектору и Содружеству Англии, Шотландии и Ирландии, и не буду, согласно условиям договора, по которому я был возвращен для работы в нынешнем парламенте, предлагать или давать

согласие на изменение правительства, как оно устроено в одном лице и в одном парламенте". Те, кто отказывался от подписки, отстранялись от участия в делах палаты.

Введение такого ограничения, несомненно, было осуждаемо по принципу, согласно которому воля избирателей, выраженная через их представителей, должна считаться окончательной во всех спорах. Однако ни Кромвель, ни его противники не признавали такого принципа. Вейн и Брэдшоу были готовы исключить роялистов и других неподходящих людей, а авторы Инструмента ввели квалификационные требования с очень похожей целью. Если тест и должен был быть, то выбранный сейчас был не только самым легким из возможных, но и таким, который уже был подписан каждым избирательным округом от имени его членов, без чего, согласно документу, они не имели права занимать свои места. Он оставлял им полную свободу предлагать любые поправки к конституции, даже голосовать против любого из основных положений Оливера, за исключением первого.

Здесь невозможно вдаваться в подробности последовавших за этим конституционных дебатов. Достаточно сказать, что основой, которую парламент предложил заменить Инструментом, было возрождение отрицательного голоса, так что ни одно конституционное нововведение не могло быть сделано без согласия Протектора. Из четырех основ первые две - та, что касалась положения единственного человека, и та, что отказывала парламенту в праве увековечивать себя, - были приняты без возражений. Две другие вызвали больше трудностей. Палата была очень далека от желания распространить религиозную свободу так широко, как того желал Протектор, но в конце концов согласилась на такую формулировку, которая практически оставляла решение в его руках. Совершенно непреодолимая трудность возникла с распоряжением армией. Во-первых, парламент выступал за сокращение численности регулярных войск до 30 000 человек, разрешенных документом, и требовал, чтобы, если потребуется больше, они были сформированы в виде ополчения, которое бы легче поддавалось влиянию местного дворянства. Во-вторых, палата постановила ограничить свое пожалование налогами, необходимыми для содержания армии в течение только пяти лет, тем самым оставив за собой окончательный финансовый контроль, который и определяет суверенитет. Вся душа Кромвеля отшатнулась от принятия схемы, которая свела бы на нет предложенные конституционные ограничения парламентского всемогущества, позволив парламенту в конце назначенного срока прекратить поставки, без которых армия не может содержаться; если только, когда этот срок подойдет к концу, протектор не решит использовать свою армию для подавления парламента 1659 года, как он использовал ее для подавления парламента 1653 года. Парламентское верховенство или военный деспотизм - вот альтернативы, с которыми Оливеру или его преемнику придется столкнуться в недалеком будущем.

Если два человека едут на одной лошади, один из них должен ехать впереди, и эта трезвая физическая истина в равной степени применима к сфере политики. Никакая бумажная конституция, как бы ни была она достойна почитания, не может помешать тому, чтобы в каждой нации существовала сила, способная сделать себя верховной, если она того пожелает. Это могут быть избирательные округа, как в Англии в конце девятнадцатого века; народ в массовом порядке, как в Соединенных Штатах; или армия, как в Англии в середине семнадцатого века. Такое верховенство может быть подвергнуто проверке писаными или неписаными конституциями и может быть отодвинуто на задний план до тех пор, пока не будет вызвано каким-то особым кризисом; но в долгосрочной перспективе невозможно помешать верховной власти проявлять себя. Дефект четвертого фундамента Оливера заключался в том, что он стремился разделить контроль над армией, или, другими словами, суверенитет, между Протектором и Парламентом, в то время как Протектор был бессилен

действовать вопреки армии. Бесполезно отрицать, что он был совершенно прав, не решаясь передать верховную власть парламенту, не контролируемому нацией, и способному использовать свои финансовые полномочия для разрушения любой системы правления, которая могла бы встать на пути амбиций его членов. Столь же неоспоримо и то, что, поскольку он не мог полагаться на всю нацию, ему не на что было опереться, кроме как на Протекторат, который в действительности контролировался волей ведущих офицеров, нашедших в положениях документа, который они сами и составили, средство увековечить свою собственную власть, обеспечив - независимо от согласия парламента или нации - взимание налогов, размер которых устанавливали только Протектор и Совет.

Приняв решение не соглашаться на новую конституцию, Оливер стремился ускорить роспуск парламента. В документе предусматривалось, что палата будет заседать пять месяцев, но он вовремя вспомнил, что месяцы, по которым регулировалось денежное довольствие армии, были лунными; и 22 января 1655 года, когда истекли пять лунных месяцев, он объявил о роспуске парламента. Речь, в которой он объявил о своем решении, была отмечена досадой духа на крушение своих надежд, досадой, которая сама по себе ни в коей мере не была оправдана. Трагизм ситуации заключался в том несомненном факте, что, как бы сильно они ни расходились во мнениях о средствах, которые необходимо было использовать, цель, к которой стремились Протектор и Парламент, была одинаковой, а именно превращение военного государства в гражданское. Парламент счел за благо оставить Оливера во владении на пять лет, а Оливер, осознавая правильность своих намерений и не обращая внимания на то, что по истечении пяти лет его может уже не быть в живых и что Протекторат может перейти в менее достойные руки, жаловался, что ему не доверяют. Почему, спрашивал он, они не пришли к нему, чтобы обсудить этот вопрос? Почему, если не считать того, что парламенты имеют свою гордость, как и протекторы, и что этот парламент пришел к выводу, что его долг - урегулировать конституцию, а не принимать решение от узла солдат. Если он и не искал возможности лично обсудить столь серьезные вопросы с Оливером, то, по крайней мере, имел преимущество выслушать то, что можно считать его мнением, озвученным теми членами его Совета, которые также являлись членами Палаты.

Выступая в защиту документа, Оливер ухватился за реальную причину обиды. "Хотя, - заявил он, говоря о правах Протектора, - в настоящее время содержание и нахождение в его власти ополчения кажется наиболее трудным, однако, если оно должно быть уступлено в такое время, как сейчас, когда есть столько же необходимости поддерживать это дело с его помощью - которое, очевидно, в это время оспаривается всеми его противниками - сколько было необходимости получить его, то что станет со всеми? Или, если она не будет в равной степени принадлежать ему и парламенту, а уступит в любой момент, она определяет власть", т.е. или препятствует осуществлению власти лицом, обладающим властью, "или делать добро, которое он должен, или препятствовать парламентам увековечивать себя, или навязывать религию, которую они хотят, совести людей, или правительство, которое они хотят, нации; таким образом, подвергая нас распаду в каждом парламенте и отчаянным последствиям этого: И если нация впадет в благословенный мир, как легко и безусловно будет снята их ответственность и распущены их войска; и тогда, где будет опасность иметь ополчение, указанное таким образом?"

Протектор не мог изложить свои доводы более убедительно. Однако, как бы ни была восхитительна критика, указывающая на опасность, которая может последовать за принятием предложений парламента, рассуждения Оливера предполагали принятие парламентом его собственного убеждения в том, что вооруженное меньшинство имеет право навязывать свои принципы безоружному большинству - того самого убеждения, которому

авторы парламентской конституции были полны решимости противостоять. Даже если бы какая-либо пуританская партия могла искать решение проблемы в обращении к неограниченному суду нации, очевидно, что Оливер никогда бы не согласился на такой арбитраж. На сайте с одной стороны была решимость добиться того, что казалось правильным, если потребуется, силой. С другой стороны - решимость устранить элемент силы, подчинив ее правлению парламентов. На данный момент решающее слово оставалось за Оливером. "Я считаю себя обязанным, - сказал он в заключение, - как долг перед Богом и народом этих стран, ради их безопасности и блага во всех отношениях, - я считаю своим долгом сказать вам, что ни для пользы этих стран, ни для общего и общественного блага не стоит вам оставаться дольше, и поэтому я объявляю вам, что распускаю этот парламент".

История свидетельствует в пользу точки зрения, которой придерживались антагонисты Оливера. Опора на военную силу, в которой он нашел свое убежище, больше, чем все остальные факты, вместе взятые, утвердила, хорошо это или плохо, опору на парламент. Особым признаком его величия является то, что после роспуска своего первого парламента он всем сердцем стремился избежать даже видимости временной диктатуры. Он не хотел быть военным правителем, даже ссылаясь на необходимость времени. То, что он отложил роспуск парламента до пятого месяца - лунного месяца, как это было, - дает ключевое представление о положении дел, как он его оценивал. Парламентская конституция была мертворожденной. Конституция Инструмента была в полной силе, и ее следовало соблюдать, даже если это было бы во вред ему самому. Документ позволял Протектору и Совету взимать такие налоги, которые они считали необходимыми для содержания 30 000 человек и флота, достаточного для обороны, в то время как сейчас у него было около 57 000 солдат, и, в дополнение к домашнему флоту, два других уже были отправлены - один в Средиземное море, другой в Вест-Индию. Тем не менее, Протектор смог объявить, что будет довольствоваться взиманием с трех наций "Assessment money" в размере 80 000 фунтов стерлингов в месяц - суммы, которую распущенный парламент определил как достаточную для сил, указанных в документе. Такое решение оставляло правительство с огромными силами - как считали в те дни, - которые оно не имело видимых возможностей оплатить; но это было объявление в наиболее практичной форме, что, как только существующая ситуация позволит, военные расходы должны быть сведены к требованиям Инструмента. Это объявление сопровождалось прокламацией, в которой излагались принципы, на основании которых Протектор решил действовать в остром вопросе о религиозной свободе. Должна была быть обеспечена полная свобода для всех, кто довольствуется изложением своих взглядов, не "навязывая" совесть другим и не нарушая их богослужения. Последний пункт, направленный против нового Общества Друзей, обычно называемого в народе квакерами, призван положить конец их практике вести полемику в церквях, где собирались прихожане. К увещаниям самого Джорджа Фокса протектор прислушивался с уважением. "Приходите снова в мой дом, - сказал Оливер, - ибо если бы мы с вами проводили вместе хотя бы час в день, мы были бы ближе друг к другу. Я желаю тебе зла не больше, чем своей собственной душе". Благоговение перед подлинностью, в какой бы форме она ни проявлялась, было не самой плохой чертой Оливера.

Пункт против "навязывания" был более масштабным по своим целям. Он наносил удар по притязаниям римского папства и английского епископата, а также по замыслам позднего парламента составить списки мнений, которым следует отказать в веротерпимости. Кроме того, он наносил удар по всем попыткам урвать политическую власть с целью служения религиозным целям. Разрыв Оливера с парламентом вызвал нападки со всех сторон. В Пятой монархии были люди, которые отвергали любую форму светского правительства, и чьих лидеров нельзя было заставить замолчать иначе, как взяв их под охрану. Самого Гаррисона

пришлось поместить под арест. Это была не та работа, которую выбрал бы Оливер. "Я знаю, - писал Турлоу, - моему лорду-протектору неприятно, когда кто-то из святых по истине огорчен или недоволен им". Кавалеры могли считаться наследственными врагами. Летом прошлого года был раскрыт заговор кавалеров с целью убийства протектора, и двое из заговорщиков, Джерард и Воуэл, были казнены. Пока парламент еще заседал, шпионы Турлоу, которых можно было найти в любой стране, где требовались их услуги, принесли ему известие о готовящемся восстании, и одним из обвинений Оливера против депутатов было то, что их промедление с решением вопроса о правительстве способствовало заговору. В марте в разных частях страны были предприняты тщетные попытки восстания, единственная из которых получила статус реального восстания: Пенруддок и другие собрались с оружием в Солсбери, захватили судей присяжных в своих постелях и двинулись в поход в надежде объединить разрозненных роялистов на западе. Однако повстанцы были рассеяны в Девоншире, где многие из них попали в плен. В итоге несколько главарей были преданы суду и казнены, а большое количество их приверженцев без суда и следствия перевезли на Барбадос. Такая процедура, независимо от того, считать ли ее уклонением или нарушением закона, свидетельствовала о том, что Оливеру все труднее будет встретиться со своими врагами иначе, чем с помощью произвола.

Более сложный вопрос возник, когда двое судей, посланных судить заключенных роялистов на севере, усомнились в их компетентности на том основании, что ордонанс, определяющий преступления, составляющие государственную измену, который Протектор, в соответствии с Инструментом, издал до заседания Парламента, не может сделать восстание против Протектората государственной изменой. Двое судей были немедленно уволены, а вскоре после этого главный судья Ролле был вынужден оставить свой пост из-за нежелания принудить некоего Кони к уплате таможенных пошлин; в то время как три адвоката, которые доказывали от имени Кони - один из них был сержант Мейнард, доживший до встречи с Вильгельмом III, - что он не должен платить пошлины, наложенные Протектором и Советом без согласия Парламента, были отправлены в тюрьму до тех пор, пока они не извинятся. Один историк за другим сопровождал свой рассказ об этих процессах замечанием, что здесь имел место конфликт между законом и аргументом тирана - необходимостью. Ничего подобного не было. Вопрос заключался в том, является ли документ действительной конституцией. Если это так, то не может быть никаких разумных сомнений в том, что мятежники против Протектората были законными предателями или что таможенные пошлины, идущие на содержание армии и флота, были законно установлены не парламентом, а Протектором и Советом.

Если бы все, о чем просили Оливер и его советники, заключалось в том, чтобы дать им возможность продолжать правление до тех пор, пока истечение трех лет не заставит их созвать новый парламент, они могли бы быть вполне довольны. Однако они не могли забыть, что были лидерами партии реформ, и сам документ лишал их права инициировать реформы иначе как через парламент. Право издавать ордонансы, имеющие силу закона, утрачивалось с заседанием парламента, и все, что теперь можно было сделать, - это призвать комиссаров Большой печати к исполнению ордонанса о реформе канцелярии, а в случае их отказа заменить их другими людьми, которые, вероятно, будут более благодушны. В результате среди некоторых приверженцев Оливера возникло движение в оппозиции к этому документу, которое не только помешало ему, но и помогло. Естественно, что такое движение должно было носить характер оппозиции военной партии, от которой исходил документ. Уже в позднем парламенте была предпринята безуспешная попытка присвоить

Оливеру титул короля в надежде, что таким образом будет усилен гражданский элемент в правительстве. Летом 1655 года в Сити была распространена петиция с просьбой к Протектору взять на себя законодательную власть по предложению подписчиков. Оливер был слишком благоразумен, чтобы следовать такой воле случая, и петиция была подавлена Советом. От потребностей, вызвавших ее появление, нельзя было так легко отмахнуться, тем более что желание Протектора реформировать злоупотребления было сильно подкреплено его потребностью в деньгах - потребностью, которая была драматически продемонстрирована, когда солдаты его охраны ворвались на кухню и унесли обед, приготовленный для его собственного стола, сказав ему в лицо, что поскольку они не получили своего жалованья, то взяли часть его натурой.

Если Оливер хотел свести концы с концами, то это можно было сделать только за счет сокращения армии, а для этого ему требовалось сотрудничество офицеров, в то время как в Шотландии и Ирландии сокращения, которые могли быть опасны в январе, перестали быть опасными в июле. Монк, которого отправили на север, как только он смог освободиться от участия в голландской войне, привел Горные горы к покорности; а Ирландия, которая ранее была подчинена английским оружием, теперь должна была навязать ей ту основательную систему английской колонизации, которая обычно известна как кромвелевское поселение, принципы которого, однако, были заложены предыдущими правительствами. Те из землевладельцев, кто не смог доказать английским судьям, что они проявляли постоянное расположение к английскому правительству, даже если они не принимали никакого участия против Англии в последней войне, то есть большая часть класса, которому было что терять среди ирландских католиков, были изгнаны в опустошенные земли Коннаута, а их поместья были разделены между английскими солдатами и другими англичанами, которые ссудили деньги на поддержку войны под залог конфискованных земель. Отныне в трех ирландских провинциях должен был существовать класс землевладельцев английского происхождения и протестантской религии, окруженный крестьянами и рабочими, которых отделяли от них расовые и религиозные различия самого крайнего толка. Такое положение дел не сулило будущего мира в стране. Непосредственным результатом стали невыразимые страдания страдальцев и зарождение в английских сердцах надежды на то, что Ирландия наконец-то будет заселена расой, лояльной к институтам и религии ее завоевателей.

В любом случае план плантации Ирландии уменьшил бы количество солдат, необходимых для удержания страны, и до конца июля было получено согласие главнокомандующих армией в Англии, а Совет санкционировал не только масштабное сокращение численности полков в Великобритании, но и уменьшение размера жалования как офицеров, так и солдат. И снова Оливер действовал в соответствии с документом и пожеланиями распущенного парламента. 60 000 фунтов стерлингов в месяц, которые парламент счел достаточными для обложения, не были превышены, а армия была сокращена, по крайней мере, приблизительно до численности, принятой как парламентом, так и документом. Трудно дать удовлетворительный ответ тем, кто отрицает законность документа; но, если признать его законность, будет не менее трудно опровергнуть тех, кто утверждает, что Оливер делал все возможное, чтобы править как конституционный судья.

Смог бы Оливер до конца придерживаться такой позиции, несмотря на растущие требования к казне? В марте 1655 года восставшие Пенруддока добились от Оливера приказа о созыве и организации ополчения, который, однако, был отменен после быстрого подавления восстания. Однако в мае офицеры, рекомендовавшие сократить армию, также рекомендовали создать ополчение для целей полиции, и по мере того, как продвигалось лето, а информация, поступавшая от шпионов Турлоя, сообщала, что заговоры роялистов ни

в коем случае не прекращаются, этот план приобретал все большую последовательность. В пользу схемы создания ополчения-полиции говорило хотя бы то, что это предложение было поддержано парламентом. Если бы парламенту было позволено разработать собственную схему, он, вероятно, подчинил бы ополчение местным офицерам и обеспечил бы его нужды местными выплатами. Оливер позаботился о том, чтобы привести ополчение в дисциплинарную связь с армией, поставив его под командование одиннадцати генерал-майоров. Налоги на его содержание он не мог потребовать, не нарушив документ. В своем недоумении он или один из его советников придумал план сбора средств только с роялистов, которые должны были отчислять на эти цели десятую часть своего дохода. Именно их отказ мирно подчиниться установленному правительству стал причиной трудностей, и именно они должны были нести расходы на меры, которые были вызваны их неправомерными действиями. Такое обложение, не являющееся общим налогом, могло рассматриваться заинтересованными сторонами как спасение авторитета документа. О каком-либо сочувствии к роялистам, чья собственность уменьшилась в результате конфискаций, а политические и религиозные идеалы были преданы забвению, Оливер, разумеется, не думал. Они были лишь врагами, которых следовало сокрушить или, по крайней мере, довести до бессилия.

То, что у роялистов были свои религиозные идеалы, стало провокацией, которая позволила легко отказать им в веротерпимости, которой они до сих пор практически пользовались. Знакомые каденции Книги общей молитвы стали для них символом как политической, так и религиозной веры, а голос часто заумного, а порой и вовсе неуместного произносящего молитвы собственного сочинения, стал для них олицетворением сил, сговорившихся убить их короля, лишить их широких акров, проданных для удовлетворения требований секвесторов, и отстранить их от участия в общественных интересах страны, которую они любили так преданно, как только может любить любой пуританин. Именно сейчас Оливер совершил ошибку, которую совершили тысячи других людей в подобных обстоятельствах, - спутал символ с причиной. Использование общего молитвенника было запрещено так же тщательно, как и месса. Дворянам и джентльменам запрещалось приглашать изгнанных священнослужителей собственной церкви в качестве капелланов или воспитателей своих детей. Однако, в конце концов, гонения были острыми лишь на время, и не только инквизиция религиозных обычаев домашней жизни была вскоре прекращена, но и епископальному духовенству дали понять, что их не постигнет никакой вред, пока они воздерживаются от того, чтобы привлекать к себе внимание общественности.

Не только в отношении религиозной терпимости Оливер был вынужден изменить свои прежние принципы в силу своего положения. В свое время он полностью симпатизировал партии независимых в ее стремлении обеспечить свободу прессы. К клевете на его собственную персону и личность он относился весьма терпимо. Долгий парламент шаг за шагом накладывал ограничения на прессу, и эти ограничения сохранялись и при протекторате. Наконец, в октябре 1655 года был нанесен окончательный удар. Было разрешено выпускать только две еженедельные газеты, и обе они должны были редактироваться агентом правительства. Мильтон, теперь лишенный возможности из-за слепоты активно работать на благо государства, должно быть, вздрогнул, услышав, что его избранный герой, давно отвернувшийся от добровольной системы церковного управления, теперь отвернулся от главной доктрины "Ареопагитик". Оливер, мы можем быть уверены, воспринял все эти действия как нечто само собой разумеющееся. Он считал, что был поставлен в кресло власти не для того, чтобы продвигать самые благодетельные теории, а для того, чтобы поддерживать порядок, как констебль в разлаженном мире. Ни Мильтон, ни он сам не верили в политические права большинства. Если народ решил возвыситься против

дела Божьего, тем хуже для него. "Я говорю, - объявил он своему первому парламенту, - что умышленное отбрасывание этого правительства, принадлежащего Богу, одобренного людьми, засвидетельствованного в его основах, - и это в отношении блага этих наций и потомства; я скорее готов сойти в могилу и быть похороненным с позором, чем могу дать на это свое согласие". Оливер, несомненно, считал, что разделение Англии на одиннадцать округов, каждый из которых подчинялся военному вождю, соответствовало, по крайней мере, буквальному соблюдению "этого правительства", как он сам его называл.

Возможно, если бы генерал-майоры ограничились наблюдением за роялистским дворянством, периодически срывая их религиозные собрания и изгоняя капелланов и воспитателей их сыновей, они вызвали бы меньше раздражения, чем вызвали. Однако армия, или, говоря более простым языком, лица, занимающие высшие посты, начиная с лорда-протектора, были наиболее систематическими приверженцами той агрессивной пуританской морали, которая в других кругах разбавлялась большей мирскостью. Несомненно, неправда, что мировые судьи, как иногда предполагают, были совершенно неэффективны во время Протектората; но их не любили кавалеры-дворяне, чьи поместья часто были больше их собственных; и, как и все местные власти, они были затруднены местными чувствами, которые даже среди тех, кто охотно принял Протекторат, были, хотя, конечно, не епископальными, далеко не такими острыми пуританскими, как хотелось в штаб-квартире. Статут, налагавший смертную казнь на прелюбодеев, был сведен почти к мертвой букве из-за нежелания присяжных выносить обвинительные приговоры; а если взять пример из повседневных развлечений народа, то медвежий сад в Саутварке пережил запрет одного пуританского правительства за другим, пока через несколько недель после назначения генерал-майоров Прайд, который когда-то блокировал двери парламента, собственными руками не убил медведей и не закрыл выставку.

Что касается самих генерал-майоров, то вскоре им было поручено ужесточить дисциплину, сотрудничая с желающими и подстегивая нежелающих магистратов, чтобы подавить не только измену и мятеж, но и порок и безнравственность. Им было приказано пресекать скачки, петушиные бои и другие виды спорта, которые собирали толпы людей с сомнительной верностью правительству. Им было велено поощрять благочестие и добродетель, следить за исполнением законов против пьянства, богохульства, сквернословия, игровых представлений, осквернения Дня Господня и так далее; а также пресекать деятельность игорных домов в Вестминстере и питейных заведений в стране, чтобы в них не собирались злые и развратные люди. Они должны были следить за духовенством, призывая изгонять тех, кто либо проявляет склонность к Книге общей молитвы, либо позорит пуританство, которое они исповедуют, распущенностью поведения. В течение первых шести-девяти месяцев 1656 года, когда эти люди правили, антипуританский пыл, который в скором времени должен был положить конец и Протекторату, и Содружеству, перестал быть уделом отдельных классов и укоренился в обществе в целом, далеко за пределами круга обычного роялизма.

ГЛАВА VI. ПАРЛАМЕНТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ.

Тем хуже для Оливера с финансовой точки зрения было то, что теперь он проводил внешнюю политику, которая - как бы мы ни относились к ней по другим причинам - по крайней мере,

увеличила бремя нации до такой степени, что англичане начали проявлять беспокойство. Еще до подписания голландского мира весной 1654 года Оливер задумался о внешней политике, и только в редких случаях он, похоже, задумывался о возможности поддерживать мир со всеми странами, если только его не вынудят вступить в войну, защищая честь или интересы страны. Похоже, что победоносный флот, завещанный ему Содружеством, и победоносная армия, которую он, как никто другой, превратил в орудие господства, воспринимались им как приглашение выбрать врага в качестве объекта своего поношения, а не как надежная охрана страны, которой он правил. Меч сам по себе притягивал человека, а слабость двух великих континентальных наций, Франции и Испании, втянутых в междоусобную войну, каждая из которых жаждала союза с Англией, а каждая боялась ее вражды, усиливала его притягательную силу.

Не то чтобы Оливер был лишен принципов, лежащих в основе его действий. У него их было два - не всегда легко совместимых. Он хотел увеличить торговлю страны, укрепив ее морскую мощь, и он хотел поддержать дело Божье в Европе, создание великого протестантского союза против того, что он считал агрессивным папством. Этот второй принцип придавал его действиям благородство, которое может придать только честная преданность более высоким, чем материальные, интересам, но в то же время он привел его к величайшим практическим ошибкам в его карьере, поскольку он всегда был готов переоценить гонительские тенденции римско-католических государств, которые после Вестфальского мира носили локальный и спазматический характер, и переоценить силу религиозных убеждений правителей протестантских государств, а также представить себе возможность объединить эти последние в протестантский крестовый поход. Еще более плачевным результатом стало то, что его собственный характер несколько испортился из-за постоянных попыток убедить себя в том, что он руководствуется высшими побуждениями, в то время как на самом деле на чаше весов были материальные соображения.

По правде говоря, день правления Оливера лежал между двумя мирами - миром, в котором существование протестантизма было действительно поставлено на карту, когда такие чуждые догматизму сект люди, как Дрейк, Рэли и Сидни, вступили в его ряды, и миром торговли и производства, который только зарождался. Разум Оливера постигал и то, и другое. Несомненно, его разум был тем просторнее, что мог реагировать на двойное течение, но не стоило ожидать, что поколение, чье лицо было обращено в сторону материальных интересов, не будет иначе как нетерпеливым к призыву Небес поставить себя на сторону английской торговли.

На протяжении большей части 1654 года Оливер колебался, с кем заключить союз - с Испанией или с Францией. В течение некоторого времени он склонялся на сторону Испании. Его религиозные симпатии были затронуты страданиями французских гугенотов. Помощь, которую он предлагал им оказать, привела бы его к прямому союзу с Испанией, и только открытие финансовой и военной слабости Испании заставило его отказаться от своего проекта. Затем появилось предложение, которое долго обсуждалось и в конце концов было принято, - начать войну против испанской Вест-Индии. Трудно отрицать, что даже в современных глазах *casus belli*, помимо всех идеальных схем ослабления правительства, укрывавшего инквизицию, заключался не в отказе испанских властей разрешить английским кораблям торговать на испанских островах, а в намеренном захвате английских судов и обращении в рабство английских экипажей, виновных не более чем в том, что они направлялись на Барбадос или в какую-либо другую английскую колонию. Самое странное в этом деле то, что Оливер закрыл глаза на естественные последствия нападения на испанскую колонию. Он полагал, что еще можно осуществить елизаветинский план

поддержания мира в Европе и ведения войны в Индиях. Вероятно, его укреплял в этом мнении тот факт, что почти с первых дней существования Содружества на море велась репрессивная война с Францией, не нарушая номинально дружественных отношений между двумя странами. Почему бы ему не захватить вест-индский остров в качестве репрессалии за захват английских кораблей, а с Испанией сохранить мир как ни в чем не бывало?

До конца 1654 года два флота отплыли с различными миссиями. Один, под командованием Блейка, вошел в Средиземное море, где был очень гостеприимно принят губернаторами испанских портов и чиновниками великого герцога Тосканского в Ливорно. Он выкупил несколько английских пленников в Алжире, но тунисский бей, некоторые из подданных которого недавно были проданы английским негодяем в рабство на галеры мальтийским рыцарям, естественно, был менее сговорчив. Блейк уничтожил девять его судов в Порто-Фарине, но сам Тунис был недоступен, и он не смог вернуть ни одного английского раба из этого квартала. Пенн отплыл на Барбадос с 2500 солдатами на борту под командованием Венейблса. На Барбадос и другие английские острова были отправлены подкрепления, и с этими плохо скомплектованными силами была произведена высадка на Испаньоле. Попытка захватить город Сан-Доминго провалилась, и экспедиция отплыла на Ямайку, которая в то время была не более чем необитаемым островом, и закрепилась там в качестве владения. Прошло несколько лет, прежде чем колония стала самообеспечивающейся, но Оливер был непреклонен в своем стремлении не только увеличить число первых военных поселенцев, но и снабдить их всем необходимым для основания домов в дикой местности. Было досадно, что первые операции в испанской Вест-Индии начались с проверки, но, несомненно, удачно, что новая английская колония не была построена на испанском фундаменте. Солдаты, которые на марше к Сан-Доминго забрасывали апельсинами образ Богородицы, сорванный ими со стен заброшенного монастыря, вряд ли проявили бы себя с лучшей стороны в среде римско-католического населения.

К большому удивлению Оливера, известие о действиях его людей на Испаньоле вызвало сильнейшее негодование в Мадриде - негодование, которое в какой-то степени уже было вызвано, когда Блейк отплыл через Гибралтарский пролив, чтобы встретить и захватить корабли с сокровищами, ожидаемые из Америки. Черты Филиппа IV, которые благодаря кисти Веласкеса предстают перед нами во всех известных галереях Европы, не являются чертами человека, отличающегося мудростью, но в нем не было ни капли затянувшейся нерешительности его деда, Филиппа II. Он приказал арестовать имущество английских купцов в испанских гаванях; а Оливер, два года балансировавший между Францией и Испанией, решил вопрос по собственному ошибочному убеждению, что мир Елизаветы остался неизменным. Разрыв с Испанией потребовал пересмотра отношений между Англией и Францией. С момента своего вступления под протекторат Оливер уклонялся от выполнения требований французского посла в Бордо о прекращении войны с репрессиями на море, которую ему завещало Содружество. Поскольку английские каперы захватывали больше призов, чем французские, он не спешил положить конец этой ситуации, пока не добьется от Мазарина, фактического правителя Франции, молчаливого понимания того, что с гугенотами больше не будут жестоко обращаться, и прямого обязательства выслать из Франции английскую королевскую семью и главных роялистов, присутствовавших при изгнанном дворе. Пока эти вопросы находились в стадии обсуждения, произошло событие, которое, как никакое другое действие в его жизни, высветило высшую сторону характера и политики Кромвеля. В январе 1655 года молодой герцог Савойский - вернее, его мать, которая, хотя ему уже исполнилось лет, действовала от его имени, - распорядился, чтобы водеи, чья религия, хотя и сродни протестантизму XVII века, восходит к средневековым временам, были удалены с равнины у подножия Пьемонтских долин, в которые они распространились, в

верхние и более пустынные районы под предлогом, что они нарушили границы, установленные для них его предками. В апреле его войска вошли в долину, убивая и мучая на своем пути. Когда в мае новости достигли Англии, сердце Оливера сжалось до глубины души. Он приказал устроить день унижения и обходить дома, чтобы собрать деньги для страдальцев. В итоге было собрано до 38 000 фунтов стерлингов, причем Протектор возглавил список с 2 000 фунтов стерлингов. Он отправил министра в Турин, чтобы выразить протест, но его самые теплые призывы были адресованы Мазарину, всемогущему министру Людовика XIV, поскольку некоторые французские войска, выступавшие в качестве союзников герцога в его войне против испанцев в Италии, были причастны к резне. Мазарину ясно дали понять, что с Францией не будет заключен договор, пока эти расправы не будут прекращены. Французский министр так долго обманывался в своих надеждах на заключение договора, что одна эта угроза могла бы его не испугать, но он боялся, что Оливер наймет протестантских швейцарцев для участия в войне против герцога Савойского, и что все мысли о борьбе с испанцами в Италии придется отложить на этот год. Между Парижем и Туринском установилось сообщение, и герцог Савойский помиловал - так назывался этот термин - оставшихся в живых водеев.

Сонет Мильтона хорошо характеризует эту высшую точку действий Протектора в отношении континентальных государств: - Отомсти, о Господи, за то, что ты не можешь отомстить.

Отомсти, Господи, за убитых святых твоих, чьи кости
Лежат, разбросанные по Альпийским горам;
Даже тех, кто издревле хранил истину твою в чистоте,
Когда все наши отцы поклонялись колодкам и камням.
Не забывай: в книге Твоей запиши их стоны.
Кто был овцой твоей, и в древнем стаде своем
Убиты кровавым Пьемонтцем, что скатился
Мать с младенцем по скалам. Их стоны
Долины удвоили к холмам, а они
К небесам. Их мученическая кровь и прах засеяли
По всем итальянским полям, где все еще властвует
Тройной тиран; чтобы из них выросли
Сотня тех, кто, познав путь твой.
Рано уйдут от вавилонского горя.

Защищая водеев, пуританин Оливер служил самым благородным интересам человечества. С некоторым пылом поэт Милтон увидел в защите угнетенных жертв герцога Савойского вызов духовной тирании папского Рима. Можно быть уверенным, что это заставило Оливера с большей готовностью принять вызов Испании и договориться с французским правительством, выступавшим на стороне терпимости. И все же, каким бы восторженным пуританином он ни был, он не мог рассматривать внешние дела Англии с чисто или даже в основном религиозной точки зрения. Этого не позволяло ни его положение, ни его характер. Смешение духовных и мирских мотивов могло привести к странным результатам. В одно время оно возвышает и облагораживает действия. В другое время эти два мотива могут вступать в конфликт, и один из них будет мешать другому. В позиции, занятой Оливером в отношении Водуа, духовное преобладало над материальным. В разрыве с Испанией убежденность в преобладании религиозных мотивов была сильна в сознании самого Оливера: она была менее заметна для посторонних.

Первым результатом ссоры между Англией и Испанией стало заключение торгового договора с Францией, который положил конец войне репрессий, длившейся уже более шести лет. Вопрос о более тесном союзе был отложен, возможно, скорее потому, что он требовал времени для рассмотрения, чем потому, что у Оливера не было сомнений в его намерениях в этом вопросе. Прежде чем война затянулась, король в изгнании укрылся в Испанских Нидерландах, поддерживая тесную связь с англичанами, которые замыслили уничтожение Протектора, в то время как каперы, выходившие из Дюнкерка и Остенде, охотились за английской торговлей и раздражали лондонских купцов, которые не испытывали энтузиазма по поводу религиозной войны и сожалели о потере своих товаров, захваченных в испанских портах. Весной и летом 1656 года необходимость что-то предпринять против активного врага, обосновавшегося так близко к английскому побережью, заставила бы Оливера обратиться к Франции, даже если бы он уже не задумывался о таком союзе. Однако именно в эти месяцы казалось, что желаемая цель ускользает от его внимания. Мазарин, не желая позволить английскому гарнизону занять Дюнкерк в качестве цены за союз с Протектором, делал все возможное, чтобы договориться с Испанией, что позволило бы ему обойтись без английской помощи. Только ближе к осени французский министр, поняв, что его уговоры к Филиппу IV были тщетны, склонился перед неизбежным и согласился отдать Дюнкерк Англии, если его удастся отвоевать у Испании объединенными усилиями двух стран. Какая перспектива огромных военных и морских расходов открывалась после одного только провозглашения такого проекта! Сокращение армии летом 1655 года вряд ли могло быть сохранено в этих изменившихся обстоятельствах; а при увеличении армии и флота какие шансы были у правительства в соответствии с Инструментом, который был краеугольным камнем внутренней политики Оливера?

Сложность была тем больше, что летом 1656 года выяснилось, что план охраны порядка в стране с помощью ополчения под командованием генерал-майоров потерпел финансовый крах. В июне были созваны собрания офицеров для обсуждения ситуации, и хотя поначалу Протектор был склонен ввести новые налоги единолично, вскоре он понял, что такой шаг будет слишком непопулярен, чтобы иметь успех, и решил, что необходимо созвать новый парламент. Прежде чем новый парламент собрался, Оливер прибегнул к одной из тех поразительных привилегий, которые, как можно утверждать, были предоставлены его правительству Конституцией. Эта конституция наделяла Совет правом рассматривать и отклонять тех членов, которые могут быть избраны без соблюдения квалификационных требований, предъявляемых к членам Парламента, - правом, которое Совет теперь использовал, отклонив по меньшей мере девяносто три враждебных члена. В случае с роялистами, избранными по округам, Совет, несомненно, был прав, аннулировав их выборы, по крайней мере, в той мере, в какой это касалось конституции. Отказывая в приеме таким республиканцам, как Скотт и Хазлери, он был вынужден прибегнуть к спору. Совет действительно имел право отклонять членов, не обладающих "известной честностью". Теперь же этот орган, по крайней мере с молчаливого согласия Протектора, истолковал эти слова как наделение его полномочиями отклонять членов, не отличающихся честностью и порядочностью по отношению к существующему уставу. Хоть раз в жизни Оливер унился до того, что поступил в духе мелочного адвоката. Как бы ни была опасна эта акция, она стала возможной только потому, что большее число тех, кто был допущен к своим местам, то ли благодаря давлению, оказанному на страну генерал-майорами, то ли потому, что они с большей надеждой смотрели на Протектора, теперь были готовы оказать ему свою поддержку. В речи, которой Оливер открыл заседание 17 сентября, он сделал все возможное, чтобы вызвать негодование своих слушателей против Испании. "Воистину, - убеждал он, - ваш великий враг - испанец. Он естественный враг. Он естественный враг; он естественный враг во всем мире по причине той вражды, которая есть в нем против всего,

что от Бога". Это была ключевая нота чувств Оливера в этом вопросе в его более возвышенном настроении. Его чувства патриота-англичанина нашли выход в длинном каталоге обид, причиненных испанцами со времен Елизаветы до его собственных. За его пренебрежительным отношением к Испании последовал выпад против Карла Стюарта, который сейчас проживает на испанской земле и надеется, что Испания предоставит ему войска для замены на троне, в котором он называет его "капитаном, который поведет нас обратно в Египет". Затем последовал ретроспективный анализ заговоров кавалеров и оправдание генерал-майоров, которые были созданы для их подавления. Война с Испанией должна вестись энергично - иными словами, должны быть выделены деньги на поддержание борьбы внутри страны и за рубежом. Речь Оливера не сводилась к тому, что обычные люди называют политикой. "Сделайте позором, - кричал он, - то, что люди дерзают грешить и сквернословить, и Бог благословит вас. Вы станете благословением для нации; и благодаря этому вы будете больше исправлять нарушения, чем что-либо в мире". Воистину, эти вещи касаются душ человеческих и духов, которые являются людьми. Разум - это человек. Если он сохраняется в чистоте, то человек кое-что значит; если же нет, то я бы очень хотел увидеть, какая разница между ним и животным. Он только активен, чтобы причинить еще больше зла". В этих словах звучал голос более высокого, потому что более универсального пуританства, голос, который парил над областью церемониальных форм или доктринальных споров, повторяя, как из уст человека, ведущего практическую борьбу с миром, голос поэта-имажиниста, который в дни своей юности учил, что

Так дорого Небесам святое целомудрие
Что, когда душу искренне находят,
Тысяча ангелов в печенках ласкает ее,
Отгоняя прочь все грехи и вину,
И в ясном сне и торжественном видении
Рассказывают ей о том, чего не слышит ни одно грубое ухо,
Пока частые беседы с небесными обитателями
Начинают бросать луч на внешние очертания,
незагрязненный храм разума,
И обращает его постепенно к сущности души.
Пока все не станут бессмертными.

Оливеру пришлось снова коснуться земли с финансовым отчетом и просьбой о парламентских поставках. Требование денег не особенно обрадовало членов парламента, и они предпочли несколько недель поспорить о деле Джеймса Нейлора, фанатика, который позволил своим женоподобным поклонницам приветствовать себя как Мессию. В октябре пришло известие, что Стайнер, командуя отрядом флота Блейка, уничтожил или захватил часть флота Плейта у испанского побережья, а в следующем месяце по улицам Лондона покатались обозы, направлявшиеся в Тауэр с серебром на 200 000 фунтов стерлингов. Ободренные этим успехом, доверенные лица Оливера внесли законопроект, закрепляющий уничтожение роялистов актом парламента. Законопроект был отвергнут, а в адрес генерал-майоров были сказаны жесткие слова. Оливер согласился с решением палаты, и генерал-майоры были отозваны.

Есть все основания полагать, что Оливер добровольно согласился на голосование. Он никогда не был склонен упорствовать в принятых методах, если мог добиться своих целей другим путем. В ходе дебатов выяснилось, что палата разделилась на две партии: меньшинство придерживается армии как политической силы, а большинство призывает к созданию правительства на гражданской основе. Последние были еще более преданы

Протектору, чем первые, и Оливер, в глубине души разделявший их взгляды, был готов, как и в 1654 году, представить Документ на пересмотр. Разница заключалась в том, что теперь он был уверен, как не был уверен тогда, что парламент поддержит основополагающие принципы, которые он считал самой ценной частью конституции.

В январе 1657 года новая попытка убийства Протектора - на этот раз Майлсом Синдеркомбом - дала повод, а может быть, и оправдание, для лояльных демонстраций, и месяц спустя Палата приступила к обсуждению предложения о пересмотре конституции, в конечном итоге известного как *"Смиренная петиция и совет"*, статья которого привлекла самое пристальное внимание - та, что восстанавливала королевскую власть в лице Оливера, с правом назначать своего преемника. Требование возрождения королевской власти не было делом рук ревностных льстецов. Корона считалась в Палате символом гражданского, а не военного правления, но по этой причине предложение о ней вызвало протест со стороны ведущих офицеров во главе с Ламбертом, который в 1653 году предложил корону человеку, которому теперь отказал. Что касается офицеров, то они, по всей видимости, руководствовались, по крайней мере частично, страхом, что парламентский протекторат в конце концов окажется не пуританским, а иным. Мотивы самого Ламберта разгадать несколько сложнее. Возможно, он считал королевскую власть по милости парламента меньшим благом, чем королевскую власть по милости армии. Еще более вероятно, что им двигала личная обида, когда он видел Флитвуда, вернувшегося из Ирландии, выше себя в глазах протектора, возможно, даже в глазах армии. Как бы то ни было, он вел кампанию с непревзойденным мастерством, держась в стороне от конституционного вопроса и бросая все свои силы на аргументы, которые мог понять самый грубый солдат, - что армия не отвергла одного короля, чтобы поставить другого. Когда он склонил на свою сторону Флитвуда и Десборо, зятя и шурина протектора, он практически выиграл партию, тем более что ему удалось подкрепить петицию против возрождения королевского титула подпиской ста офицеров. Оливер продолжал переговоры с парламентом столько, сколько мог, но в конце концов отказался от предложенной ему короны, чем оттолкнул от себя армию. Остальные статьи *"Смиренной петиции и совета"* были согласованы, и 26 июня Оливер был торжественно введен в должность Протектора под парламентским титулом, со всей, кроме королевской, pompой в Вестминстер-холле.

Некоторые современные авторы слишком много говорят о поражении Оливера в вопросе о королевском титуле. Титул, как он сам верно сказал, был бы лишь перышком в его шапке. Сомнительно, чтобы его принятие обезоружило хоть одного врага. Камни, на которые опирался Протектор, были слишком основательны, чтобы их можно было разрушить принятием неподходящего символа. Независимо от того, носил он корону или нет, никто не мог относиться к Оливеру так, как относились к Карлу I, или даже так, как впоследствии относились к Вильгельму III, который в некотором роде продолжил дело Протектора.

Если не считать действительно неважного вопроса о короне, военная партия к тому времени потерпела поражение по всей линии. Не только исчезли генерал-майоры, а сам Ламберт, вынужденный отказаться от всех своих должностей, военных и гражданских, ушел в выращивание тюльпанов в Уимблдоне; но и *"Смиренная петиция и совет"*, то есть парламентская конституция, полностью вытеснила Орудие правления в качестве основного закона трех наций. Наиболее важные положения новой конституции неизбежно носили характер компромисса. В обмен на создание второй палаты, состоящей из его собственных кандидатов, Протектор смог отказаться от притязаний Совета на исключение членов того, что теперь должно рассматриваться как Палата общин, понимая, что голосование, которым он был недоволен, не будет иметь силы, если оно будет не более чем голосованием одной

палаты. Кроме того, он добился лишь эпизодического контроля над старой палатой. Новая палата, выдвинутая им самим в первую очередь, была наделена правом в будущем исключать из своих рядов любого нового члена, выдвинутого им самим или будущим Протектором. Поскольку он позаботился о том, чтобы не назвать ни одного человека, который не был бы убежденным пуританином и преданным протекторату, он рассчитывал, что новая палата сможет навсегда отвергнуть законодательство, противоречащее интересам пуританства или протекторальной конституции. Финансовый вопрос, который развалил прошлый парламент, был решен в равной степени удовлетворительным для протектора образом. Вопрос о количестве солдат, которых необходимо содержать, был обойден молчанием, в то время как та же сумма, 1 800 000 фунтов стерлингов, которая была одобрена первым парламентом Протектората как необходимая для нужд армии и флота вместе с нуждами внутреннего правительства, была теперь предоставлена не на пять лет, как предлагал прежний парламент, а до тех пор, пока Протектор и обе палаты не согласятся изменить ее. Схема, в соответствии с которой Инструмент устанавливал численность армии в 30 000 человек, а затем оставлял за Протектором и Советом право взимать любые поставки, которые они считали необходимыми для ее поддержки, была намеренно оставлена без внимания. На бумаге условия соглашения выглядели достаточно убедительно. Англия наконец-то получила конституцию, которая не была порождением военной кучки. Протектор и парламент наконец-то были едины. К сожалению, те, кто приветствовал это справедливое согласие, мало учитывали силы, которые, вероятно, будут управлять событиями в недалеком будущем: силу армии, чья работа была сведена к нулю, силу парламентской традиции, укрепленной работой Долгого парламента, и, прежде всего, сила недовольства переменчивым песком, на котором было построено новое правительство, недовольства, которое легко могло проявиться в общенациональном призыве к восстановлению короля Стюартов - не потому, что его личность была любима, а потому, что он принес бы с собой то, что казалось прочной основой старых обычаев и нравов.

Оливер не был полностью поглощен конституционной борьбой или иностранными конфликтами. В области управления его правительство стоит выше всех предшественников, потому что ни один другой правитель не соединял в себе столь широкую терпимость к расхождению во мнениях с таким острым вниманием к индивидуальным заслугам. Он смог собрать вокруг себя восторженного Мильтона для написания тех величественных государственных бумаг, в которых он объявлял о своих решениях европейским державам; Эндрю Марвелла, самого прозрачно честного из людей, который, при всем своем восхищении Оливером, вписал в стихи, написанные им в качестве панегирика своему покровителю, строки о достойном появлении Карла на эшафоте, которые будут вспоминаться, когда все остальные его сочинения в прозе или стихах будут забыты. В Совете Оливера заседал Булстроуд Уайтлок, несколько степенный юрист, который, будучи слишком осторожным, чтобы дать предварительное одобрение революционным действиям Оливера, всегда был готов принять созданную ими ситуацию, и все же достаточно вдохновленный профессиональным чувством, чтобы оставить пост комиссара Большой печати, а не принять реформы Протектора в Канцлерском суде. Там же сидел Натаниэль Фиеннес, второй сын лорда Сайе и Селе, не очень-то государственный деятель с широкими взглядами, но готовый в любой момент написать государственные бумаги в защиту правительства, которое спасло его от пренебрежения, в которое он попал - возможно, незаслуженно - из-за поспешной сдачи Бристоля во время Гражданской войны. Среди дипломатов Оливера были Морланд и Локхарт. Среди его адмиралов - почтенный Блейк и вечно верный Монтегю. Среди тех, кто в то или иное время был его капелланом, были Оуэн, церковный государственный деятель, и Хоу, чье примерное благочестие заставило его усомниться в том, что семья протектора была достаточно религиозной, и чье широкое милосердие подготовило его к отказу от церкви

Реставрации не потому, что она была непуританской, а потому, что она была исключительной.

Однако, после всего сказанного, список древних союзников, изгнанных Протектором из общественной жизни, а в некоторых случаях фактически лишенных свободы, был еще более примечательным. Самый спокойный из людей вряд ли смог бы избежать ссоры с Джоном Лилберном, о котором говорили, что если бы он один остался в живых на свете, Джон бы спорил с Лилберном, а Лилберн с Джоном; но, по крайней мере, примечательно, что под властью Оливера оказались Вейн, с которым он долгое время общался как с братом; Харрисон, который сражался под его началом с самого начала Гражданской войны и который стоял на его стороне, когда члены Долгого парламента были вытолкнуты за дверь; Хазлеригг, охранявший английскую границу во время кризиса в Данбаре; Оки, возглавлявший драгун при Нейсби; Овертон, доверенный губернатор Халла, самого важного военного поста в Англии после Лондона; Ламберт, принимавший самое активное участие в подготовке правительственного акта; Купер, бывший одним из самых доверенных советников, не говоря уже о менее известных доверенных лицах, - все они были либо в тюрьме, либо в опале. Когда второй протекторат, как его иногда называют, начал свой путь, единственным человеком, не связанным с семьей протектора, который все еще занимал хоть что-то похожее на независимое положение, был Монк, губернатор и главнокомандующий в Шотландии, и вполне вероятно, что он был обязан своим авторитетом расстоянию, которое не позволяло ему вмешиваться в английскую политику. Истинное объяснение, по-видимому, заключается в том, что люди, с которыми расстался Оливер, были людьми не только определенных принципов, но и определенных идей. Каждый из них решил, что Англия получит пользу от установления определенной формы правления или определенного курса действий. Разум Оливера, конечно, не был лишен руководства определенных принципов. Он не считал правильным отдавать религию на откуп людям, которые, будь то епископалы или пресвитериане, накладывали бы оковы на свободу "народа Божьего". Он не мог признать право наследственного монарха или избранного парламента принимать решения, противоречащие интересам страны. Однако в этих пределах его разум был более эластичным, чем у его оппонентов. Опираясь на свои высокие цели, он мог варьировать методы, с помощью которых боролся с каждым злом дня по мере его возникновения. Те, кто присоединялся к нему в борьбе с королем, с различными парламентами своего времени или с военной властью, были так же неспособны, как и он, противостоять каждой новой опасности по мере ее возникновения. С момента одержания каждой частичной победы старых друзей приходилось вразумлять, затем отбрасывать и, наконец, удерживать их от совершения злодеяний. С годами Оливер, несмотря на способности тех, кто все еще служил под его началом, становился все более замкнутым человеком. Его сильное чувство религии в ее пуританской форме не только отталкивало тех, кто не был пуританином или не был религиозен, но и частая смена взглядов приводила в недоумение ту покладистую массу человечества, которая придерживается своей теории, особенно если в ней воплощены ее собственные интересы, и рассматривает любую смену политических методов как завесу, призванную скрыть моральную непристойность. Со времени установления протектората Оливер заметно потерял приверженцев.

Вероятно, именно растущее ощущение ненадежности политической поддержки, а не кумовство в обычном смысле этого слова, заставило протектора все больше и больше полагаться на услуги членов собственной семьи. Его младший сын, Генри Кромвель, теперь был лордом-наместником Ирландии. Его зять, Флитвуд, был не только членом Совета, но и, теперь, когда Ламберт был в опале, самым влиятельным офицером в армии, назначенным командовать ею в случае кончины Оливера. Его шурин, Десборо, занимал положение едва

ли менее значительное. Два других шурина, полковник Джон Джонс и полковник Валентин Вотон, были членами Совета в Англии и Ирландии. Локхарт, один из немногих шотландцев, поддержавших Протекторат, который в качестве дипломата занимался скреплением уз между Францией и Англией, взял в жены племянницу Протектора. Зять, Джон Клейпол, теперь был магистром лошадей. В армии Уолли и Инголдсби были его двоюродными братьями. Ни один из них, однако, не смог достойно занять полученное положение, а нежелание Оливера выдвигать Ричарда, старшего из оставшихся в живых сыновей, можно рассматривать как свидетельство того, что его привязанность к семье не преобладала над преданностью государству. Вкусы Ричарда были связаны с собаками и лошадьми. Недавно он сломал ногу на охоте в Новом лесу, а после выздоровления был доставлен в Вестминстер, чтобы занять свое место при установлении второго протектората. До этого времени только двое из советников, не занимавших других должностей, Ламберт и Стрикленд, получили титул "лорд", вероятно, он был присвоен им устно, и, конечно, не в связи с назначением в Палату представителей, как иногда утверждалось. Чиновники высокого ранга, подобно лорду-наместнику и лорду-хранителю старой монархии, именовались лордами, как в случае с Уайтлоком, ныне лордом-комиссаром Казначейства, и Фиеннесом, лордом-комиссаром Большой печати. Постепенно обычай, быстро подтвержденный официальным уведомлением, передал титул лорда сыновьям и зятям Протектора, а леди - его дочерям. Лорд Ричард был принят в Совет только в последний день 1657 года, и к нему отнеслись с некоторыми почестями, причитающимися наследнику, но до последнего его отец удерживался от того, чтобы воспользоваться правом назначить преемника, которое было предоставлено ему последней конституцией.

Насколько это было в его силах, Оливер заботился о том, чтобы его семья служила примером для всех семей в стране. Как ни строг он был в изгнании не только порока, но и глупости, ведущей к пороку, он был не более противником разумных развлечений, чем другие, более трезвые пуритане того времени. Музыка и песни имели для него особое очарование, а среди своих солдат он демонстрировал признательность за здоровую шутку, например, от души смеялся по дороге в поход на Данбар, когда один из них обрушил на голову другого опрокинутую баночку со сливками. После победы при Вустере он был замечен на ярмарке в окрестностях Эйлсбери, и если он запретил конные скачки, а также драму, петушинные бои и медвежьи приманки, то не потому, что не любил развлечения, а отчасти потому, что выступал против безнравственности, которой сопровождались эти развлечения, и отчасти потому, что скопление зрителей скрывало скопление роялистов и других заговорщиков. В лошадях он разбирался не хуже своего сына Ричарда, и именно от пары резвых скакунов, подаренных ему графом Ольденбургским, он едва не погиб в первые дни Протектората. В последние годы Оливеру пришлось ограничить удовольствие от деревенской жизни. Другие правители имели привычку совершать летние переезды, которые отрывали их от дел и городской жизни. Оливер - если он не изобрел ничего другого - может считаться изобретателем той измененной формы наслаждения, которой в наши дни трудолюбивые горожане дали название "уик-энд". Подвергаясь нападениям со всех сторон, он не решался надолго покидать резиденцию правительства и находил отдохновение в еженедельном визите в Хэмптон-Корт, который длился с субботы по понедельник; продолжительность его пребывания лишь изредка продлевалась из-за болезни или каких-то необычных семейных обстоятельств.

Домашняя жизнь Протектора была такой, какой и следовало ожидать от человека, чье сердце было столь же теплым, сколь и высоким. В разгар самых тяжелых трудов, пока он находился в Уайтхолле, редко проходил день, когда он не обедал и не ужинал в кругу семьи, и вплоть до смерти своей престарелой матери в 1654 году он имел привычку навещать ее

каждый вечер, прежде чем она уходила на покой. Из четырех его дочерей две уже были замужем: старшая, Бриджет, после смерти первого мужа, Иретоны, стала женой Флитвуда; а вторая, изящная и грациозная Элизабет, вышла замуж за Джона, иначе лорда Клейпола, которому протектор доверил заведование своими конюшнями под титулом мастера лошадей. 11 ноября 1657 года, через несколько месяцев после начала второго протектората, Фрэнсис, младшая из четырех, была выдана замуж за Роберта Рича, внука графа Уорика, верховного адмирала Долгого парламента, а на следующей неделе ее сестра Мэри была выдана замуж за лорда Фоконберга. Первый из этих двух браков долго откладывался из-за сомнений протектора в характере жениха, а также из-за его недовольства предложенным поселением - моральное чувство Оливера вновь переплелось с его практическими решениями. В то время говорили, что союз с Фоконбергом он ценил больше, чем союз с семьей Уорик, как привлечение на свою сторону пэра-роялиста.

Ни одна из четырех дочерей Оливера никогда не давала отцу повода для серьезного беспокойства. И хотя они были менее упорны, чем он сам, и иногда, по его мнению, нуждались в подстегивании к более высоким духовным целям, он, кажется, никогда не обращался к ним иначе, чем как к тем, кто был достоин родительской любви. Если он действительно предпочитал леди Клейпол другим своим дочерям, то, скорее всего, потому, что она была более энергичной и менее внешне набожной, чем ее сестры. "Твоя сестра Клейпол, - писал он Бриджит вскоре после того, как она стала женой Айретоны, - как я надеюсь на милость, занята некоторыми недоуменными мыслями. Она видит свое тщеславие и плотский ум; она сокрушается об этом. Она ищет - как, надеюсь, и я - то, что удовлетворит ее: и таким образом быть искателем - значит быть в лучшей секте, чем искатель; и таким в конце концов будет каждый верный смиренный искатель. Счастлив ищущий, счастлив нашедший! Кто когда-либо вкушал, что Господь милостив, без чувства собственного достоинства, тщеславия и скверны? Кто когда-либо вкушал эту Его милость и мог не столько желать, сколько стремиться к полному наслаждению?" О самой Бриджит он пишет с еще большей уверенностью. "Дорогое сердце, - продолжает он, - не останавливайся; пусть ни муж, ни что-либо другое не охладит твоих привязанностей ко Христу. Я надеюсь, что он станет поводом для их разжигания. То, что больше всего достойно любви в твоём муже, - это образ Христа, который он несет. Смотри на это и люби его больше всего, а все остальное - за это. Я молюсь за тебя и за него; сделай это и для меня". Однако даже Бриджет далеко не соответствовала современным представлениям о пуританской леди, о чем свидетельствует великолепный желтый шелковый подъюбник, передававшийся из поколения в поколение в семье ее старшей дочери. Тем не менее не тщеславие Бриджит больше всего волновало ее отца. Пять лет спустя, в письме жене из Эдинбурга, он просит ее "вспомнить о бедной Бетти", *то есть* Элизабет, леди Клейпол, "по великой милости Господа", и призвать ее "беречься от отступления сердца и от увлечения мирской суетой и мирской компанией, чему, я сомневаюсь, она слишком подвержена". Живость, вызывавшая такие душевные искания, несомненно, была той ниточкой, которая еще крепче привязала Оливера к ней. Однажды мы слышим, как она сдержанно уверяет Уайтлока, что именно страх перед его огромным влиянием заставил ее отца отправить его с дороги в Швецию, когда он собирался принять протекторат. В другой раз нам рассказывают, как она едет на машине с кузеном Инголдсби и двумя своими сестрами, все три дамы одеты в зеленое, а придворная публика следит за их передвижениями и кланяется, когда они проезжают мимо. Затем мы слышим о презрительных выражениях, которыми она, с гордостью леди, как по рождению, так и по отцовским заслугам, объяснила отсутствие жен некоторых генерал-майоров на развлечении, в котором она принимала участие: "Уверяю вас, они моют посуду дома, как раньше". И все же у нее был открытый слух для проблем и готовый язык, чтобы не напрасно

отстаивать интересы невинных перед отцом. К лету 1657 года ее здоровье пошатнулось, и одно время ее жизнь была под угрозой.

Здоровье самого Оливера было далеко не таким, чтобы обещать долголетие. Хотя у него не было серьезных болезней с тех пор, как его жизнь оказалась в опасности в Шотландии после напряженной и тревожной кампании при Данбаре, короткие приступы нездоровья упоминаются часто, а венецианский посол, представленный ему осенью 1655 года, заметил дрожащую руку, которой он держал шляпу, приветствуя его, - симптом слабости, который оставил свой след в его рукописном творчестве в более поздний период жизни. Летом 1657 года он задержался в Хэмптон-Корте из-за болезни, по-видимому, малярийной лихорадки, более чем на неделю. Однако его дух был так же высок, а решимость так же тверда, как и прежде. Ни разу состояние государственных дел не предъявляло к его умственным способностям таких требований, как в последние четырнадцать месяцев его жизни. Правда, принятие новой парламентской конституции, казалось, на мгновение решило проблему внутреннего управления, но его проницательность была бы гораздо ниже, если бы он вообразил, что всем его трудностям пришел конец.

С другой стороны, если бы протектор посмотрел за границу, фортуна, казалось, улыбнулась бы ему. Пока парламент еще заседал, пришло известие, что Блейк уничтожил испанский флот с сокровищами, находившийся под защитой фортов в гавани Санта-Крус на Тенерифе. Это был самый опасный, а значит, и самый славный поступок в жизни благородного и патриотичного человека. Измотанный трудами и облучением, Блейк попросил и получил разрешение вернуться домой в поисках отдыха, в котором он так нуждался. Но прежде чем корабль, на котором он плыл, достиг Плимута, его дух иссяк. Великий адмирал был удостоен публичных похорон в Вестминстерском аббатстве.

Испания, лишенная возможности получать сокровища из Индии, была неспособна к серьезным военным действиям, и уже был заключен союз, который должен был принудить ее к покорности. Еще до победы при Санта-Крус между Оливером и Людовиком XIV был подписан договор, предусматривающий совместное нападение на испанские крепости Дюнкерк, Мардаик и Гравелин, первые две из которых должны были достаться на долю Англии, а последняя - Франции. Английские войска численностью 6 000 человек должны были объединиться с французскими силами численностью 20 000 человек, а блокада на море возлагалась на английский флот. Половина английского контингента была сразу же отправлена под командованием сэра Джона Рейнольдса, но то ли военная необходимость, то ли нежелание Мазарина выполнять свои обязательства заставили его предпочесть далекую осаду Монмеди нападению на прибрежные города, и только после горячих увещаний протектора были приняты меры по выполнению договора. В качестве английского контингента сомневаться не приходилось. Тюренн, чья похвала в военных вопросах была действительно похвалой, заявил, что никогда не видел более прекрасных войск. Как только Мазарин убедился в серьезности своих намерений, оставшиеся 3000 человек были отправлены во Фландрию, и еще до конца октября Мардаик был захвачен и преданно передан в руки английского гарнизона. Дальше этого места в столь ранний период идти было невозможно. Летом 1658 года объединенные армии разгромили испанцев на Дюнах, а сам Дюнкерк был добавлен к владениям Англии на континенте.

Мудрость внешней политики, которая дала Англии сухопутную границу в Европе, часто обсуждалась, и конфликт аргументов еще не угас. Правда, в более поздние годы эта страна была вынуждена решать задачу обеспечения безопасности колониальных владений, которые в некоторых случаях на тысячи миль граничат с территориями, принадлежащими независимым и, возможно, враждебным государствам. Однако нет никакого сравнения

между огромной территорией, такой как Доминион Канада, населенной растущим и лояльным населением, и укрепленным пунктом, таким как Дюнкерк, жители которого были чужды по расе и религии английскому гарнизону, который должен был их удерживать, особенно учитывая, что Дюнкерк был простым портом на краю континента, принадлежащего великим нациям, две из которых жаждали его обладания и, конечно, не оставили бы камня на камне, чтобы вернуть его. Единственные параллели в нашей истории, которые стоит рассмотреть, - это захват Кале в средние века и Гибралтара в наши дни. Бесполезно рассуждать, если бы Дюнкерк не был полюбовно сдан Франции Карлом II, его постигла бы судьба Кале, но не лишним будет напомнить, что если Гибралтар занят для того, чтобы держать море открытым, и никогда не использовался в качестве угрозы независимости Испании, то Дюнкерк, как мы знаем от Турлоя, которому были открыты все тайны ума Оливера, был занят, во-первых, как угроза голландскому морскому могуществу, а во-вторых, чтобы дать Англии возможность эффективно вмешиваться в дела Франции или Испании, в то время как Мазарин считал, что главная цель Оливера - сокрушить растущее могущество Франции. Эти притязания можно осуждать или защищать на абстрактных основаниях, не принимая во внимание ни конкретных обстоятельств, ни конкретного времени. Совершенно точно, что такая политика, если она должна была быть успешной, требовала не только продления жизни Оливера, но и продолжения, и даже больше, чем продолжения его военной системы. В то время, когда английская нация - неважно, по справедливости или просто от нетерпения к налогам, которые она вполне могла вынести, - горько жаловалась на тяжелое бремя, налагаемое необходимостью содержать существующую армию, Оливер приступал к внешней политике, которая рухнет с треском, если эта армия не будет удвоена - возможно, даже утроена, чтобы дать отпор врагам, которых она вызовет. Эта политика была заранее обречена, хотя бы из-за отчаянных финансовых затруднений, которые должны были последовать за ней, когда Франция больше не будет связана с Англией необходимостью помогать ей в борьбе с Испанией. Враждебности Франции действительно могло противостоять правительство, сильное преданностью своего народа и накопленными за полвека торговли богатствами - сильное также и союзом с военными державами, основанным на необходимости объединиться в противостоянии общей опасности. Если бы Оливеру было даровано еще двадцать лет жизни, которые, по мнению восторженных поклонников, необходимы для успеха его планов, можно не сомневаться, что европейская коалиция была бы сформирована против Протектора задолго до того, как она была сформирована против Людовика XIV.

Такая опасность, как ни велика она была из-за простых политических притязаний Протектора, значительно усиливалась его попыткой вдохновить свою внешнюю политику - достаточно опасную саму по себе - моральными и религиозными чувствами, которые находили мало отклика в Англии и совсем не находили на континенте. Несомненно, высшей славой Оливера было то, что он стремился к чему-то более приятному, чем материальная выгода и материальная власть, которые часто считаются достаточными объектами усилий нации, и его вмешательство в защиту жертв пьемонтской жестокости так же глубоко врезалось в память англичан, как резня в Дрогеде врезалась в память ирландцев. Хочется надеяться, что никто из тех, чье мнение заслуживает внимания, никогда не упрекнет Оливера в том, что он попытался использовать свои силы для защиты не только могущества и интересов своей страны, но и ее чести - чести, которая заключается не в обидчивости на оскорбления, а главным образом в готовности помочь в высшем служении человечеству как за своими пределами, так и внутри них. И все же нет такого дела, которое требовало бы большей осмотрительности, большей точности в определении относительной важности сложных фактов, большего знания нравов тех, на кого может повлиять действие, направленное на благо других.

Именно в этом направлении ум Оливера был наиболее несовершенен. С самого начала протектората он переоценивал опасность, угрожавшую протестантизму со стороны римско-католических держав, и тщетно пытался создать великий протестантский альянс, чтобы противостоять той опасности, которая была лишь воображаемой. Резня водеев подтвердила его убеждение в том, что опасность была постоянной, а война с Испанией привела его в резкий антагонизм с римско-католической державой, отличавшейся крайним фанатизмом. Поэтому мы можем полностью довериться Турлоу, когда он добавляет к причинам, побудившим Оливера занять Дюнкерк, его надежду на то, что обладание этим местом будет полезно для его великого замысла ослабить не только Испанию, но и весь Австрийский дом, как участвующий в заговоре с целью нанести ущерб и, если возможно, уничтожить протестантизм. То, что такой взгляд на дело был грубым анахронизмом, никто из знакомых с историей Европы сейчас не станет отрицать. Отдельные случаи преследования протестантов римско-католическими правительствами действительно были - и, вероятно, будут еще, - но тенденция к созданию европейских союзов на основе религии осталась в прошлом. Пока речь шла о Дюнкерке - а критики и поклонники внешней политики Протектората были склонны утверждать, будто это касалось только Франции и Испании, - намерения Оливера в этом направлении не представляют особого интереса, поскольку он не прожил достаточно долго, чтобы попытаться сделать свой новый порт основой европейской войны. Именно в балтийской политике наиболее ярко проявились недостатки его метода.

Политика Швеции уже давно была направлена на приобретение владений на противоположном побережье Балтики, и в последнее время Оливер в меньших масштабах проводил эту политику в отношении земель за Ла-Маншем. Имея более малонаселенную и бедную, чем Англия, территорию, шведские короли, как и Содружество и Протекторат, собрали слишком большую армию, которую можно было поддерживать только наступательной войной. Целью было овладение Балтийским морем, и в 1648 году, по окончании Тридцатилетней войны, Швеция оказалась во владении не только Финляндией и прибрежными районами к югу от Риги, но и Западной Померанией, портом Висмар и секуляризованными епископствами Бремен и Верден. Это была политика еще более провокационная, чем та, которую проводил Оливер, поскольку речь шла не просто о владении одинокой точкой за морем, а о владении территориями, контролирующими устья таких рек, как Одер, впадающий в Балтику, и Эльба и Везер, впадающие в Северное море. В 1655 году король-воин Карл X., который за год до этого унаследовал шведский престол после отречения Кристины, вступил в войну с Польшей, что грозило ему передачей командования и над Вислой. Во всем этом Англия была заинтересована, поскольку для нее было очень важно, чтобы вся балтийская торговля, откуда она получала материалы, без которых она не могла бы отправлять свои флоты в море, не перешла полностью в руки одной великой военной державы. Именно такой взгляд на дело понравился голландцам, и в 1656 году они отправили флот на Балтику, чтобы сохранить независимость Данцика. Оливер не мог не считаться с такой точкой зрения, но не в его характере было довольствоваться погоней за чисто материальными интересами. С лета 1655 года, когда Карл X. сделал предложение о союзе, протектор стремился придать ему характер всеобщей протестантской лиги, чтобы нанести удар по немецкой ветви Австрийского дома.

Весь план Оливера можно описать только как продукт совершенного невежества - невежества в том, что Карл X., агрессивный, эгоцентричный и не заботящийся ни о чем, кроме своих собственных интересов как короля и как солдата, был еще одним Густавом Адольфом или, скорее, еще одним таким бескорыстным энтузиастом, каким Густав Адольф предстал в воображении англичан - невежества в том, что Австрия и Польша, с одной

стороны, или Бранденбург и Дания - с другой, могли руководствоваться в своих движениях религиозными, а не политическими мотивами.

Кризис наступил в 1657 году, в год, когда Оливер был возведен парламентом в конституционный протекторат. Карл X., закрепившийся в устье Вислы благодаря оккупации Западной Пруссии, естественно, стал объектом подозрений для Фридриха Вильгельма Бранденбургского - Великого курфюрста, как его впоследствии стали называть, - который с неудовольствием наблюдал за растущим могуществом Швеции на Балтийском побережье и которого все соображения политики побуждали закрепить за собой полосу земли, находившуюся между частью его собственных владений и морем. Фредерик III Датский, опасаясь окончательной потери своих владений за Зондом, воспользовался возможностью выступить против Карла, и Бранденбург, и Дания, как протестанты, искали поддержки у Леопольда, который только что унаследовал австрийские наследственные владения. Однако Леопольд, вместо того чтобы поспешить на помощь этим двум государствам, был сдержан чисто политическими интересами и не проявил особого желания помогать им. Карл X. воспользовался случаем и без труда провел свою армию через Голштинию в Шлезвиг и Ютландию, тем самым завладев всеми континентальными землями короля Дании.

Шведский король был готов обмануть Оливера до самого верха. Хотя в нем не было ничего от духа крестоносца, он был готов извлечь из энтузиазма Оливера все возможные выгоды. К счастью для Англии, он отклонил предложение Протектора, сделанное весной 1657 года, о передаче ему секуляризованного Бременского архиепископства в качестве обеспечения займа. Архиепископство требовалось Оливеру как основа для продвижения в Германию в рамках нападения на немецкие католические государства - проект гораздо более неразумный, чем оккупация фламандских портов, и который, если бы он был осуществлен, оставил бы мало места для панегиристов Оливера, чтобы охарактеризовать превосходство его внешней политики. До конца года Карл был вполне готов обсуждать протестантский союз, лишь бы от него не требовалось немедленного воплощения в жизнь. Несомненно, в будущем он был бы готов напасть на Австрию или любую другую страну, если бы от этого можно было что-то выиграть. Пока же он был занят ссорой с Данией, и до тех пор, пока она не будет завершена, ничего другого делать было нельзя.

Именно в этот момент Оливер открыл вторую сессию своего второго парламента. Полный удовлетворения собственной внешней политикой, он был также полон огорченного удивления по поводу проступков Фредерика Датского и Фредерика Вильгельма Бранденбургского, которые, не без доброй воли Голландской республики, бросились на пути нового Густава Адольфа. Через несколько дней после открытия сессии Оливер представил парламенту картину папской Европы, ищущей "повсюду протестантов, чтобы пожрать". "Что есть во всех частях Европы, - спросил он наконец, - кроме согласия, сотрудничества, в это самое время и сезон, чтобы подавить все, что стоит на пути папских властей?" "Я, - добавил он, - слава Богу, подумал, и прошу вас подумать вместе со мной, какое сопротивление можно оказать этому могучему течению, которое, кажется, со всех сторон надвигается на всех протестантов? Кто может противостоять этой опасности? Бедный принц, действительно бедный, но человек в его лице столь же галантный, и, я думаю, я могу сказать, столь же хороший, как и все, кого породили последние века; человек, который приложил все свои силы против интересов папистов в Польше и сделал свое приобретение еще хорошим для протестантской религии. Теперь он загнан в угол; и что еще больше усугубляет всеобщее горе - более тяжкое, чем все, о чем говорилось ранее, - я хотел бы, чтобы это было сказано не слишком искренне, - так это то, что люди нашей религии забывают об этом и ищут его гибели". Дело Карла X. стало очень дорогим для Оливера и, по его мнению, должно было

стать очень дорогим для английского народа. В его глазах "папистский заговор" против шведского короля занимал важное место. "Это заговор, - продолжал он, - против самого вашего существа; эта хитрость и сложный замысел против протестантских интересов, в которых так много протестантов не так правы, как хотелось бы! Если они смогут закрыть нам доступ к Балтийскому морю, - у Оливера мысли о материальном процветании никогда не расходились с его духовным энтузиазмом, - и сделают себя его хозяевами, то где же ваша торговля? Где ваши материалы для сохранения судоходства? Где вы сможете оспорить любое право на море или оправдаться перед иностранным вторжением на вашей собственной земле? Подумайте об этом; таков замысел! Я думаю, если вы пойдете и спросите бедного моряка в красной фуражке и пальто, когда он переходит с корабля на корабль, вы вряд ли найдете на каком-нибудь судне, но они скажут вам, что это направлено против вас. Это и многое другое говорит о том, что вы - цель; и, по совести говоря, я не знаю, за что еще, но за чистоту профессии среди вас, которые еще не сделали своим ремеслом предпочитать свою прибыль благочестию, но считают благочестие большей выгодой".

Виновата была голова Оливера, а не его сердце. Но через несколько дней после того, как были сказаны эти слова, Карл X. уже топал со своей армией по льду двух поясов в том чудесном походе, который привел его в Зеландию и заставил Фредерика III подписать Роскильдский договор, по которому к Швеции отходили датские владения к востоку от Зонда. Что же делали послы Оливера во время переговоров по этому договору? Они спорили, как мог бы спорить любой голландец или бранденбуржец, за материальные интересы своей страны. Они поддерживали желание Карла аннексировать датские провинции за Зондом, поскольку это оставляло проход в Балтику под контролем двух держав вместо одной. Они противились его желанию присоединить более двух провинций Норвегии, чтобы монополия на торговлю древесиной не перешла в его руки. О протестантском союзе не было сказано ни слова.

Тем не менее, протестантский союз не выходил из головы Оливера. Теперь, когда Дания была разгромлена, Карл заявил, что готов напасть на Леопольда Австрийского, если только ему позволят сначала разгромить Бранденбург; и в мае в Берлин был отправлен английский посол, чтобы умолять курфюрста Бранденбурга присоединиться к Англии и Швеции против Леопольда, на поддержку которого Фридрих Вильгельм рассчитывал в случае неспровоцированного нападения со стороны Карла. К счастью для Англии, Фридрих Вильгельм отказался принять это безумное предложение, и в августе Карл возобновил войну против Дании, твердо решив подчинить себе всю скандинавскую территорию, прежде чем втянуть себя в дальнейшие осложнения в Германии, в которые Оливер, поддерживаемый Мазарином, стремился его вовлечь. "Франция, - говорил шведский король, - хочет ограничить меня и предписать мне курс, который я должен проводить, и Англия пытается сделать то же самое, но я поставлю себя в такое положение, чтобы быть независимым от их приказов". Его министры еще более открыто говорили о своих планах на будущее. Когда Дания и Норвегия будут аннексированы, а Балтика перейдет под неоспоримый контроль Швеции, Курляндия и Западная Пруссия неизбежно должны перейти в руки их хозяина. Затем с армией в 40 000 человек, поддерживаемой флотом из 100 кораблей, шведская армия пройдет через Германию в Италию, посетит Папу и разграбит Рим. "Их первая мысль - грабеж", - добавил французский посол, который сообщил об этих испарениях, возможно, не без преувеличения. Карл X. был великим солдатом, но он отнюдь не был угнетенным святым из воображения Оливера.

Можно не сомневаться, что поддержание войны в сердце Германии, даже со шведским союзником, было бы далеко не по карману Оливеру. Оккупация фламандских портов

истощила его ресурсы до предела. В речи, в которой он воспевал высокие дифирамбы шведскому королю, он был вынужден ссылаться на нужды армии как на основание для требования новых поставок. Задолженность по жалованью была велика, и именно от армии зависело сдерживание враждебных партий внутри страны и предотвращение нападения роялистов из-за границы. Но и эта армия не была нужна для целей простой обороны. Представив себе, что большинство континентальных наций движимы диким желанием напасть на Англию, он пришел к выводу, что нападение - лучшая защита. "Вы считали себя счастливыми, - сказал он парламенту, - будучи окруженными большим рвом со стороны всего мира. Воистину, вы не сможете удержать ни свой ров, ни свое судоходство, если не превратите свои корабли и судоходство в конные и пешие отряды и не будете сражаться, защищая себя на *твердой земле*".

Вот к чему привела столь восхваляемая Оливером внешняя политика - больше полков и еще более высокие налоги, чем те, которые, по мнению подавляющего большинства англичан, и без того были слишком высоки. Большая континентальная война, со всеми ее рисками и тяготами, висела перед глазами парламента, для которого такая перспектива была непривлекательной. Этот парламент больше не был органом, который проголосовал за новую конституцию. Теперь было не только две палаты, но и значительно изменился состав старшей палаты. Самые решительные сторонники Протектората были отозваны, чтобы занять скамьи новой палаты, а пункт "*Смиренной петиции и совета*", запрещавший Протектору когда-либо еще исключать членов, должным образом избранных из того, что теперь стало Палатой общин, открыл двери для его самых решительных врагов. Люди, которые теперь оказались на своих местах, такие как Хазлеригг и Скотт, душой и сердцем были против всей системы протектората и жаждали восстановления верховенства парламента. Такие люди были тем опаснее, что достаточно хорошо разбирались в парламентской тактике и знали, как выгодно использовать призыв к объединению, который привлечет на их сторону "теплых". Полномочия и атрибуты другой палаты были плохо определены в конституционном документе, которому она была обязана своим рождением, и было легко завоевать приверженцев, утверждая, что она не имеет права ни на название, ни на привилегии палаты лордов монархии. После нескольких дней препирательств Протектор решил положить конец дебатам. Он жаловался, что тяжело принимать конституционное решение по приглашению того самого парламента, а потом ставить его под сомнение. "Могу сказать, - продолжал он, - перед лицом Бога - по сравнению с которым мы всего лишь бедные ползучие муравьи на земле - я был бы рад жить под своим деревом и держать стадо овец, чем взять на себя такое правительство, как это. Но, приняв его по совету и прошению вашему, я заботился о том, чтобы вы, предложившие его мне, исполнили его".

Подобные формулировки должны показаться тем, кто судит о словах и действиях парламента, не имеющими достаточных оснований. Неоспоримо, что конституция не содержала определения полномочий новой палаты, и если бы не существовало другого, кроме мнимого вопроса, о котором идет речь, было бы неразумно со стороны Оливера торопить кризис, прежде чем пытаться, прямо или косвенно, предложить условия компромисса. На самом деле этот вопрос другой палаты был очень далек от того, чтобы охватить всю суть дебатов. В Сити распространялась петиция с тысячами подписей, требовавшая полного восстановления верховенства парламента и - несомненно, чтобы заручиться поддержкой определенной части армии - принятия закона о том, что ни один офицер или солдат не должен быть кассирован без приговора военного суда. Оливер был совершенно прав, считая, что нападение на другую палату равносильно нападению на конституционный Протекторат. Он сам рассчитывал на то, что палата вернет ему в другой форме те полномочия, от которых он отказался, когда выпустил из рук документ. Сохранив в

своих руках выбор членов Палаты и обеспечив ей право вето на последующие назначения - принцип наследования был полностью исключен, - он полагал, что в достаточной степени обеспечил будущее. Его цели, которые он при этом преследовал, можно принять за цели, изложенные писателем, который имел достаточно возможностей для того, чтобы понять его намерения. "Для Протектора не было малой задачей найти для этого места бездельников, потому что будущая безопасность честных интересов, казалось, под Богом, была заложена в них; ибо нравственное поколение, если они будут хорошо выбраны с самого начала, будет распространять свой род, когда одиночка не сможет, а общины, представляющие нацию, не смогут, имея в них по большей части дух тех, кого они представляют, который имеет мало общего с уважением к делу Божьему". Легко критиковать такой принцип с современной точки зрения. И все же, если мы хотим справедливо оценить мораль политических действий Оливера, никогда не следует забывать, что право честного правительства не дать людям навредить себе, переголосовав более здравомыслящих членов общества, было, а не какая-либо демократическая или парламентская теория, доминирующей нотой его карьеры. Именно этим, по крайней мере, объясняется его согласие с выбором назначенного парламента, а также его разрыв с парламентами, которые он распустил в 1655 и 1658 годах.

Такие взгляды не могли не привести Протектора к разрыву и со вторым парламентом. Люди, которые роптали на дерзость его новых лордов, как он хорошо знал, готовы были ответить на их нападение другим, более прямым, направленным против его собственной власти. Остальная часть речи Протектора понятна только при таком предположении. Заявив о своем намерении отстаивать новую конституцию, он обвинил своих противников в намерении ее подмять. "Все это, - заявил он, - ведет не к чему иному, как к игре шотландского короля - если можно так его назвать, - и я считаю себя обязанным перед Богом сделать все возможное, чтобы предотвратить это; и если это так, то я объясняю это тем, что вы не согласились на то, к чему приглашали меня своей петицией и советом, как на то, что может послужить урегулированию нации; и если это конец вашего заседания, и это ваша повозка, то я считаю, что пора положить конец вашему заседанию. И я распускаю этот парламент! И пусть Бог будет судьей между вами и мной!"

Никто лучше Оливера не понимал тяжести обрушившегося на него удара. Его попытка управлять страной на основе парламентской конституции оказалась столь же неосуществимой, как и попытка управлять страной на основе военной конституции. На целую неделю он замкнулся в себе, размышляя вдали от Совета о средствах исправления катастрофы. Лишь однажды за все это время он появился в кругу своей семьи. Затем, после продолжительных консультаций с советниками, собранными издали, он решил созвать новый парламент, который должен был собраться этой же весной. По крайней мере, он будет твердо придерживаться конституции, которой присягнул, и мог лишь надеяться, что нация будет столь же лояльна, когда выбор между упорядоченной свободой и неограниченным правлением одной палаты будет честно поставлен перед избирателями. Это было средство, которое впоследствии применил Вильгельм III к аналогичной беде, и не напрасно.

К несчастью для Кромвеля, обстоятельства сложились иначе. Здесь нет необходимости обсуждать относительные достоинства писаных и неписаных конституций, с одной стороны, или доминирующего парламента и доминирующей исполнительной власти, с другой. Та или иная форма правления может быть желательна в разных странах и в разное время. Необходимо одно - чтобы институты нации, какими бы они ни были, поддерживались национальными чувствами". Именно его Оливеру никогда не удавалось вызвать, потому что он никогда не апеллировал к нему, и вряд ли ему удастся вызвать его сейчас. Он мог какое-то время - и только какое-то время - править Англией с помощью армии. Он не мог править ею с

помощью бумажки. В ближайшем будущем, как он уже видел, бесконтрольное верховенство парламента вернет Стюартов, потому что традиционное влияние старой монархии на умы людей было единственной силой, способной сдерживать и тиранию армии, и анархию, которая не могла не возникнуть, если бы враждующие партии были предоставлены самим себе в борьбе за власть, не опасаясь военного вмешательства. Силы самого Оливера, направленные на благое дело, становились все слабее. Финансовые затруднения окружали его. Матросы и солдаты не получали жалованья, хотя Бремен не был занят, а английская армия боролась - в этом можно не сомневаться - за верное поражение в сердце Германии.

Задуманный им парламент так и не был создан. Другой большой роялистский заговор на некоторое время отнял у правительства все силы. Оливер, со свойственным ему милосердием, довольствовался двумя казнями - доктора Хьюита и сэра Генри Слингсби, в то время как еще три жертвы искупали свою вину за участие в проекте по поднятию беспорядков в Лондоне. Как только снова появился, дела приняли более благоприятный оборот. Победа при Дюнах, в которой французская армия при поддержке 6000 английских солдат разгромила испанцев, была одержана 4 июня, а сдача Дюнкерка 14-го числа вместе с последующими успехами союзников во Фландрии поставила под сомнение возможность высадки изгнанного короля в Англии с испанской помощью. Мысль о созыве нового парламента могла показаться вполне осуществимой при таких счастливых обстоятельствах, и подготовка к его заседанию началась в ноябре.

Стал ли бы этот парламент, если бы он вообще собрался, поддерживать Протекторат более решительно, чем его предшественники, - вопрос, на который никогда нельзя ответить. Можно лишь сказать, что радикальные элементы ситуации остались неизменными. Оливер был глубоко опечален своей неудачей, и его тревожные мысли отражались на его и без того ослабленном здоровье. Смерть была занята и в его семейном кругу. Молодой Рич, новоиспеченный муж его дочери Фрэнсис, умер в феврале. 6 августа после долгой и мучительной болезни скончалась его любимая дочь, леди Клейпол. Скорбные бдения Оливера у ее постели сломили все, что осталось у него от телесной выносливости. Время от времени он действительно выходил на воздух, и в один из таких случаев Джордж Фокс, пришедший поговорить с ним о гонениях на Друзей, заметил, как изменилось выражение его лица. "Прежде чем я подошел к нему, - заметил Фокс, - когда он ехал во главе своей гвардии, я увидел и почувствовал, как от него исходит веяние смерти; а когда я подошел к нему, он выглядел как мертвец". 24 августа Протектор переехал в Уайтхолл. Болезнь, от которой он страдал, усилилась. В воскресенье, 29 августа, в церквях возносили молитвы о его выздоровлении. На следующий день разразилась великая буря, запечатлевшаяся в памяти того поколения. Дьявол, говорили кавалеры, пришел, чтобы забрать домой душу убийцы и тирана. Вокруг постели умирающего правителя бдительно следили более дружелюбные глаза. "Доктора, - писал Турлоу Генри Кромвелю в Ирландию, - все еще надеются, что он сможет выкарабкаться, хотя их надежды смешаны с большим страхом". Двадцать четыре часа спустя все еще сохранялись обнадеживающие признаки. "Господь, - писал Флитвуд, - благоволил немного оживить его сегодня вечером; после нескольких дремотных снов его пульс стал лучше". Слова Писания, предостерегающие и утешающие, постоянно звучали из уст больного. "Страшно, - трижды повторил он, - впасть в руки Бога живого". На тревожные вопросы больного он отвечал твердым заверением в милосердии. "Господи, - пробормотал он, когда наступил вечер, - хотя я жалкое и ничтожное создание, я в завете с Тобой по благодати, и я могу, я буду приходить к Тебе за народ Твой. Ты сделал меня, хотя и очень недостойным, ничтожным орудием, чтобы принести им пользу, а Тебе - служение, и многие из них слишком высоко ценят меня, хотя другие желают и были бы рады моей смерти. Господи, как бы Ты ни распорядился мной, продолжай и дальше делать для них добро. Дай

им постоянство в суждениях, единое сердце и взаимную любовь; продолжай освобождать их, совершать дело реформации и прославлять имя Христа в мире. Научи тех, кто слишком полагается на орудия Твои, больше полагаться на Себя. Прости тех, кто желает попирать прах бедного червя, ибо они тоже люди Твои. И прости глупость этой короткой молитвы, хотя бы ради Иисуса Христа. И дай нам спокойной ночи, если это будет угодно Тебе. Аминь."

Е Ее второй брак с сэром Джоном Расселом состоялся уже после Реставрации.

Вскоре надежда перестала быть возможной. Оливер и сам понимал, что его жизнь стремительно подходит к концу. "Я хотел бы, - говорил он, - еще послужить Богу и Его народу, но мое дело сделано". Еще несколько молитв, еще несколько слов, и 3 сентября, в годовщину Данбара и Вустера, а также обнадеживающей встречи его первого парламента, испытанный слуга Бога и своей страны вступил в назначенный покой от всех своих трудов.

Этот человек - так всегда бывает со знатными людьми - был больше, чем его дело. В его собственном сердце лежало решение подчинить себя общественным целям, а материальное подчинить моральным и духовным объектам желания. Его работа была выполнена в условиях, которым подчиняются все человеческие усилия. Он был ограничен недостатками, которые делают несовершенными характер и интеллект даже самых благородных и мудрых людей. Еще больше его ограничивало нежелание современников следовать его идеям. Удары, которые он нанес по старой системе, имели долговременный эффект. Мало кто желал возрождения абсолютной королевской власти, абсолютной власти одной палаты парламента или лаудианской системы управления церковью. В начале своей карьеры Оливер мог с уверенностью сказать о своем положении: "Никто не поднимается так высоко, как тот, кто не знает, куда идет". Живые силы Англии - силы, направленные на разрушение тех барьеров, которые он сам преодолевал, - поддерживали его, как сильного и уверенного в себе пловца, его несло вперед по течению. В последней части карьеры Протектора все было далеко не так. Его неспособность создать постоянное правительство объяснялась не только недостатком конструктивного воображения. Скорее, это было вызвано двумя причинами: возмущением, вызванным его положением главы армии, чье вмешательство в политические дела вызывало еще большую обиду, чем финансовое бремя, которое оно налагало на народ, не привыкший к регулярному налогообложению; и реакцией, которая началась против духовных притязаний того пуританства, глашатаем которого он стал. Первая причина обиды не требует дальнейших комментариев. Что касается второй, то для формирования истинного исторического суждения необходимо отбросить все сектантские пристрастия. Не реакция против религиозных доктрин или церковных институтов, поддерживаемых Протектором, привела к разрушению его системы правления. В высшей степени маловероятно, что революция когда-либо произошла бы только для того, чтобы восстановить епископат или Книгу общей молитвы. Если реакция не была направлена против милитаризма, она была направлена против внедрения в политический мир того, что казалось слишком высоким стандартом морали, реакция, которая нанесла особый удар по пуританизму, но которая с такой же силой ударила бы по любой другой форме религии, которая, подобно той, которую поддерживал Лауд, призывала к силе государства для обеспечения своих требований.

И это еще не все, что можно сказать. Даже если Оливер сам по себе не был кислым фанатиком, как ошибочно утверждали памфлетисты-роялисты после Реставрации, невозможно отрицать, что он стремился с помощью правительственных актов вывести людей на путь морали и религии за пределы, которые установила для себя обычная человеческая природа. В отношениях с иностранными государствами его ошибка в этом вопросе была более заметной, потому что он гораздо меньше знал условия эффективного действия за границей, чем у себя дома. Можно с уверенностью сказать, что он знал о

Шотландии меньше, чем об Англии, об Ирландии меньше, чем о Великобритании, и о континенте меньше, чем о любой из трех наций, над которыми он правил. Иногда говорят, что Оливер заставил Англию уважать себя в Европе. Более правдивым было бы сказать, что он заставил ее бояться.

Здесь нет необходимости продолжать эту тему. Развитие этой темы предназначено скорее для историка Англии, чем для биографа Протектора. Притязания Оливера на величие могут быть проверены тем несомненным фактом, что с течением веков его характер получает все более широкое признание. Ограничения его натуры - односторонность его религиозного рвения, ошибки его политики - исчезают из поля зрения, благородство его мотивов, сила его характера и широта его интеллекта заставляют умы поколений, для которых объекты, к которым он стремился, в большинстве своем были достигнуты, хотя часто не так, как он ставил перед собой. Даже те, кто отказывается тратить мысли на его духовные цели, с благодарностью вспоминают его постоянные усилия сделать Англию великой на суше и на море; и было бы хорошо, если бы им также напомнили о его не менее постоянных усилиях сделать Англию достойной величия.

О самом человеке достаточно повторить слова того, кто хорошо его знал: "Тело его было хорошо сложено и крепко; рост ниже шести футов - я полагаю, около двух дюймов - голова такой формы, что можно было представить ее как склад и магазин, состоящий из огромной сокровищницы природных частей. Нрав его, как мне известно, был очень вспыльчивым, но пламя его по большей части сдерживалось или вскоре утихало благодаря тем нравственным качествам, которыми он обладал. Он от природы был сострадателен к людям, попавшим в беду, даже до слабости; хотя Бог создал его сердце, в котором не оставалось места для страха, кроме как перед Самим Собой, которого было немало, он все же превосходил всех в нежности к страдальцам. Думаю, более великая душа редко обитала в глиняном доме".

АБЕРДИН: УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПРЕССА.

Примечание переводчика

Оглавление добавлено транскрибатором.

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, если в книге преобладали те или иные варианты; в остальном они не изменялись.

Исправлены простые типографские ошибки. Многие пропущенные точки и несколько пропущенных запятых были беззвучно добавлены там, где их следовало напечатать с дополнительным интервалом.

Неоднозначные дефисы в конце строк были сохранены.

Обложка создана транскриптором с использованием иллюстрации из оригинальной книги и помещена в общественное достояние.